

Министерство образования Республика Беларусь

Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Историко-филологический факультет

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 2

Новополоцк
ПГУ
2014

УДК [821.161.1(476)+821.161.3]–822

Редколлегия:

А.И. Мозго (отв. редактор), *Д.А. Лабовкин*, *С.В. Гочаков*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» *А. А. Гугнин*;
кандидат филологических наук, доцент *Н. Б. Лысова*

В альманахе представлены художественные литературные произведения, переводы и публицистика. Целью издания является развитие и продвижение литературного творчества студентов и преподавателей Полоцкого государственного университета, а также оживление интереса к текущему литературному процессу.

ЭССЕИСТИКА

СЕРГЕЙ ГОЧАКОВ, студент гр. 09 АЯ-2

О СМЫСЛЕ

Творчество – один из основополагающих аспектов человеческого сознания. Искусство, в свою очередь, является творческим продуктом и, таким образом, есть самое явное, доступное и полное выражение внутреннего устройства сознания.

Искусство рождает образ. Этот образ по сути своей целен, ведь исходит он от одного живого вещества – человека, но в тоже время он расщеплен на сотни тысяч субъективных восприятий данного образа.

Вот по улице идет девушка. Она стройна, молода, красива. На ее тонкой аккуратной ручке красуется милая блестящая цепочка. Золотая и легкая, она состоит из сотни-другой мелких звеньев, что делает ее конструкцию подвижной. Каждое звено, скрепляясь с другим, образует целую систему. Уменьшая количество звеньев в системе, мы уменьшаем способность данной системы двигаться, изгибаться, в конечном итоге, принимать любую форму. Эта способность есть условие, при котором цепочку практически невозможно сломать, способность, которая делает присутствие данной цепочки на руке незаметным и, вкупе с ее красотой, приятным для девушки. На какую мысль наводит нас цепочка и система звеньев, из которых она состоит? Кто-то скажет, что приметил в ней символ связи, дружбы, надежности, стойкости, гибкости, созидания. Кто-то копнет глубже и заметит, что девушка просто-напросто выигрывает, нося такую приятную вещичку у себя на руке, ведь издревле известно, что ювелирные украшения, а особенно золотая цепь, являются отличительным знаком благородства и богатства.

С другой стороны, чем звенья цепи больше и тяжелее, представим, например, звено размером с грубый мужской кулак, тем меньше у хрупкой девушки шансов на передвижение, и, тем более, на получение от этого какого бы то ни было удовольствия. Из благородной девы она вдруг превращается в печальную узницу, а сама золотая цепочка становится громоздкой железной цепью, сковывающей и отвергающей любое возможное желание ее обладательницы. Теперь цепь предстает перед нами как символ запрета, неволи, разрушения, деградации.

Эта довольно причудливая метафора наводит нас на мысль о том, что любая структура имеет двойственный характер. Всякая, даже самая простая структура может одновременно являться рупором дальнейшего движения, созидания и иметь деструктивное влияние, связывать намертво любую интенцию.

Если мы согласимся, что смысл проявляется только с появлением человека, то слово – структура его создающая и хранящая. Если же мы предположим, что смысл существует независимо от человека, существовал до человека, то слово – структура связующая, структура, репродуцирующая этот трансцендентный, всеобщий смысл.

Так или иначе, слово есть необходимая структура смысла, его образ. Именно поэтому создавать новый образ, значит не что иное, как творить новый смысл. Отсюда следует, что слово, как и любая другая структура, может рождать смысл и в то же время скрывать, разрушать все существующие смыслы. Рождение жизненного смысла из слов Христа – наглядный тому пример. Дальнейшее существование христианской идеи не раз подвергалось посредством этих же слов сокрытию ее истинного смысла, его частичному разрушению.

Парадоксально, но даже полнейшая бессмыслица с человеком вдруг обретает тысячи смыслов, ведь бессмысленное существование для него равно смерти. Как высоко человек может подняться и как низко он может пасть? Ведь именно человеческое сознание создало все то, что мы еще когда-то приписывали богам. В этом бесконечном творчестве человеку дана сводящая его с ума свобода выбора. Точно огромная жужжащая дрель, она сверлит его дребезжащее сознание, заставляя задавать эти бесконечные вопросы и раз за разом разбиваться о ледяную стену космической мудрости. Полубог, не знающий, смертен он или нет, в этой неравной борьбе с вселенским абсолютом, человек, несомненно, разобьется, но именно в этой борьбе и создается новый смысл.

Познание, подобно музыкальному инструменту, который или стоит в темном пыльном углу, заброшенный и никому не нужный, или же блистает в руках гениального музыканта. Познание бесформенно, точнее, с легкостью принимает любую форму. Оно бессловесно и в то же время содержит в себе все слова мира. Роковое и свободное, леденящее и сжигающее, оно парит в структурированном хаосе движения и покоя. Время от времени, некоторым удастся вырвать из пыли веков и тьмы пространства ту самую первую заброшенную пастушью дудку, и, обретая неимоверную силу, она через человека созидает целые миры, играет свои великие мелодии и правит сердцами людей. Эта дудка есть тончайшая, связующая нить между необъятным и точнейшим беспорядком вселенной и нашим человеческим сознанием, которая ведет цивилизации к расцвету и гибели, которая дарует способность созерцания и созидания.

Но все это, конечно, лишь слова – человеческие слова, выражающие человеческие мысли. В них столько же истины, сколько и в любых других человеческих словах. Эти слова рождают смысл, а искусство творит образ этого смысла. Оскар Уайльд писал, что всякое искусство бесполезно. Пусть так. Но всякое искусство не бессмысленно.

Останемся прохожими, вторым Паскалю, вспомним, что человек – тростник, но тростник мыслящий. И все, что ему остается это мыслить. Так давайте мыслить достойно!

ПОЭЗИЯ

ЕЛЕНА БАЛТРУКОВА, студентка 09-АЯ-2

Арфа паучья тонкими нитями
Кожу сдирает, под ней обнажив
Кости и плоть для солнечной пыли
Златой, невесомой,
Как пух тополиный,
Что ввысь летит, в летнее золото.
Сорван покров звенящими струнами,
И с белизной одуванчиков
В синь взмывает душа беспокойная
В жарком восторге стремясь насладиться
Солнца фотонами – колкими
Частицами,
Пронзающими тонкость бытия.
Чтоб ее воссоздать
Сквозь скопление пуха в выси бездонной,
Возвращаясь к траве иссушенной,
Выцветшей, небу под стать,
Потускневшей,
В иную реальность ушедшей,
Сохраняя притворный покой мироздания,
Бьющегося на гранях сознания,
В биении с пылью вздымая его –
И в ветви кривые, что так высоко
Упруго корявыми пальцами лишнее
Все снимают,
Мысли толкая
Все выше и выше
Туда, где рождаются звездные нити
И сквозь Вселенную летят по орбите
Звоном счастья извечного,
Непонятого и неслышного,
Наполняя им тьму бесконечности,
Вторгаясь в пространство, в ожидании застывшее,
Струны незримы, но все же звенящие,
Одни лишь они настоящие,
Ибо зелень и синеву выжигая,
Их резонанс отправляет
Пух в первый полет
Сквозь слезы растроганных сосен,
Кои ответ дать торопятся, в воздух подбросив
Перьев цветные комки,
А они,
Крылья раскинув,
В лето кричат,
Песни Вселенной круг
Замкнув.

По пояс в воде
На одной ноге
Держат небесный свод
Тополя.
Стоят,
Словно Атланты,
Боясь,
Что вот-вот упадет
Прогнившее, ветхое небо.
Корою покрытые, словно морщинами,
Ветвями озябшими, перебитыми,
Скрюченными, как от артрита,
В сырости талых вод,
Из года в год
Держат гиганты небесный свод.
Серые, изможденные,
На вечные страдания
Слепою судьбой обреченные,
Без права на оправдание,
Из грязи и копоты низкой,
Осевшей
На мусоре умершей мысли,
Истлевшей,
Они, вскинув тысячепалые руки
В муке
Удерживают ту же мерзость и грязь,
Словно стремясь
Разорвать, расчленив тот порочный круг,
Заставляющий небо
Выплевывать гной,
Гневно,
В ответ на дымные жертвы людской
Возни.
Там, в грязи.

ЕЛЕНА ЧУЛОВА, преподаватель кафедры
мировой литературы и культурологии

ЕКАТЕРИНА ВОРОПАЕВА,
студентка 09-АЯ-2

ВЕТЕР дует сквозь окна
И приносит обрывки
Полосатых весенних небес.
Дребезжащие стекла,
Непростые улыбки,
Диалоги,
Ивейн и Клижес.
Ветер дует и носит
Слова и субличности,
Метафоры, хитрость, обман.
Бушель за зиму высохшей академичности
И мечтаний людских океан.

На странице сражается рыцарь с преградами,
Но едва ли он сможет познать
В мире белом, наполненном лэ и балладами,
Ветра подлинного благодать.
Хотя, думаю, делать такие выводы,
Может автор психолог-стилист,
Чтобы звуки в строке – как рапирой выпады,
А я здесь не специалист...

Бедный автор, post mortem в свой мир вселяясь,
Будет весьма удивлен,
Что не видят, страдая и веселясь, те,
Кому он бог и закон...
Что тем, для кого он последний предел,
нет до него дел.
Увы, все заняты своим делом,
И едва ли ему повезет
Сесть на пригорке под дубом ветвистым
И вместе смотреть на восход,
Обсуждая с протагонистом
Перипетий поворот.

Изрядно устав от такого расклада,
Сядет один на бугор
И подумает – к людям бы выйти надо,
С людьми – другой коленкор.
А герои пусть себе, сами, ладно,
Ведут о вечности спор...

Смой мои слёзы, дождь,
Сотри страх, печали и грех,
И беды все те, что не ждёшь.
Верни мне счастливый смех.

Верни мне, дождь, мой покой,
Пролейся над слабой моей,
Погибшей от жажды, душой,
Не помнящей сладостных дней.

Скажи, дождь, о чём шумишь?
О чём хочешь мне рассказать?
Отчего в ночь глухую не спишь,
И хочется плакать, рыдать?

Разбей мои грёзы-мечты
Давно ведь за нас решено.
Покой мой, дождь, там, где ты...
Где нет – он потерян давно.

Прости, дождь, мой крик и пыл,
Но стало лишь от того,
Легко, что ты просто был,
Надеждой по сердцу прошёл.

Смой мои слёзы, смой,
Сотри страх, печали и грех,
Гони всё плохое долой,
Верни мой счастливый смех!

Одиночество, одиночество
В ночи стучится в двери.
И без имени, без отчества
Свирепым ворвется зверем.
И останется, и поселится
В темноте у моей постели,
И по-волчьи скулить не осмелится,
Склонив голову мне на колени.
Одиночество, одиночество
Не уходит прочь из обители,
Не желаю я слушать пророчества,
А прогнать, чтоб глаза не видели.

МАРИНА ГИЛЬ, магистрантка

АНАСТАСИЯ МОЗГО, магистрантка

Оракул

Роняешь мокрые следы,
Утяжеляешь время ожиданием,
Не спишь, молчишь,
И сладкие часы
Терзаешь в сумрачной тиши
Своего безумного сознания...

Уж полдень близок...
Что с того?
Желанье растворяется, как сахар,
И привкус знойный, как вино,
А ты всё льстишь себе, земной оракул...

Проси пощады, коль в гордыне!
Иль преклоняй своё чело
К ногам неведомой богини,
Но не касайся уст её.

Не мерь ты лиц.
Пусть их туманы
Рассеются над мостовой,
А мы с тобой хмельным обманом
Шагнём неведомой тропой...

Вдох

И на дне перепутанных улиц
Нас безмолвно встречают шаги.
За углом перевёрнутых будней
Поджидает нас эхо судьбы.
И бессонно страницы листая,
Забываем, кем были, кто есть,
Мы осколками жизни терзаем,
Забирая надежду и честь.

За потерей таинственной, мрачной
Мы не видим былого. Увы!
Не скорбим мы уже и не плачем,
Мы, как все, в одночасье живы.

Тихим ветром в осенних приметах
Мы безбожно врываемся в миг.
Блеклый густок печалей и смеха
Мы разделим теперь на двоих.
У окна беспощадных терзаний
Томный странник мне пишет письмо.
И одна за другою страницы
Превращаются в летопись снов.

Нерушимо сплетаем мы руки,
Ткани тел пусть сотрутся песком,
Перекрёстки, дороги и небо –
Всё за то, чтоб мы были вдвоём.

Три ворона летели над землей:
Один был юн и молод,
Другой – постарше, посмелей,
А третий – черный холод.

Перо упало в руку мне,
Надломано судьбою –
То ужас смерти в тишине
Средь облаков прибоя.

Слеза прощанья на лице,
Свобода в созиданьи
И шелест вереска во тьме
Скупого состраданья.

Три Солнца ждут меня в Аду
Забывтого расклада,
Колода карт сожжет мольбу
Под пепла вальс и смрада.

О Лун безликое молчанье,
Небес лазурных состраданье,
О Солнце безмятежных снов
В сплетенье тысячи оков,

Мольбе внимайте монотонной
В извечном свете монохромном
На перекрестке сумрачных безумий
Под ливнем скованных раздумий.

В воспоминаньях страха веренице
Промчится юность в колеснице
К реке полночного забвенья
В надежде чуда исцеленья.

Изгнав мечту из сновидений,
Испив амброзии гоненья,
Муар на плечи ровно ляжет,
Дорогу в бренность пусть укажет.

Украив из уст наивных верность,
Испепелив тоскою тленность,
Алмазом слез сорвет печать,
И повернется время вспядь.

В последнем выдохе рассвета
Утонет истина поэта,
Изнеможенный он уснет,
И алый лотос расцветет.

ТАЦЦІАНА БАГАРАДАВА, викладчик кафедри
сусветнай літаратуры і культуралогіі

У колазвароце вечных дзён...

Вечнае

Аднойчы я хачу цябе сустрэць
Вясновай сакавіцкаю парой,
Ад утраплення раптам анямець –
І кардынальна памяняць настрой.

Зноў выпіць апантанасці напой
З кілішка дня – і сонцам закусіць,
Бо нават неба ўсплёск эмоцый мой
На схіле дня не зможа пагасіць.

Дапіць няўтольна, прагна і нагбом
Пачуццяў горка-даўкае віно
Ці хмельна-ядраны ямайскі ром
Натхнення і жадання – усё адно!

Калі ж пацверазее ўваччу,
Раптоўна пасвятлее ў акне,
Тады на ўвесь я голас закрыву:
«Няма ніякай ісціны ў віне!»

Я між вамі нябачнай сняжынкай
Зноў спушчуся да вечнай зямлі,
Праплыву ў верасах павуцінкай,
Дакрануся да цёплай раллі.

Прагным дожджыкам, спелым, вясёлым,
Ахіну і лясы, і палі –
Разальцеца пяшчота наўкола
Па маёй шматпакутнай зямлі.

І яна адгукнецца чуліва
Пад узмахамі Боскай рукі,
Бо здаўна і давеку, мажліва,
Лёс у Сусвеце нам выпаў такі:

Мы – зярняты, што колас натоляць
У прахалодзе гаючай расы,
А нябёсаў апошняя споведзь
Адыдзе ў былыя часы!

Самае вялікае шчасце ў жыцці –
Гэта ўпэўненасць, што цябе кахаюць.
В. Гюго

Палкае, шчымлівае, жывое,
Пачуццё пагрукала ў дзверы
І прынесла светлага настрою
Ў змрок маёй пакінутай кватэры.

У шчаку пацалаваўшы сходу,
Мне руку паціснула раптоўна;
Завяло размову пра пагоду,
Што было тактоўным, безумоўна.

І, асталяваўшыся шыкоўна
Ў душы, што звывклася з падманам,
Клапатліва пачало і поўна
Ўрачаваць залізаныя раны.

Шчыра захапіўшыся гульнёю
З сэрцам, што даўно спакойна спала,
Не пасябраваўшы з галавою,
Часткай арганізму хутка стала.

І напрыканцы зімы халоднай
Да блакіту дня пралескай лезе;
Пераспелай коціцца, свабоднай,
Журавінкай па падталым снезе!

LARS JENDREIZIK, Lehrer für Deutsch, Lehrstuhl für Weltliteratur
und Kulturologie, Sektion für Deutsche Sprache

Wenn...

Wenn du dein nasses Haar schüttelst, fallen Wassertropfen gleich tausenden Rubinen heraus.
Wenn du mir dein Lächeln schenkst, verblasst sogar die Sonne.
Wenn nur ein Hauch von etwas deinen Körper bedeckt, dann hält die Umgebung die Luft an.
Wenn deine Mimik spielt, dann bist du Kind und Prinzess zugleich.
Wenn du bei mir bist, vergesse ich die Zeit.
Wenn du schweigst, erstarrt das Leben um uns.
Wenn du in meiner Nähe bist, bin ich stark und zuversichtlich.
Wenn du mich anschaust, seh ich das Feuer in dir.
Wenn ich dich betrachte, kann ich meinen Blick nicht von dir wenden.
Wenn du mit deiner Stimme spielst, dann bist du Frau und Mädchen.
Wenn deine Augen leuchten, funkeln zwei Smaragde.
Wenn ich mit dir zusammen bin, entfachst du ein Feuer, das mich verzehrt.
Und wenn dein Körper spricht, weckt er das Verlangen in mir.
Doch als du gingst, zerbrach es mir das Herz.
Warum nur musste ich dich treffen?

02.06.2011

Grau in Grau

Grau ist der Alltag,
grau ist das Leben,
grau ist der Schnee,
grau sind die Häuser, in denen wir leben,
grau ist die Kleidung, die wir tragen,
grau sind die Gesichter der Menschen,
grau ist, was wir glauben zu wissen.
Grau ist mein Herz und meine Seele,
grau sind meine Gedanken,
grau ist mein Zustand,
grau ist der Abschied,
grau ist der Bruder des Todes,
alles ist grau,
so grau.

03.03.2014

Grausam

Grausam ist das Schicksal,
grausam ist die Liebe,
grausam ist die Einsamkeit,
grausam ist die Stille,
grausam ist das Spiel des Lebens, das ich nicht gewinnen
kann,
grausam ist dein Ton, wenn du schweigst,
grausam ist dein Mitleid, das du mir schenkst,
grausam ist dein Lächeln, das du mir schenkst, wenn du
sagst, dass alles gut wird,
grausam ist die Wahrheit, wenn du sagst, dass du gehst,
grausam grau.

03.03.2014

ВСПОМИНАЯ НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ

АЛЕКСАНДР ГУГНИН, заведующий кафедрой
мировой литературы и культурологии

ГОТИЧЕСКИЙ СОН

(Перед зачетом по готскому языку)

Ольге Александровне Смирницкой

Иду я рощей. Шум перегласовок
Пьянит меня. И странно возбужден
Я вслух склоняю что-то с – "п" основой
И напеваю Зиверса закон.
Я полон сил. В груди такие звуки –
Сам Хольцман позавидовать бы мог.
Мои веляризованные руки
Любые корни скрутят в узелок.
И вдруг навстречу сам кровавый Вернер:
Звончит, глушит, сонанты гнет рукой.
Впервые в жизни струсил я, поверьте,
Но принял бой, о боже, страшный бой!
Он придыхал – я гласными швырялся.
Он озвончал, а я его глушил.
И с корнем, с корнем рвали сибиланты
Последние основы из души.
А ротацизм, сердитый гот-торговец,
Рычал в кустах и думал, чья возьмет.
Он крови жаждал, красной теплой крови,
Кривил редуцированный рот.
Вдруг смерклось сразу. Грозно встал над рощей
Угрюмый прагерманский ареал.
И понял я – судьба мне смерть пророчит,
И громко стал к себе на помощь звать.
...Я обессилел, сел на "t" двойное,
И вытер парадигмой пот со лба.
А Вернер хладнокровно и спокойно
Стал Чемоданом целиться в меня.
И вдруг, о Боги! Снова дар волшебный
Вы перед смертью подарили мне:
О. С. я встретил в этот миг вечерний,
А раз увидев, можно умереть.
На колеснице, в царственном наряде –
Богиня мира! А в глазах печаль.
Аблаут протянула мне за храбрость.
Я взять хотел. И вдруг проснулся. Жаль!..*

29 декабря 1962, Москва, МГУ

* Чемодан – шутовское студенческое прозвище известного профессора-германиста филологического факультета МГУ Чемоданова Николая Сергеевича (1903–1989), мягкость или строгость которого на зачетах и экзаменах были непредсказуемы. Остальные имена и реалии не искажены и могут быть поняты без специальных комментариев, особенно филологами-лингвистами. Никаких поправок в написанный на втором курсе текст я не вносил. Ольга Александровна Смирницкая (в то время аспирантка) – профессор МГУ и крупнейший российский скандинавист.

ПРОЗА

СЕРГЕЙ ГОЧАКОВ, студент гр. 09 АЯ-2

ЛИТОВКА

Это был самый обыкновенный день, во всяком случае, мне так казалось сначала. Конечно, только потом я понял, что это был совсем необычный день, а, наверное, чудеснейший день в моей жизни.

Все началось с того, что я шлепнулся у самого входа, в дверях. Мокрый кафель, скользкие подошвы, я во всем белом. В общем, ужас. Феноменальное падение: ноги кверху, папка с документами в сторону. Зад болел жутчайшим образом. Я покраснел, поймал удивленные взгляды заинтересовавшейся толпы. Точнее это было целое сборище, состоявшее из маленьких группок: африканцы, индийцы, американцы, русские, поляки и литовцы. У меня вдруг появилось ощущение, что я переместился во времени и очутился на каком-то важном собрании близ Вавилонской башни. Я даже задумался об этом на мгновение, но быстро вернулся к реальности и попытался встать, будто бы ничего не случилось. Попытка не пытка, но скрыть стыд все же не удалось. Штаны в пятнах и разводах от уличной грязи, я собираю вывалившиеся документы обратно в папку, а на меня все glareют. И тут вдруг произошло то, что забыть я не смогу никогда.

Она стояла совсем неподалеку с тремя другими девушками. Они смеялись, наверняка надо мной, за что я их в принципе не корю. Но она выделялась среди подруг, она выделялась среди всех, кто стоял тогда в том холле, как полярная звезда она горела ярче и мощнее, но горела не вульгарно, не как разряженная новогодняя елка – она просто превосходила их во всем.

Если говорить честно, я не верю в любовь с первого взгляда. Не буду врать, что я влюбился. Но тот факт, что люди нравятся или не нравятся сразу, как только ты их увидишь, вполне реален. Так вот, я был поражен ею, ее натурой, ее внешностью. Я хорошо помню то свое состояние и впечатление от встречи с ней из-за того, наверное, что больно упал, а всякие шоковые или же волнительные ситуации очень точно запечатлеваются в памяти.

– Вот так удача!

– Да ладно вам, не повезло мальчику.

– Во всем белом, да еще так грохнулся, просто умора.

Они что-то говорили на литовском, хохотали, а я только успел собрать свои вещички, и тут же посеменил в уборную, чтобы привести себя в порядок. Про девушку я мгновенно забыл, потому что дело у меня было серьезное. Надо было узнать, поступил я в университет или нет, а чтобы это сделать, нужно выглядеть, по крайней мере, удовлетворительно. Тем более говорить нужно будет на английском, а для этого надо собраться и сосредоточиться, особенно когда знание языка оставляет желать лучшего. А еще я перестал о ней думать, потому что было понятно, что мне с ней ничего не светит и светить не может. Она литовка, я русский, а потом еще она такая красивая, а я только что плюхнулся прямо перед ней, опозорился. Да и вообще я застенчивый парень, никогда не подойду сам. К тому же я был уверен, что у такой девушки должен быть молодой человек, а как же иначе.

Разговор с заместителем декана, американкой по национальности, вышел довольно скучный и даже прискорбный, поэтому передам только его суть. В международный христианский университет я не поступил. Я не расстроился и даже не думал расстраиваться. Мне все в нем не нравилось от начала и до конца. Во время беседы я смотрел на эту женщину, пытаюсь уловить смысл ею сказанного, и понял только одно, что я «didn't pass». А она, все что-то разжевывала на своем тянущемся, как жвачка, английском и озаряла меня знаменитой, американской улыбкой, которая, по моему мнению, больше походила на волчий оскал. Чего улыбаться, ничего хорошего же не произошло?

Растрепанный и поникший я вышел из корпуса и сел на скамейку перед главным фасадом здания. Люди расходились кто куда. Кто-то был весел, а кто-то шел понуро, в плохом настроении. Я достал сигарету, закурил, положил папку и откинулся на спинку скамьи. Мучение кончилось, завтра поеду домой и все будет по-старому. Не нужно больше кривляться и изгаляться.

Вдруг я увидел ту самую девушку, которой недавно выпал шанс лицезреть мое падение, как в прямом, так и переносном смысле. Она шла радостная в окружении тех же подруг. Они остановились совсем рядом со мной. Залепетали, как это свойственно девушкам, много смеялись, а я, не подавая вида, наблюдал за ними и

медленно курил. Прошло минут пять, спешить мне было некуда, я потушил сигарету, достал еще одну и снова задымил. Они все болтали и еще больше смеялись, а потом начали расходиться, только вот она никуда не шла.

– Я тебе напишу!

– Ну, хорошо, хорошо.

– Только ты не забудь! А то ты сейчас одно говоришь, а потом опять забудешь.

– Ну, хорошо! Хорошо! – говорила она улыбаясь.

Они попрощались с ней и пошли восвояси. Она же присела на скамейку, достала телефон и стала кому-то звонить. Я сидел как завороченный и таращился на нее, забыв про то, что курю. Она, ни с того ни всего, глянула на меня, а я так испугался, что передернулся и отвернулся в другую сторону, будто и не смотрел вовсе. Потом я увидел, что она улыбается, и понял, что она меня заметила. Стало стыдно, я уже даже хотел уходить, как вдруг она положила трубку и подошла ко мне.

– У тебя есть сигарета? – спросила она. А я ей в ответ, свою коронную, заученную фразочку.

– Я не могу говорить по-литовски, но понимаю немного.

Что к чему? Зачем я это сказал? Я же понял, что ей нужно, сейчас возьмет эту несчастную сигарету и побежит от меня в ужасе. Но только вот вместо этого она рассмеялась. И так приятно она смеялась, что мне почудилось, что я этот голос уже слышал, такой он был родной и такой естественный. Чудесный голос, как, впрочем, и она сама.

– So then, English?

– Yes, – робко ответил я.

– Do you have a cigarette? – она улыбалась и нарочно растягивала каждое слово.

– Yes, here.¹

Я протянул ей открытую пачку, и тут наши взгляды встретились. Это были удивительные глаза. Я как сейчас помню эти два сверкающих огонька. Они сияли неведомой энергией. Но больше всего меня поразил их цвет. Яркий-преярко, светло-голубой, очень насыщенный цвет – волшебный цвет. Что-то похожее можно увидеть у древнейшей породы собак Хаски. Кто-то скажет, что не очень-то романтично сравнивать глазки молодой девушки с собачьими, но лично я ничего плохого в этих животных не нахожу, а глаза у этой породы необыкновенные.

– What's your name?

Я сказал ей свое имя, она о чем-то задумалась, а потом я спросил ее имя.

– Simonne, – ответила она.²

Я тоже, надо сказать, задумался. У моего дяди была собака, и ее звали Симоной. Он звал ее Симочкой, и в детстве я много играл с ней во дворе его дома. Хорошая была собака, очень умная, воспитанная, понимала человеческую речь и вела себя крайне прилично. Потом с ней что-то случилось, вроде бы кто-то ее застрелил, не помню уже как и из-за чего.

Ну, в общем, дошло до смешного. Получалось, что глаза ее напомнили мне собаку, и имя на мой русский слух тоже ассоциировалось с собакой. Я начал лыбиться и выглядел, наверное, как полнейший дурак. А потом подумал и решил, что все это неважно, что ж поделаешь? Получается, что русскому, имя для собаки, то литовцу, имя для девушки изумительной красоты. Ничего здесь не поделаешь. Она, слава богу, прервала мои размышления.

– Are you going to study here?

– No, actually not. I've failed my exam that is the problem. But I don't care. I didn't want to study here anyway, so...

– But why? This University is good. The best in Lithuania, I think.

– Not for me.

– Hm, you are strange! – она опять растягивала слова, а потом улыбнулась. Я улыбнулся в ответ.

– And what about you?

¹ – Тогда на английском?

– Да.

– У тебя есть сигарета?

– Да, держи.

² – Как тебя зовут?

– Симона.

– Yes, yes everything is fine, I guess. I'll definitely study here.

– Are you happy about it?

– Of course, I am. It is the only way to get a good job in Europe. I don't want to work there as a waitress.

– I don't understand. Why do you want to work and live there in the first place?

– What do you mean?

– I mean, what is the point of leaving your own country? It is the place where you were born; don't you want to make it better instead of leaving it?

– I want to see the world. I want to have a nice family in some cozy place. There is nothing to do here. It is boring here, – она смотрела на меня ошарашено, будто я несус какой-то бред, но было видно, что она заинтересовалась. Я в свою очередь разошелся и, не веря сам себе, лепетал на английском, как на родном:

– It is the problem of our generation. Our parents had been smart enough to break everything down, to destroy the system and open the gates to the whole world, but the only thing that they showed us after that was garbage and tons of complains about the miserable life in our countries. All these scary news about criminals and so on. And notice this: they said nothing about loving your native country; nothing about an opportunity to make our country great. No, no, no! The only things we heard from them when we were children were to buy and to sell. Freedom! They were blind, and now they are suddenly surprised why we all want to leave so much. I wouldn't be surprised. And the saddest thing is that it is not only TV and government that we should blame, it is mainly our parents who we should blame. They try to do something now, but what is the point? Nothing will change us that is for sure.¹

Я остановился, потому что понял, что говорю уже очень долго и, видно, ей надоело меня слушать, но она, как ни странно, слушала меня очень внимательно. Мы постояли несколько секунд в молчании, я подумал, что сейчас она скажет, что ей было приятно со мной познакомиться и пойдет по своим делам, но она вдруг спросила:

– Are you busy right now?

– No, I am free.

– So, maybe we go to some place, drink some coffee, and talk?²

Я был смущен до глубины души. Такая красотка, сама приглашает меня в кафе. Как будто мир перевернулся и все пошло вверх тормашками или я просто очутился в параллельном измерении. Наверняка, мое удивление легко читалось на моем, искривленном от неожиданного предложения, лице. Она добавила:

– If you don't want to go anywhere, I'll understand.

– No, no, I would love to! Are you kidding me? If to be honest, I have nothing to do and it is a pleasure.¹

¹ – Ты собираешься здесь учиться?

– Нет, вообще-то нет. Я провалил экзамен, вот в чём проблема. Но мне всё равно. В любом случае я не хотел здесь учиться, так что...

– Но почему? Это хороший университет. Лучший в Литве, я думаю.

– Не для меня.

– Хм, ты странный!

– А что насчёт тебя?

– Да, да, всё замечательно, я думаю. Я точно буду здесь учиться.

– Ты рада этому?

– Конечно же. Это единственный способ получить хорошую работу в Европе. Я не хочу работать там официанткой.

– Я не понимаю. Почему ты хочешь жить и работать именно там?

– Что ты имеешь в виду?

– В смысле, зачем уезжать из своей страны? Это же твоя Родина; разве ты не хотела бы сделать её лучше вместо того, чтобы оставлять?

– Я хочу посмотреть мир. Хочу, чтоб у меня была хорошая семья в каком-нибудь уютном месте. Здесь нечего делать. Скучно тут.

– Это проблема нашего поколения. Наши родители были достаточно умными, чтобы всё разрушить, сломать систему и открыть нам двери в мир, но единственное, что они нам потом показали – это мусор и бесконечные жалобы на жалкую жизнь в наших странах. Все эти страшные истории о преступниках и так далее. И вот ещё что: они ничего не говорили о любви к своей родине, о том, что есть возможность сделать нашу страну великой. Нет, нет, нет! Всё, что мы от них слышали, когда были детьми, – покупать и продавать. Свобода! Они были слепы, а сейчас они удивляются, почему мы хотим отсюда уехать. Я бы не удивлялся. А самое грустное – это то, что мы должны винить не только телевидение и правительство, но главным образом – наших родителей. Они пытаются сделать что-то сейчас, но какой в этом смысл? Ничего нас не изменит – это точно.

² – Ты сейчас занят?

– Да нет, свободен.

– Тогда, может, нам зайти в кафе, выпить кофе и поговорить?

Мы шли рядом медленным шагом. Вскоре мы вырвались из череды примелькавшихся глаз, однообразных дворики и окунулись в теплую атмосферу балтийского города. Мощенные булыжником улочки, изящные фасады старинных зданий, с едва видными, красными, черепичными крышами и пышковые, надутые облака, томно сгрузившиеся на небе – все это окружало нас и поражало мое встревоженное сознание.

В кафе она заказала кофе, а я – пиво, нужно было сбавить обороты и снять напряжение. Говорили на ломаном английском. Она при этом говорила со смешным для меня литовским акцентом, а я, хоть и не замечал за собой этого, наверное, говорил с русским.

Она была очень аккуратна, по-женски опрятна, что ли. Женщины практически всегда опрятны, но не всегда в такой вот степени. Она была блондинкой, одета с иголочки, маникюр стоящий, но не вычурный. Видно было, что живет она в достатке, но в ней не было и тени этой дешевой дороговизны, которой так знамениты девушки, у которых либо вообще нет денег, либо денег пруд пруди.

Мы просидели в кафе целый час, я успел выпить два бокала пива. Выпил бы еще, но стеснялся показаться пьяницей. Когда вышли на улицу она спросила:

– When do you leave Lithuania?

– Tomorrow.

– So maybe then I'll show you 'round the town. It is a beautiful town.

– Why not? It is a nice idea.²

И мы пошли гулять по городу, куда глаза глядят. Во всяком случае, так казалось мне. Думаю, она знала, куда идет. Заговорили с ней про ее будущую учебу, про мои планы на жизнь. Потом разговаривали на общие темы, и на все у нас с ней были разные мнения. Мы вообще, похоже, думали по-разному, но это совершенно нам не мешало, а наоборот только подстегивало нас, и мы, коверкая английский как это только возможно, пытались быстрее выложить свои идеи и мысли в доступной для понимания форме.

Вдруг ей кто-то позвонил, она тихонько извинилась и попросила подождать. Отошла и взяла трубку.

– Да, привет. Нет, нет. Я не хочу.

Я увидел, что она чем-то взволнована, потом до меня дошло, что это звонил ее молодой человек.

– Я же сказала, что не хочу. Ничего. Ничего. Нет не надо. Я ничего не хочу. Все, ладно мне надо идти.

Потом поговорим. Я сказала, потом поговорим.

И тут она положила трубку, отрешенно посмотрела на меня и тотчас сказала:

– Let's go!³

Таким образом, мы дошли до парка. Очень приличный парк, невзирая на понаставленные тут и там скульптуры странных форм и размеров, но я не мастак в оценке данного искусства, так что не мне судить. Просто мне они были не по душе. Я смеялся над ними, а она пыталась мне объяснить, что это одна из гордостей их города.

Мы остановились. Я дал ей сигарету и подкурил одну сам. Вдруг редкие большие капли захлопали по стоявшей рядом скульптуре. Мы переглянулись и обратили свои взоры ввысь к небесам. Это было нечто. Прямо над нами застыло огромное, синюющее, долговязое тучище, с явным желанием выговориться. Тут не по парку надо гулять, а бежать скорее, чтобы не накрыло волной всемирного потопы. Но она и не думала, куда-то идти, а только бросила на меня вызывающий взгляд, как бы проверяя, не струшу ли я стоять под дождем.

Дождь я любил, поэтому я боялся только за нее. Обычно девушки визжат, как только закапает маленький дождик. Говорят, он портит прическу. Меня всегда это удивляло, столько страданий из-за волос. Летний дождь, пусть даже ливень, это же сказка!

Как только мы кончили курить, дождь полил с новой силой. И тут она внезапно подошла ко мне и с силой толкнула. Ей богу, так это было по-детски. Потом отбежала и с улыбкой крикнула:

– Catch me if you can!⁴

¹ – Если ты не хочешь куда-то идти, я пойму.

– Нет, нет, я с удовольствием! Ты шутишь? Если честно, мне нечего делать, и мне будет очень приятно.

² – Когда ты уезжаешь из Литвы?

– Завтра.

– Так, может, я покажу тебе город. Это прекрасный город.

– Почему бы нет? Хорошая идея.

³ – Пошли.

⁴ – Поймай меня, если сможешь!

Я стоял обескураженный ее поступком. Стоял как вкопанный и не мог понять, серьезно ли она предлагает мне себя догнать или просто балуется. А она опять протяжно, сквозь смех:

– Come on! Come on!¹

А потом меня что-то стрельнуло, я вдруг понял, что живу. Мне надоело стесняться, надоело играть и корчить из себя какого-то умника. Щелчок в мозгу, я про все забыл и побежал за ней со всех ног. Скоро догнал, а когда догнал, так получилось, что обнял. Она прижалась ко мне на долю секунды, а потом опять как рванет в другую сторону. При этом она все время смеялась. Я тоже засмеялся от души. Дождь пошел еще сильнее. Мы промокли до нитки, я ловил ее, она ускользала, а потом опять и опять. И все это время мы смеялись и кричали.

Затем я поймал ее, и так получилось, что мы встали прямо лицом к лицу. Она вдруг остановилась и успокоилась, а потом стала внимательно смотреть мне в глаза. Тогда я растаял. Я осознал всю силу этих сумасшедших голубых глаз.

Я по сути своей очень робкий и застенчивый человек, и в обычной ситуации в такой момент просто бы отшутился и перевел бы внимание на что-то другое, но тут мне почему-то стало наплевать на все. Мне не хотелось отшучиваться, не хотелось сводить с нее глаз, мне хотелось поцеловать ее. Не могу сказать точно, кто сделал первый шаг, но через пару секунд мы целовались. Помню, земля уходит у меня из-под ног, я не верю себе, не верю в то, что происходит. Потом она вдруг прекращает целоваться, смотрит на меня улыбаясь, клянусь, так умеет смотреть только она, и толкает меня снова, вовлекая в очередную игру.

Я уже забыл кто я, кто она. Ливень хлещет по нашим телам, трава мокрая, мы поскальзываемся тут и там. Вся одежда зеленая и у нее, и у меня, но на это было наплевать – и ей, и мне.

И снова сила жизни забила новым ключом, растекаясь по каждой частице моего тела. Я был счастлив. Подумать только, сколько дней проживает человек? Тысячи! А сколько из них он действительно живет? Я за свою жизнь, прожил, наверное, не больше трех, четырех дней. Все остальное – это серая масса. Какая-то пародия на жизнь. Убогое существование! Каждый со своими проблемами, истинами, со своей реализацией, мотивацией и смыслами. Каждый день кому-то что-то доказывать, с кем-то меряться силами, шутить, следить, чтобы тебя не обманули, и постоянно, непрерывно обманывать других, дабы утвердиться и быть на высоте.

А в тот момент я жил. Я чувствовал себя частью этого мира и радовался, как ребенок. Я догнал ее в очередной раз, и мы оба, потеряв равновесие, упали на спины. Она резко залезла на меня, а я извернулся и перекинул ее. Она долго извивалась, и я решил позволить ей в этот раз победить. Она так и сделала, а потом вдруг снова крепко поцеловала. Целовались мы уже гораздо дольше, страстно, будто поедая друг друга, наслаждаясь каждым мгновением. Я вдруг прервал поцелуй и теперь уже с легкостью перевернул ее на спину. А потом я опять ее поцеловал, она же была расслаблена и, чувствуя каждое мое движение, легонько обнимала меня.

Дождь прекратился, а мы все кувыркались на траве. Клянусь, мы зашли бы дальше, но общественные массы вышли из своих укрытий и, проходя мимо, кидали в нашу сторону презрительные взгляды, а кто-то просто смеялся, показывая пальцем. Но, боже мой, как же нам было на это наплевать. Никого не существовало в тот момент, только я и она.

Мы вдруг опять начали смеяться. Оба лежали на спине и смотрели на темно-серое небо. Солнца не было видно, но оно было в наших сердцах. Мы были готовы любить и любили. И пусть буйный ветер гоняет по небесам полчища тяжеловесных облаков, пусть ливень топит зеленую траву, мы вместе с ними живы и вдыхаем чистейший свежий воздух, лежим на мокрой, взрыхленной земле и любим!

Ничего другого мне в голову не приходило, да и придти не могло. Я смотрел на нее и думал, что же с ней все-таки случилось? Почему она пошла с незнакомцем на такую бесшабашную прогулку? Уверен, ей претила эта будничная жизнь, с ее пахабными законами и однообразными правилами. Уверен, она хотела того же, что и я, но, как в какой-то степени и я сам, была уже слишком несвободна. Стереотипы поглотили ее разум и душу, она понимала это, но вырваться обратно на волю из этих стальных оков уже не было сил. Прав поэт, «все сжигает житейская мреть»! То же чувствовал и я.

Мы поднялись и, взявшись за руки, долго еще гуляли по городу. Грязные и мокрые с головы до ног, мы то целовались в запой, подолгу и нежно, будто прощаясь, то пели какие-то знакомые нам обоим песни, как пьяные.

Не знаю почему, но я сразу знал, что не буду спрашивать у нее ни телефона, не узнавать, где она живет и как ее можно найти. Это безумие, но думаю, она знала это тоже. Мы все сказали друг другу. За такой

¹ – Давай! Давай!

короткий промежуток времени я познакомился с ней ближе, чем со всеми своими лучшими друзьями и бывшими девушками. Мы отдались друг другу сразу и полностью и оба понимали, что дать нам друг другу больше нечего.

Вечерело, ей кто-то позвонил. Она ответила не сразу, потом коротко переговорила и сказала, что ее родители волнуются и ей надо домой. Я не стал ничего спрашивать, я будто бы повзрослел, как мужчина, и поэтому только с силой обнял ее и поцеловал на прощание. Я был до жути серьезен. Она смотрела на меня с удивлением, наверное, все же думала, что ей придется что-то объяснять, но я сделал все без лишних фраз. Потом она сказала:

– It was the funniest fall I've ever seen in my life. You were so cute at that moment!¹

Мы расстались посреди какого-то перекрестка, в центре старого балтийского города. Я шел, не оборачиваясь. Я уверен, вернее я знаю, она тоже не оборачивалась.

Я ТЕБЯ НЕ ЛЮБЛЮ

Только несчастный знает, что такое счастье. Счастливец ощущает радость жизни не более, чем манекен: он только демонстрирует эту радость, но она ему не дана. Свет не светит, когда светло. Он светит во тьме.

Эрих Мария Ремарк

– Послушай, какая хорошая фраза. Самое большое заблуждение женщины: он изменится. Самое большое заблуждение мужчины: она всегда будет рядом. Как точно подмечено, – она выглянула из-за ноутбука, чтобы посмотреть, что он делает.

Он лежал в полудреме. Можно было подумать, что он спит, но она знала, что это не так.

– Ты слышишь?

– Да, слышу. Я чуть не заснул, – он приподнялся с кровати, нервно размял лицо руками и бросил на нее холодный взгляд. Растертые, красные глаза казались совсем нерадостными, а в сонной гримасе была заметна легкая раздраженность.

– Прочитай еще раз, а то я не ничего не понял. И который час? Может, мне уже надо вставать?

– Слушай. Самое большое заблуждение женщины: он изменится. Самое большое заблуждение мужчины: она всегда будет рядом. Классно сказано, правда?

– Банальная женская фразочка.

– С чего это вдруг?

– Который час?

– Половина десятого. Нет дорогой, не увливай. Уж порадууй, скажи, что же тебе в этой фразе не нравится.

– Она женская, вот и все. Она мне ни не нравится, мне от нее ни жарко ни холодно.

– Хочешь сказать, в ней нет никакого смысла?

– Смысл есть, но он какой-то однобокий.

– Что же в нем такого однобокого? Что ты придумываешь? По-моему, в жизни так и есть.

– Так и есть? Вот тебе новости, – он усмехнулся и присел на кровати, обхватив руками подушку, – хочешь, я ее переделаю так, чтобы она тебе тоже не понравилась?

– Ай, ну тебя!

– Нет, ну посуди сама, получается, что самодовольный мужчина никогда не меняется и всегда есть шанс, что женщина его бросит. Ну, тогда я скажу так. Самое большое заблуждение мужчины: она всегда будет любить меня таким, какой я есть. А самое большое заблуждение женщины: я одна такая на свете незаменимая и другой такой не сыскать. Вот, теперь звучит гораздо приятнее для мужского уха. А для женского как?

– Что, получается, меняться ради любимых не надо? – ее щеки покраснели. Она разозлилась, и ее хрупкое загорелое тело, прикрытое легкой ночнушкой, приняло боевую позицию.

¹ – Это было самое смешное падение, которое я видела в своей жизни. Ты был таким милым тогда.

Он видел, как дырочки ее носика заходили туда-сюда от волнения. Он безумно любил ее за эту странность, и никогда не встречал подобного чуда прежде. Обнаружить и влюбиться в такое едва приметное движение милого носика мог человек действительно близкий, человек, который не один час провел, наблюдая за своей любимой, всматриваясь и запоминая каждую частичку ее лица.

– Я о твоём высказывании говорю, а не о жизни. И не смей злиться, – он встал с кровати. – Пойду, сделаю кофе, ты будешь?

– Да, давай, – ответила она с ноткой грусти.

Когда он сварил кофе и вернулся в комнату, она уже сидела на кровати и делала маникюр.

– Вот держи.

– Ну, поставь куда-нибудь, как я возьму? – сказала она отвлеченно.

– Да с чего ты взъелась?

– Я не взъелась.

– Я же вижу. Из-за какого-то глупого высказывания из Интернета столько проблем.

– Да нет никаких проблем, – она не смотрела на него, сосредоточившись на коготке, – просто настроения нет.

– Да уж, нет... Разбудила меня своими расспросами. Ты же знаешь, я бываю сам не свой после сна.

– Ты не спал!

– Я засыпал.

– Просто я устала.

– Опять двадцать пять. Чего ты устала? В смысле, может, от меня?

– Нет... Не знаю.

Тут он заметил, как выражение ее лица изменилось, а пилочка зашуршала с особой, нервной активностью.

– Устала от всего.

– В смысле? От нас?

– Нет, не знаю... Не знаю.

– Теперь придется сказать, раз начала. Я уже не успокоюсь.

– Чего ты от меня хочешь?! Не хочу ничего говорить!

Взбудораженный ее словами, он маршировал по комнате из стороны в сторону, наспех глотая горячий кофе.

– Опять начинается, ты...

– Да ничего не начинается, хватит ходить туда-сюда, у меня голова закружилась. Все хорошо, не слушай меня, успокойся.

– Так от чего ты устала? Думаешь, можно говорить такие вот вещи...

– Какие вещи?! – она подняла голову, и их взгляды встретились.

Эти огромные, светло-голубые глаза, два северных алмаза, с волшебным блеском, и порой кажущейся мистической чистотой. В них он вдруг усмотрел, неведомо откуда взявшуюся грусть или даже тоску. Как будто она сдерживала в себе что-то и не решалась сказать.

– Да что случилось-то? Я же вижу с тобой что-то не так.

– Ты так дорог мне, – начала она вдруг совершенно неестественным голосом. – Ты во всем...

– Как понять, я во всем?

– Ты везде, понимаешь. Ты в моей жизни. Для моих родных ты стал самым настоящим другом, родственником. Все мои друзья – твои друзья, и моя жизнь, все мое существо, не знаю, как сказать, как бы растворяется в тебе. Я так боюсь представить эту жизнь без тебя.

– А зачем представлять жизнь без меня? Мы же любим друг друга, мы вместе, у нас еще все впереди. К чему ты клонишь?

– Поэтому и не хочу сейчас говорить об этом, все хорошо, – и она опять склонила голову, продолжая волнительно подпиливать свои ногти.

– Да что случилось, ты начинаешь меня пугать. О чем теперь прикажешь думать?

Его раздраженность сняло как рукой, и чувствовалось, что он действительно растерян. Усевшись напротив нее, он ласково приостановил ее руки, тем самым призывая обратить на него должное внимание.

– Расскажи, в чем проблема? Я думал, я как раз тот человек, которому ты можешь рассказать все, что тебя гложет.

Она искоса посмотрела на него. В глазах читались испуг и смятение.

– Мне все надоело! Ты хочешь знать? Действительно хочешь знать все?

– Конечно, хочу! Я же прошу тебя об этом уже сотый раз, скажи, что тебя тревожит, что тебе надоело?

Может, ты не хочешь больше быть со мной. Откуда мне знать? Может, ты устала от меня, может, не любишь! Это важно! Лучше раньше, чем позже.

Слова вылетали из его рта с наигранной уверенностью, но он, конечно, не верил ни одному из них.

– Я тебя не люблю.

– Что? – его лицо исказилось в боязливой, бесформенной улыбке. Неожиданная реплика не воспринималась всерьез.

– Что? Ты меня не любишь? Посмотри на меня, пожалуйста, и повтори.

– Я тебя не люблю, – она кинула на него мимолетный взгляд, точно страшилась своих слов.

Он заметил, что она, отбросив пилочку, заплакала. Слезы вырвались, подобно летнему ливню во время грозы, и ее нежная, гладкая кожа тут же покраснелась. Это были слезы исповеди, слезы, которые невозможно скрыть, крик души. Камень, который щемил ей сердце и который она так долго боялась отпустить, наконец-то сорвался и полетел вниз со стремнистого берега, безжалостно сбивая и выкорчевывая остатки завядшего чувства.

– Что же ты... – он метнулся к ней и крепко обнял. Он целовал ее в шею и еще крепче сжимал в объятиях. – Что же ты делаешь, ни одной не упадет, ни одной! Перестань же плакать, все выпью, все, – теперь он целовал ее заплаканное лицо, усердно выпивая каждую, вновь появившуюся слезу.

– Не надо! Не надо!

– Ну что же ты такое говоришь, девочка моя, успокойся, хватит. Мы любим друг друга.

– Не надо, – она говорила тише, будто выдавливая слова, – ты делаешь только хуже, я говорю правду.

– Как же правду? – он отпрянул на несколько секунд, – Ты не любишь меня, вот так вот?

– Не заставляй говорить этого, это... – слезы потекли с новой силой, – это самое ужасное, что мне когда-либо приходилось произносить, а ты заставляешь меня сказать это еще и еще раз!

Она легла поодаль от него и уткнулась в подушку, силясь прекратить плач и успокоиться. Он же пребывал в состоянии оцепенения, когда совсем непонятно, что нужно делать и как воспринимать услышанное. Резко вскочив, он взял пачку сигарет с журнального столика и пошел на балкон.

Дул слабый ветерок. Словно предающиеся забвению, уставшие танцоры, красно-золотые листья, ведомые убаюкивающей мелодией осеннего вальса, томно кружили повсюду. Верхушки деревьев следовали их примеру, вяло покачивая поредевшими шапками. Он нервно курил, выпуская клочья дыма из напряженной, раздираемой ни на что не похожим чувством груди.

Когда он вернулся, она все так же лежала на кровати.

– Ты уже не плачешь?

– Нет.

– Слава богу. Может, поговорим?

– О чем?

– Ну как, о том, что ты только что сказала.

– А о чем говорить? – она подняла голову с подушки, и он увидел ее измученное, растерянное лицо. Не выдержав такой печальной картины, он приник к ней всем телом и бережно обхватил за талию

– О чем говорить, – продолжала она, – о том, какая я стерва, о том, что не могла сказать этого сразу, как почувствовала. О том, что из-за своей трусости я врала и тебе и себе в надежде, что все изменится, что все пройдет.

– Все же было хорошо. Мы были счастливы, я так думал.

– Да были, сначала. А потом нет.

– Ну как же ты все это время врала мне, улыбалась, когда не было смешно, и целовала, когда чувствовала ко мне отвращение?

– Я никогда, никогда не чувствовала отвращения к тебе и не чувствую! Зачем ты это говоришь!

– Но все равно, получается что врала, да?

– Нет... Не знаю. Ну что же ты со мной делаешь?!

– А ты? А ты что делаешь со мной?

– Не знаю... Мне так тяжело. Прости меня, прости! Мне и вправду тяжело. Неужели ты не видишь? – она отвернулась и опять заплакала. – Я хотела сказать раньше, я не смогла.

Теперь он ясно осознал, что она не шутит, что это не просто очередная ссора. Все же он не мог до конца поверить в происходящее. Будучи не в силах выдержать напряжения, он заплакал вместе с ней.

– Я не верю, не верю, в то, что ты говоришь, – он запинаясь, ком в горле мешал говорить.

– Я тоже. Прости меня.

– И что... Что, ты уходишь от меня? – с безрассудной усмешкой спросил он.

– Да. Наверное, да.

– Можно же все исправить, такого не бывает, чтобы исправить было нельзя, можно что-то поменять.

– Менять? Ничего не поменяется, как ты не понимаешь! Я не люблю тебя больше.

– Но не может же быть, что это конец. Такой вот холодный и бессмысленный конец. Вспомни нас! Вспомни! Как же ты можешь поставить на этом крест!

– Я помню все. Мне безумно тяжело, но терпеть я больше не могу. Нужно было сказать, я просто боялась, я просто трус. Но я не верю уже ни во что, а внутри меня терзает чувство, что даже если мы будем пытаться что-то менять, моя любовь не вернется, и я все равно сделаю тебе больно. Не нужно делать тебе больно понимаешь, не нужно!

– Мне уже больно, сердце сейчас выпрыгнет наружу.

– Прости меня, – теперь она вцепилась в него и обняла со всей нежностью, – но иначе я не могу.

– Ничего не понимаю, – он убрал ее руки со своего тела и поднялся. Раздраженный, он наворачивал круги по комнате. – Как ты можешь вот так вот все переворачивать?! Почему сразу конец, можно же все еще поменять! Всегда есть шанс!

– Ничего уже нельзя поменять. Этой не какая-нибудь женская выходка. Я так чувствую, я говорю тебе правду, искренне, хоть мне больно и даже противно от самой себя.

Почва уходила у него из-под ног, и он утонул в трясине обиды и острой, разъедающей боли. Ее холёные ручки лихорадочно тряслись, она еле сдерживалась от того чтобы снова заплакать. Утомленная, она отвернулась к стенке.

– Скажи, почему люди начинают ценить то, что у них есть, то есть было, только когда безвозвратно теряют это? Почему, чтобы порою обрести счастье, нужно сделать кому-то больно? Все знают, что так случается, но все равно делают одни и те же ошибки. Как это глупо и бессмысленно. Так могут только люди. Только люди, – она произнесла последние слова с таким сожалением и презрением, что он не сразу нашелся, что ответить.

– Я не знаю. Знаю только, что люблю тебя. И я не верю в то, что сейчас происходит, – он ждал ответа, надеялся на него, но она промолчала.

Он пошел курить. Оранжево-желтые мазки расписали мокрую, продрогшую землю. Торжествующая осень укладывала город спать, наполнив сырой воздух до упоения чистым запахом увядания. Мыслям не было покоя, и он курил, уже не спеша, одну за другой. Хмурое, серое небо постепенно темнело, и полная белоснежная луна давила своим неизменным и, казалось, надменным кругом.

Прошло где-то полчаса, она заснула. Он же, в сумасшедшем полузабытьи, лег рядом с ней. Вскоре комната наполнилась лунным светом, и перед ним возник силуэт безупречного тела его возлюбленной. Он смотрел на нее, переполненный горем и гнетущим чувством потери. Она перевернулась во сне, и теперь перед ним предстал ее едва освещенный лик, образец чистейшего совершенства. Тонкие, заостренные к концу бровки, слегка вздернутый носик, утонченный, легкий подбородок и полные, изящные губки – теперь они выглядели еще сказочней, чем обычно. Мир казался невероятно тесным, когда он вот так смотрел на нее. Он аккуратно гладил ее по спине, вспоминал их летние прогулки на природе, жгучие поцелуи, ее смех и улыбку. Он шепотом читал ее любимые стихи, плакал, и, выбившись из сил, уснул, прижавшись к ней настолько, насколько это было возможным.

Она встала рано утром. Осмотревшись, она увидела, что он спит на другом конце кровати, совсем раскрытый. Свернувшийся калачиком, он походил на большого младенца. Она медленно, чтобы не разбудить, пододвинулась к нему и нежно поцеловала в спину. Потом тихонько встала и накрыла его одеялом.

Когда он проснулся, ее уже не было рядом. Она ушла.

ФАРАОН

Знойный летний день был в самом разгаре. Солнце сжигало воздух, и все вокруг, казалось, вот-вот загорится. Ни дуновения ветра, ни облака. Природа застыла на месте, отдавая себя на растерзание душному и давящему царству света. На скамье близ дома, в тени сидел старик. Потускневшие глаза его смотрели на маленькую девочку, играющую в песке около просторной бревенчатой беседки. Он медленно втягивал едкий дым папиросы и тихонько болтал ногой. Старик бросал взгляд то на девочку, свою внучку, то на пышный цветочный сад, за которым ровными рядами цвели и пахли старые яблони и груши.

Дверь дома открылась, в проеме показалась молодая женщина с кошкой на руках. Она выпустила животное и подошла к старику.

– Ну что, дед, выведи Ноушу¹ погулять. Я готовлю, мне некогда, – сказала она и вернулась в дом, не дождавшись ответа.

Старик посмотрел на Ноушу, потушил папиросу и встал со скамьи.

– Ну пошли, проказница, – улыбнулся старик.

Миниатюрная и аккуратная, как игрушка, кошка резво подалась вперед на газон, а потом остановилась в метрах пяти, будто испугавшись чего-то, и пошла совсем медленно, приносясь и проверяя каждый свой шаг. Было видно, что гуляет она очень редко и боится любого резкого звука или движения. Рыжая длинношерстная кошка – золотистые глазки, пушистый хвостик и статная, по-своему нежная походка. Она прогуливалась по двору, словно молодая персидская принцесса. От дома отходила выложенная маленькой каменной плиткой дорожка. Она вела в разноцветный сад и дальше к беседке.

– Ноушенька, Ноушенька! – залепетала девочка и побежала ее встречать, но Ноуша, улизнув у ребенка из-под носа, бросилась за беседку.

– Сонечка, пусть гуляет, не мешай. Все равно не догонишь, – сказал старик. – Эта кошка гуляет сама по себе, ей никто не нужен.

– А собачки сами по себе не гуляют, Джеси всегда со мной играет, да?

– Да внуча, да.

Девочка продолжила играть в песке, а старик шел за кошкой. Рыжая проказница вдруг заметила синюю бабочку и, как самая настоящая львица в засаде, прижалась к земле. Хвост ходил ходуном, ей было жутко интересно, и вот, выждав несколько секунд, она взвилась в воздухе и налетела на насекомое. Бабочка же непринужденно отлетела в сторону и, выписывая зигзаги, отправилась дальше по своим делам. Ноуша облизнулась, дернула головой и, усевшись на траву, стала тщательно себя вылизывать.

Старик зашел в беседку, взял из-под стола бутылку вина, наполнил наполовину стоявший рядом граненый стакан и осушил его содержимое одним глотком. Сморщившись, он откашлялся и как ни в чем не бывало вышел на солнце.

В это время позади него на столб высокого деревянного забора забралось чужеродное этому дому создание. Крупный рыжий гладкошерстный кот с белой грудкой и мощными лапами. Он был бездомным и ошивался тут и там днями напролет. Его знала вся деревня, и в последний месяц кот часто посещал эти места. Порой при вечернем свете можно было заприметить два воинственных огонька, застывших где-нибудь посреди кустов. Старик звал его Фараоном, потому что уж очень гордо и независимо этот кот себя вел. Другие кошки и коты с ним не водились, поэтому он всегда был один. Настоящий охотник, деревенский тигр – он никогда не попрошайничал. Людей всячески избегал и даже боялся. Наверняка, кто-то хорошенько поиздевался над ним в детстве. Но хозяева у Фараона определенно были: кот был кастрирован.

Как ни странно, во всей его одичавшей натуре было все же что-то благородное. Превосходная выдержка, отточенные плавные движения, он был подобен прямому потомку знаменитых египетских кошек, не иначе. Сильное и самоуверенное создание. Но создание до ужаса одинокое.

Фараон сидел неподвижно. Увидев кошку, он с интересом притаился. Старик в это время подошел к внучке и начал ей что-то рассказывать. Тут любопытство Фараона одержало верх над чувством безопасности и, слегка оттолкнувшись от забора, кот спрыгнул вниз. Ноуша, оторопев от впервые увиденного ею творения, так сильно похожего на нее, вначале застыла на месте, а потом мелкими перебежками направилась в сторону Фараона. Их носики встретились, и только они стали обнюхивать друг друга, как старик, повернувшись,

¹ Ноуша – имя персидского происхождения, означающее «приятная», «сладкая».

раскрыл прищельца. Фараон вжался в траву. Человек наклонился, поднял с земли маленький камушек и метнул его в сторону кота с криком:

– А ну, брысь! Нашелся герой-любовник!

Он с силой топнул ногой, а потом, подойдя к кошке, сказал ласково: «Ноуша, Ноушенька, иди ко мне». Топот был излишним. Фараон, увидев замахивающегося человека, тотчас подрапал обратно к забору и за доли секунды оказался на другой его стороне. Он пренебрежительно осмотрел место своего приключения и, как это свойственно котам, побрел дальше, будто бы ничего и не случилось.

За забором взору скитальца открывался замечательный пейзаж. Раскатистое зеленое поле и темная лесная полоса на горизонте. Там и гулял дикий, своенравный кот, вылавливая для себя очередной свой обед – полевую мышь.

Молодая женщина стояла посреди кухни с распростертыми вверх руками и громко кричала. Растекшаяся по всему лицу косметика говорила о том, что женщина совсем недавно плакала. Хорошенькая, худенькая, с приятными чертами лица, она была в истерике. Доселе приятнейший, звонкий голосок сорвался, и она, сквозь хрипы, выплевывала бесконечные проклятия. Она била по столу кулаком, швыряла из стороны в сторону стулья, чертыхалась и будто колотилась в припадке.

– Ах ты, свинья! Как же ты можешь? Как можешь ты бросить нас сейчас? Ты не человек! Нет, ты животное. Твой ребенок серьезно болен, – тут слезы вновь полились ручьем. – А ты уходишь к своей проститутке. Ты ничтожество! Ты худшее, что было в моей жизни! Я проклинаю тебя! Проклинаю! Что будет с Соней? Как мне с ней быть? Тебе плевать на нее? – женщина не могла больше говорить, голос пропал и терялся в хрипах.

В комнату вошел лысоватый, сутулый мужчина невысокого роста. Глаза бегали из стороны в сторону. Он не знал, куда ему смотреть, и держался совершенно неуверенно, словно остерегался женщины. Он все же посмотрел на нее исподлобья и, прижавшись к стене, сказал:

– Не смей так говорить о ней! Не смей называть ее проституткой! Ты ей в подметки не годишься! Ты не смеешь меня ни в чем обвинять! Я даже не уверен, что это мой ребенок, ясно?! Что тебе еще от меня надо?! Получишь половину всего, что у меня было! Всего, что я заработал трудом и потом. Что тебе еще надо?! Видеть тебя не хочу и знать тебя не хочу! Мне плевать, где ты возьмешь деньги! Алиментов должно хватить на все! Я все здесь ненавижу! – он как-то испуганно вытаращил глаза и, точно страшась своих слов, продолжил: – ненавижу твоего отца-пьяницу, твой этот вонючий сад, твою кошку и визжащую собаку! Ясно?! И тебя не переносу на дух. Чего это ты вдруг печешься о здоровье ребенка? Государство все сделает! Встанешь в очередь, ясно?! Встанешь в очередь и будешь ждать, как это делают все люди!

– Ты не человек! Ты же знаешь, что времени не остается! – она уперлась руками в стол и, опустив голову, тихо повторяла, – не твой ребенок, не твой ребенок. Как ты можешь такое говорить?! Ты животное, жалкий червяк, убожество, это я ненавижу тебя!

– Не смей обзывать меня! – он вмиг подскочил к ней и замахнулся. – Думаешь, можешь меня оскорблять, стерва ты такая, думаешь все позволено?!

Она, не двигаясь с места, подняла измученную голову и обратила на него свой взор. Их глаза встретились. Мужчина остановил руку. Взмокший от напряжения, он стоял посреди кухни, нерешительный и напуганный самим собой. Глаза снова забегали, он не мог больше находиться с ней рядом и, ругнувшись, быстро вышел.

Не прошло и пяти минут, как он уже тащил тяжеленный чемодан по двору к машине. Он открыл багажник, положил туда свою ношу и услышал сзади:

– Папа, папа? Ты куда? – говорила девочка сквозь слезы. Глазки ее совсем разбухли от плача и были едва открыты. Курчавая, она, покачиваясь, стояла на дорожке, опустив голову и нервно теребя что-то в своих маленьких ручках. Она слышала их разговор и была напугана.

– Папа, не уезжай! Не надо, ты куда, Папа? – тут она заревела пуще прежнего.

– Отвали! Отстаньте от меня все! – крикнул раздраженный отец, даже не посмотрев в ее сторону. Она же рыдала взахлеб.

Он сел в машину и хлопнул дверью. Руки дрожали. Он смог вставить ключ зажигания лишь со второй попытки. Мотор заревел. Тут мужчина, что есть мочи, ударил по рулю и начал что-то кричать. Потом он заглушил мотор и вышел из машины. Он подошел к плачущей девочке, встал на одно колено и взял ее за плечи.

– Ну все, не реви! Не реви, я сказал. Папе надо уехать, понимаешь? Соня, перестань плакать, ты уже большая девочка! Все будет хорошо, понимаешь? Мне нужно уехать.

Соня с трудом вбирала каждый глоток воздуха, терла красные глаза руками, пытаясь наспех вытереть слезы. Она посмотрела папе в глаза. Мужчина увидел заплаканные глазки, полные испуга, и снова, не выдержав напряжения, отвел взгляд. Затем он поднялся с колен, отряхнул штанину и пошел обратно к автомобилю. Закрывая машину, он крикнул в сторону девочки:

– Не реви больше! Все будет хорошо!

Подняв песок, машина тронулась с места и, выехав сквозь открытые ворота на дорогу, помчалась вперед. Соня, как только дверь закрылась, побежала за машиной, повторяя один и тот же вопрос:

– Когда ты приедешь?

Вскоре во двор вышел старик. Дряхлые трясущиеся руки держали пошарканную трость. Медленно подойдя к внучке, он облокотился на свою палку и присел прямо перед заплаканным ребенком. Он нежно обнял ее и долго держал в своих объятиях, приговаривая:

– Ну, полно, внуча, полно. Слезами горю не поможешь.

После первой встречи с Ноушей, Фараон не прекращал своих визитов. Он ходил кругами вокруг забора, исследовал жилище и все его окрестности. Он приходил сюда и днем и ночью. Иногда ему выпадала возможность следить за кошкой во время ее прогулок. Иногда он видел ее, сидящую на подоконнике второго этажа. Она знала, что он за ней наблюдает, но виду не подавала. Или отворачивалась, взмахнув хвостом, или просто показательно уходила.

Пришла осень, холодало, и Ноушу стали выпускать на улицу гораздо реже. Фараона же невзлюбила вся кошкиная семья, включая собаку Джеси, большого мускулистого боксера. Он часто гулял во дворе, следил за порядком, но Фараон был куда хитрее и опытнее. Пес не доставлял ему проблем, разве что очень громко лаял.

В один из таких вот осенних дней, рыжий охотник в очередной раз забрался на деревянный забор, чтобы посмотреть, как обстоят дела. Окно дома было распахнуто настежь, оттуда слышались крики.

– Я не знаю. Не могу сказать, когда вернусь. Но я же вернусь, – говорила женщина. – Он уже совсем скоро приедет, я должна быть готова! Не мешайте мне.

– Мама, а возьми меня с собой!

– Не мешай маме собираться. Выйдите из комнаты. Выйдите, я сказала!

– Да что с тобой творится, Люда? – причитал старик. – Какое нам сейчас море? Ты о Соне подумай, я же не смогу один за всем уследить!

– Пить будешь меньше и уследишь.

– Возьми ее с собой, она не будет мешать!

– Он не любит детей, ты понимаешь? Я хочу отдохнуть от всего. Я загигаюсь здесь. Загигаюсь! Выйдите из комнаты, не мешайте, у меня нет времени.

– Мама, а что это такое? – девочка взяла купальник и начала растягивать его в руках.

– Я сказала, вышли! – женщина с силой потянула ребенка в сторону и оттолкнула к двери. – Ты почему мешаешь маме собираться? Уведи ее!

– Я не хочу уходить, я хочу с тобой! – захныкала девочка.

– А ну успокойся! Сейчас пойдешь в угол, я сказала! – женщина грозно посмотрела на девочку, и та сразу же поникла.

– Пойдем, внуча. Не мешай маме.

– Я не хочу! – Соня заплакала и побежала в другую комнату, взвизгивая на весь дом.

– Ну что? Добилась своего? – сказал старик с упреком. Женщина продолжала собираться.

В то время к воротам дома подъехала большая машина. Три неожиданных гудка напугали сидящего на заборе кота, он переметнулся с места и затаился там, где лучше было наблюдать за происходящим. Из машины вышел рослый мужчина, с копной темных вьющихся волос. Открыв калитку, он зашагал ко входу, но

остановился у крыльца и достал сигарету. Женщина подбежала к входной двери, отварила ее и, сквозь образовавшуюся щель, пролепетала ласковым, мягким как масло, голосом:

– Три минуты, малыш. Я уже все собрала. Одеваюсь и выхожу.

– Хорошо, – ответил мужчина, улыбаясь. Обратно через калитку он вернулся к машине.

Дверь осталась слегка приоткрытой, и через несколько мгновений, незаметно для всех, кошка-проказница выбралась наружу. Осторожно и мягко ступая по земле, она по привычке изучала каждый ее клочок. Ноуша медленно шла по периметру дома, нюхая все и вся, перебегая с места на место, словно играя сама с собой. При этом она не замечала ничего вокруг и вся была поглощена этим процессом. Фараон застыл на месте и не смел двинуться.

– Ну все, доченька. Счастливо! Слушай деда, води себя хорошо! – женщина наспех поцеловала дочь, приобняла ее на секунду, а затем повернулась к старику. – Вот, здесь должно хватить, я скоро приеду, не волнуйтесь, – она протянула ему скомканные деньги и, прихватив легкую дорожную сумку, пошла к двери. – Все, пока!

Вприпрыжку она сбежала с крыльца и исчезла за забором. Двигатель загудел, и машина уехала.

Кот сидел без движения, потом все же тихонько спрыгнул с забора и прилег в высокой траве. Ему не было равных в подкрадывании, поэтому, недолго думая, он начал пробираться к ничего не подозревавшей кошке. Вскоре он решился на финальный бросок и через миг очутился рядом с ней. Ноуша подпрыгнула на месте от испуга, отбежала на метра полтора и зашипела. Тело встало колесом, она показала клыки и наклонила голову набок. Фараон, не обращая на это ни какого внимания, продолжил сближение. Но, подойдя на достаточно близкое расстояние, он тут же получил отпор. Своей маленькой беленькой лапкой кошка начала проворно лупить его по морде. Фараону пришлось отступить. Капелька крови окрасила шерсть, и он, облизнув лапу, наспех умылся. Ноуша постояла еще немного в оборонительной позе, а потом остепенилась, узнала своего противника и, повернувшись к нему спиной, вальяжно пошла дальше.

Фараон, уже не так бойко и смело, отправился за ней вслед. Так они дошли до заднего двора. Там Ноуша выбежала на травку и, не поворачиваясь к Фараону, села, прижав лапки под себя. Фараон обходил ее кругами, не смея подойти, а Ноуша демонстративно его не замечала. Робкими шагами Фараон все же предпринял вторую попытку подобраться к кокетливой принцессе. В этот раз ему повезло, принцесса разрешила приблизиться к ней. Они обнюхали друг друга, и Фараон, слегка отдалившись, сел напротив. Ноуша вытянула заднюю лапку, грациозно как балерина, и принялась себя вылизывать.

Внезапно кошка встрепенулась, налетела на Фараона и устремилась в другой конец двора к забору. Фараон не понял в чем дело, но тут же погнался за ней. Ноуша играла. Только он подбежал к ней, как она опять устремилась прочь и, добежав до самого дома, остановилась. Фараон, теперь уже медленней, добрался до нее, но близко подойти не отважился. Так они сидели, рассматривая друг друга еще совсем недолго. Где-то впереди послышался голос. Фараон наострил уши и, только из-за дома показался человек, исчез за забором. Старик подошел к кошке сзади, взял на руки и, бурча что-то себе под нос, понес ее в дом. Так началась дружба между Ноушей и Фараоном.

К концу осени в дом пришли мыши. В начале их было немного, но вскоре жизнь хозяев и впрямь стала несносной. Женская часть дома буквально пищала каждый божий день, тогда как мужская часть, в виде одного единственного старика, не успевала ставить новые капканы.

Фараон очень скоро выследил незваных гостей и начал усердно заниматься тем, что действительно умел – охотиться. Сутками напролет, когда ему не мешала собака, он следил и беспощадно убивал вредителей дома, складывая трофеи перед входной дверью. Хозяева диву давались и существенно изменили свое отношение к чужаку. В Фараона уже никто не кидался камнями, а собаку стали выпускать реже, лишь бы коту лучше работалось. Однажды он принес к дверям трех мышей сразу. Утром старик по обыкновению вышел на улицу. Он посмотрел на добычу, достал папиросу и отправился на прогулку. Там, на заднем дворе, в кустах близ забора сидел Фараон. При виде старика он вскочил на деревянный столбик и внимательно уставился на человека. Тот, не желая спугнуть животное, не спеша приближался к нему, приговаривая:

– Ну постой, постой... Кс-кс-кс. Не уходи, герой-любовник. Кс-кс-кс...

Но Фараон был слишком осторожен, чтобы верить старику. Только тот подошел на небезопасное расстояние, как Фараона и след простыл. Раздосадованный хозяин дома докурил и пошел обратно. Он убрал

мышей, а на их место поставил крышечку от трехлитровой банки, наполненную сметаной. Каково же был его удивление, когда на следующее утро он нашел сметану нетронутой, а рядом еще двух убитых мышей.

Это был действительно гордый и свободный кот. Казалось, он делал это лишь бы быть поближе к Ноуше. И он добился своего. Ноуша к тому времени все чаще устраивала сольные концерты, разрываясь от желания отправиться на прогулку. А когда они со стариком выходили на улицу, она то и дело норовила от него убежать, и ему стоило не малых усилий поймать ее и отвести домой. Вскоре хозяева сдались. Ноушу стали отпускать на улицу, и большую часть времени она проводила именно там. Они с Фараоном бегали по двору, играли или же просто блуждали друг за другом. Они облюбовали одно уютное местечко в тени за беседкой. Там под навесом располагалась чудеснейшая лужайка, где они могли сидеть друг напротив друга часами. Просто сидели, зажмурившись, сопели и не было ничего на свете, что могло нарушить эту идиллию. Фараон научил Ноушу охотиться. Она даже поймала нескольких мышей. Через месяц они переловили практически их всех, а те, что остались в живых, ушли, подняв белый флаг.

Лишь забор разлучал животных. Ноуша никогда не шла за Фараоном, когда тот убегал на волю. Когда он уходил гулять по своим делам, она бежала домой.

Старик проявлял к Фараону большую симпатию. Бояться за потомство ему не приходилось, ведь Ноуша была стерильна. И все же его удивляла ее привязанность к этому бродячему коту, ведь до появления Фараона, кошка вела себя крайне отстраненно, вела себя так, будто никто на этом свете ей был не нужен.

После нового года наступил лютый мороз. Улицы и двор завалило снегом, а серый мрачный ковер ни на секунду не покидал небосвода. Фараон все больше времени тратил на поиск еды, поэтому посещать Ноушу он стал с большими перерывами. Но и в студеную пору животные оставались неразлучны. Они пробирались в беседку и там, все так же, часами сидели друг напротив друга. Мурлыкали, мяукали с едва приоткрытыми, будто сонными, глазами и, по-видимому, были счастливы. Иногда рыжий скиталец оставался там на ночь, чтобы утром вновь воссоединится со своей персидской принцессой.

Под вечер, в один из сумрачных зимних дней на расчищенной от снега дорожке, около самого забора, сидели свободные от забот Фараон и Ноуша. В доме горел свет, играла музыка. В кухонном окне мелькали человеческие головы. Старик что-то громко рассказывал, шутил, а девочка заливалась детским гоготаньем. Молодая мама, поглощенная делами по хозяйству, ходила по дому явно невеселая.

К дому подъехала машина. Из нее второпях вышел тот же, что и осенью, высокий мужчина. Он грубо открыл замерзшую калитку, хлопнул дверкой и, поднявшись на крыльцо, стал с силой стучать в дверь. Люди в доме переполошились, женщина зашла на кухню, что-то сказала, и старик тотчас взял внучку на руки.

Женщина же побежала ко входу, у которого не унимался, разъяренный чем-то темноволосый мужчина.

– Все, открываю, перестань стучать, сейчас же! – крикнула она ему сквозь дверь.

– Мне плевать! Ты меня слышишь? Мне плевать.

– Успокойся, прошу тебя. Если не успокоишься, я не открою.

– Мне плевать! Я сломаю эту чертову дверь. Открывай же, я сказал! – он бил по двери ногами и уже начал прикладываться плечом.

– Все открываю, не ломай мне дверь! Слышишь меня? – женщина отварила дверь, и мужчина тут же схватил ее за грудки.

– Отпусти! Что ты делаешь?

– Что я делаю? Ах ты! – он мотал ее из стороны в сторону. Было слышно, как кофта пошла по швам. Он спустил ее с крыльца, схватил за волосы и теперь трепал по всему двору. Она защищалась, как могла, цеплялась ему за шею, царапала его, но он в бешенстве ничего уже не замечал.

– Где мои деньги?! Ты, воровка!

– Какие деньги? Отпусти меня, ты больной! Помогите! Кто-нибудь, мне больно, отпусти меня, прошу!

– Ты все мне отдашь! Ясно тебе? Жизни тебе не будет! Куда дела мои деньги?

Швыряя женщину по кругу, он оттащил ее от дома. Эта клокочущая, визжащая кутерьма с огромной скоростью надвигалась на Фараона и Ноушу. Животные испугались и начали искать пути для отступления. Первым прыгнул Фараон. Он в один миг забрался на забор. Ноуша задержалась на долю секунды, но потом последовала за своим другом. Женщина ударилась о забор и упала в снег. Кошки спрыгнули вниз, и вот в первый раз в своей жизни Ноуша очутилась на воле.

Яростные глаза мужчины горели ненавистью, а женщина пыталась подняться, утопая в глубоком снегу. Из дома вышел старик. В руках он держал свою трость.

– А ну отойди от нее, негодяй! – слабым голосом прохрипел он и угрожающе поднял трость кверху.

Мужчина, не обращая на него внимания, вновь ухватился за женщину.

– Отвечай, где мои деньги? Ты меня слышишь? Я не уйду без них.

– Я не знаю! – сквозь боль кричала измученная жертва.

Старик кое-как доковылял до обидчика и, что есть силы, ударил его тростью по затылку.

– А ну отойди от нее, негодяй! – он ударил мужчину еще раз. Не успел он замахнуться в третий раз, как мужчина, сначала потерявший ориентацию в пространстве, пришел в себя и дал старику пощечину. Дед покачнулся и едва устоял. Но мужчина на этом не успокоился. Он всем телом толкнул старика так, что тот упал навзничь прямо в сугроб.

Женщина встала и тоже получила пощечину. После, мужчина взял ее за горло, прижал к забору и прошипел:

– Жизни тебе не будет, поняла? Чтобы вернула все, что украла! Ты меня поняла? Сама ко мне придешь и отдашь!

Он отпустил ее и быстрым шагом направился к машине. Автомобиль сорвался с места и через пару секунд пропал из виду. Женщина упала на колени и никак не могла отдышаться. Старик же все ерзал на снегу, стараясь дотянуться до трости.

На кухне у самого окна стояла девочка. Ее ручки судорожно дрожали. Она ревела от ужаснейшего шока, урывками глотала воздух и звала бабушку с мамой.

С того злопамятного дня прошла пара недель. Ноуша, вкусившая запретный плод, выбравшись на волю, уже не могла подолгу оставаться за забором. В семье же царил полный разлад. Старик не разговаривал с молодой женщиной. Девочке снились бесконечные кошмары, а мама все чаще прикладывалась к бутылке.

Становилось еще холодней. Фараон, бывало, сутками не приходил к Ноуше. Кошка верно ждала его, наблюдая за двором с подоконника второго этажа.

Тревожным пасмурным утром, почти засветло, к дому подъехало такси. Женщина тихо, чтобы никого не разбудить, вышла из дома во двор. В руках у нее был чемодан. Она села в такси, и машина бесшумно удалилась. Тем же утром, позже, на улице появился старик. Он держал записку, перечитывал ее вновь и вновь, а потом, сильно встревоженный, достал папиросу и нервно закурил.

Фараон запрыгнул на забор и вскоре очутился рядом с беседкой. Ноуша увидела его не сразу, но, обнаружив, что дикий скиталец вернулся, выскочила на улицу. Дед докурил свою папиросу, сплюнул и шаркающей походкой вернулся в дом.

Животные остались вдвоем. Они долго играли, после сидели в беседке. Прошла пара часов, Фараон поднялся с места, вытянулся во весь рост, зевнул, вылизал грудь и передние лапы и, немного погодя, выбрался из беседки. Ноуша пошла вслед за ним. Кот прошелся по вычищенной от снега тропе, добежал до дома, там присел на несколько секунд, а затем, как всегда легко, подбежал к забору и перебрался на другую сторону. Кошка все это время брела за рыжим другом. Увидев, что он перелез через высокую деревянную преграду, долго не раздумывая, она уже третий раз в своей жизни отправилась за ним.

Они гуляли сначала по заснеженному полю, где в теплое время Фараон ловил мышей, потом забрели в голую березовую рощу. Оттуда по дороге пробрались к деревне. В этих незнакомых местах Ноуша держалась близко к Фараону. На пути им встретилась целая уйма котов и кошек, но Ноуша не обращала на них никакого внимания. Она всячески старалась поспеть за Фараоном и подражала ему во всем. Сторожевые псы грозно лаяли из-за своих заборов, лязгая тяжелыми цепями. Фараон все чаще выбирал скрытые пути, неизвестные никому дорожки, где они с принцессой были бы менее всего заметны. Уже совсем скоро они вернулись к дому. Они прошли кругом, завернули к полю и сделали там остановку.

Это произошло совершенно неожиданно. Сначала со стороны дороги послышался визг и лай. Ноуша вжалась в снег, играючи виляя хвостом. Фараон же напряженно привстал. Ему было не до веселья. Он знал, что это серьезная опасность для их жизни, поэтому был собран и очень внимателен.

Показались собаки. Стая бездомных голодных псов, одичавших от холода и голода. Они, по-видимому, гнали суку. Фараон приник к земле в надежде, что собаки пройдут мимо, ведь расстояние до них было все еще

приличным. Вдруг за их спинами раздалось громкое рычание и лай. С другой стороны, как раз из-за их дома, выбежали еще три пса. Они кусали друг друга за морды и бока, прыгали и рычали.

Положение было критическим. Псы были совсем близко, а до забора оставалось порядочное расстояние. Опытный Фараон сразу смекнул что к чему. Выждав секунду, он ринулся по открытой местности прямо вперед, навстречу цели и, в конце концов, запрыгнул на деревянный столбик забора. Собаки мигом заметили ненавистное им создание и со всей озлобленностью погнались за котом. Вначале те три кобелька, а потом и вся большая свора, гаркающая рычащая масса двинулась к забору.

Но Ноуша... Ноуша не успела за Фараоном. Она не поняла всей серьезности ситуации, ведь жила дома с собакой и не привыкла бояться этого животного. Когда было нужно, она всегда давала своему соседу отпор, и сейчас Ноуша, наверное, подумала, что страшиться нечего. И реакция у нее была похуже, чем у Фараона, и бегать так быстро она не умела. Она оторопела, подалась в сторону, но это было напрасно. Она лишь еще дальше отбежала от спасительной ограды и загнала себя в ловушку. Собаки тут же кинулись за ней, окружили, и вот она, сцепленная их голодным скалящимся кругом, встала колесом и зашипела, наклонив голову набок.

Собаки наступали. Редкими бросками они пытались цапнуть кошку, она же отбивалась от них как могла. Псы быстро нагнали, стали кидаться чаще, а загнанная Ноуша ошибалась раз за разом.

Фараон нервно ходил по пролету забора из стороны в сторону, наблюдая за происходящим. Он надеялся, что Ноуша сможет выбраться, но когда та издала душераздирающий писк, он не выдержал и прыгнул с защитной стены.

Собаки не унимались. Фараон молнией помчался на выручку своей принцессе. Через пару секунд он уже был рядом и тут же напрыгнул на первого попавшегося кобеля. Собаки залаяли, перекинулись со своих мест, а окровавленная псина даже взвизгнула. Испуганная до смерти, искусанная Ноуша, увидела в этой страшной каше возможность побега и инстинктивно со всех ног кинулась к спасению.

Теперь собаки окружили Фараона. Но он не собирался ждать, пока его загрызут. Он точно знал, что нужно делать. Кот шипел, пускал в ход свои страшные длинные когти и размашисто бил лапами по собачьим мордам. Потом он вдруг набросился на одну из них – самую большую и свирепую. Он укусил ее за нос, она взвизгнула, пригнулась. Теперь он встал на задние лапы и изо всех сил царапал ее морду. Собака завывала от боли. Фараон вырвал ей глаз. Кровь полилась рекой, скулящий пес отдалился.

Неудача пришла сразу за маленькой победой. Другие собаки тоже не стали ждать. Они рьяно бросались на извивающегося кота, а потом одна наиболее быстрая вцепилась ему в живот и, что есть силы, задержала его из стороны в сторону. Фараон взвыл от ужаса и боли. Другая собака тут же подобралась к нему сзади. В шоке кот норовил вырваться из разрывающих его острых тисков, но было поздно. Собаки добились своего и отпускать Фараона не собирались. Другие тоже принялись тянуть и разрывать его на части. Они громко лаяли, кусали друг друга, снова и снова вгрызались в кота.

Фараон умер. Собаки безжалостно разорвали его на куски. Они поработали так, что после всего случившегося на темно-красном снегу остался лежать растрепанный до неузнаваемости кошачий труп.

Где-то через час бешеная стая исчезла. Ноуша вылезла из-за укрытия, спустилась с забора на снег. Темнело. Она подошла к телу Фараона. Нюхала кровь вокруг убитого, потом его самого. Села. Лапкой толкнула бездвижное тело. Фараон, вернее то, что от него осталось, начал уже замерзать. Ноуша толкнула бездыханный труп еще и еще раз, но рыжий скиталец не подавал признаков жизни. Кошка легла рядом с умершим, поджала под себя лапки и стала ждать.

На следующее утро старик заметил, что кошка не ночевала дома. Он, взволнованный, проверил каждый уголок двора, но Фараона с Ноушей нигде не было. Делать было нечего, и он вышел за ворота. Осмотрел дорогу, прошелся в сторону магазина, но и там ничего не нашел. На обратном пути с бутылкой вина в руках он все же решил обойти дом со всех сторон. Там, где начиналось поле, в метрах пятидесяти, он разглядел рыжий комочек, запорошенный снегом, а рядом с ним какое-то темное пятно. Трость утопала в толщах снега, он старался идти как можно быстрее. Вскоре перед ним предстала жуткая картина. Разорванное тело Фараона, замершая лужа крови и Ноуша, лежащая рядом в той же позе, что и вчера вечером. Кошка как-то отвлеченно посмотрела на хозяина, моргнула застывшими глазами, облизнулась и продолжила лежать недвижима.

Старик возвел руки к небесам, потом взялся за седую голову. Только и было слышно, как он повторял:

– Боже мой! Боже мой!

Прошло полгода. Дивный сад горел на ярком солнце. Дурманящие своим ароматом цветы томно распускали бутоны, а позади стройными рядами на выстриженной поляне звучно чахли яблони и груши.

Молодая женщина не возвращалась. Дед сильно состарился и исхудал. Все больше времени он проводил близ деревенского магазина в кругу пьяниц, оставляя Сонечку дома одну. Но девочка не унывала, она играла в песочнице, пела свои детские песенки и бегала по двору в поисках приключений.

Молодая женщина, наверняка, решала свои важные человеческие проблемы, добивалась неведомых Сонечке сакральных целей. Старик, в свою очередь, забравшись на непостижимую вершину жизни, удовлетворял великие человеческие потребности и все чаще рассуждал о смысле существования.

За бревенчатой беседкой, на лужайке, в тени стоял деревянный крест. Ноуша, после случившегося, долго отказывалась есть и вообще не реагировала ни на что вокруг. Больше она никогда не выходила на улицу. Каждый день, с утра до вечера она лежала на подоконнике второго этажа и смотрела на цветущий двор, будто ждала чего-то.

МЕРТВАЯ ХВАТКА

Я открываю глаза, а кругом темно. Кажется, что помещение маленькое, стены давят. Я связан. Руки за спиной привязаны к ногам, во рту тряпка. И не пошевелится. Я пытаюсь разорвать путы, мотаюсь из стороны в сторону, но ничего не могу поделать. Я лежу, потом переворачиваюсь на бок. Становится совсем худо. Начинает подташнивать. Где я? Я помню только, что шел. А куда, не помню. Сыро и душно, почти нечем дышать. Пол весь липкий, грязный и вонючий. Я начинаю задыхаться. Ужас сквозь пятки, по суставам, прорывает себе путь прямо к груди, бьет в сердце. Я немею от этого ужаса, опять ворочаюсь. Все внутри визжит и стрекочет. Не могу дышать, задыхаюсь. Тряпка во рту скрежещет по зубам, и отвратный звук щекотит каждый нерв в моей голове. Мерзкий привкус ткани. Начинается дрожь. Меня колотит, и я ору, так сильно, как это только возможно. Ору, будто я во сне, в самом страшном сне, когда кричишь, а тебя никто не слышит. Крик выходит из-под самой диафрагмы, сжимает мои внутренности, и я им уже не управляю, я в бешеном состоянии. Явь смешалась с кошмаром.

Свет. Протяжный скрип. Оказывается, впереди меня дверь. Я прекращаю кричать, но дышать не могу, мне почему-то вдруг хочется рыдать, и я в страхе бьюсь головой об пол.

– Проснулся, – голос леденяще спокойный, – ну полно тебе, не ори!

Я мычу сквозь кляп, пытаюсь разглядеть вошедшего. Он подходит ко мне, так что я не могу разглядеть лица. Чувствую, как он берет меня за узел сзади и тянет за собой. Грязь размазывается по лицу и телу, я царапаюсь обо что-то и взвизгиваю от боли. Дверь достаточно широка, ему не нужно приподнимать мое тело. Он монотонно протягивает меня в горизонтальном положении, а я все мычу и озираюсь, пытаюсь привыкнуть к свету.

Коридор. Яркий свет ламп. Запах лекарств бьет по носу. Пол шершавый. Рана болит, наверное, идет кровь. Но я не могу посмотреть, я только кручу головой в разные стороны, как умалишенный. Пытаюсь дышать, но не могу собраться и лишь через крик протеста и отчаяния вбираю каждый новый глоток противного, едкого воздуха.

Комната. Здесь пахнет еще хуже. Я вижу его ноги. Ботинки все в засохшей грязи. Старые матерчатые штаны. И цвет, кажется темно-серый. Большие ноги, неопрятные. Он очень силен. Он берет меня за шкуру и одним рывком приподнимает. Веки, лоб упираются во что-то мягкое.

Старый диван. Шерстяное покрывало трет вспотевший лоб. Потом боль. Печень режет от удара. Я опять вскрикиваю, а сердце словно окает, и у меня перехватывает дыхание. Я валюсь на бок и чувствую, как он развязывает мне руки. Не могу пошевелиться. Не могу противиться его воли, слишком больно. Пробую вздохнуть. Он отвязал руки от ног, подхватил меня и подпихнул. Жестко сидеть. Я на стуле, руки уже за спинкой. Вдруг опять удар. Солнечное сплетение. Я соплю, скриплю, пытаюсь вдохнуть, у меня кружится голова, и я чувствую, что теряю сознание. Слабо помню, как он привязывает меня к стулу. Я рвусь из последних сил, чтобы посмотреть на него, но он крепко хватает меня и прижимает затылком к спинке стула. Веревка больно натирает мою голову, а он завязывает все туже и туже. Лампа слепит глаза. Он закончил.

Звук металла. Я изо всех сил пытаюсь его разглядеть, понять, угадать, что же он собирается сделать. Он стоит ко мне спиной возле каких-то деревянных полок и что-то ищет. На этих полках лежат металлические

предметы, может быть инструменты. Он все брякает и звенит. Потом тишина. Я не могу четко его разглядеть, глаза болят от света и напряжения. Он повернулся. Он держит что-то в руках. В темном свитере, лысоватый, седой. На нем большие очки. Он смотрит на меня как-то бездумно. Не могу разобрать. Начинаю часто моргать, глаза слезятся.

Это топор. У него в руках топор. Он двигается ко мне. Я дышу, дышу слишком часто, дышу как уставшая, загнанная псина. Дыхание перехватывает, и я реву, я схожу с ума, он все ближе, а время будто бы застыло. Я чувствую, как сердце колотится, как оно бьется о грудную клетку все чаще и чаще. Лишь одна мысль в голове. Не верю, это сон. Мотаю головой, силясь проснуться, но понимаю, что не сплю. Он замахнулся, я взвизгиваю, но голос пропадает сам по себе. Не могу закрыть глаза. Он делает еще шаг.

Время замерло. Остановилось. Но ничего не происходит, он точно застыл на месте. Он вдруг начинает как-то странно кряхтеть. Я не верю, я вижу, что он замер, и не понимаю, что происходит. Внезапно он вскрикивает и падает в нелепых конвульсиях. Топор звонко ударяется об пол. Он лежит на спине и дергается. Я не могу его видеть, но я слышу его. Мысли разом атакуют мой расшатанный разум. Что это?

Припадок. Это припадок. Он дергается все тише, и я совершенно машинально осознаю, что теряю время, понимаю, что нужно попытаться что-то сделать. Я раскачиваю стул, раскачиваюсь сам. С грохотом падаю. Мое лицо напротив его лица. Красная, напряженная физиономия, очки набок, маленькие туповатые глаза. Он смотрит прямо на меня, и я замираю, я таю и не могу собраться. Мне становится худо, я чувствую, что не могу пошевелиться, словно я прикован к его взгляду. Я вижу, что ему плохо, что он очень хочет, но тоже не может двинуться с места. Он хрипит. Краем глаза я вижу дверной проем. Я начинаю чувствовать свои кисти, понимаю, что руки связаны, но кисти свободны. Двигаю пальцами. Пытаюсь расслабить веревку, двигаюсь туда-сюда, и пути слабеют. Я вижу топор и передвигаюсь вместе со стулом к нему. Тот, что позади, вдруг начинает гудеть, и я чувствую, что он идет за мной. Хватаю топор, и изо всех сил пробираюсь к выходу. Одновременно режу веревку на руках. Весь организм внезапно оживился, энергии столько, что, кажется, я смогу разорвать сдерживающие меня оковы. Я уже не думаю. Я спасаюсь.

Коридор, шершавый пол. Мне больно, но я ползу. Извиваюсь, как змея. Я кое-как освободил голову и могу смотреть по сторонам. Руки практически свободны. Но стон позади меня не утихает, а становится громче и злее. В конце коридора дверь, деревянная крашенная дверь. Я стремлюсь к ней. Левая часть тела полностью изодрана. Я слышу стоны отчетливее и ближе, но не смотрю назад. Мои руки свободны. В них стиснут топор и они передо мной. Я отталкиваюсь от пола и уже, кажется, несусь навстречу спасению.

Хлопок. Что-то схватило меня сзади. Мертвая хватка. Это он. Я поворачиваюсь. Он держит меня за правую ногу, навалился на нее всем весом. Он силен, но видно, что приступ еще не отпустил. Он держит меня крепко, но это все, что он сейчас может. Я вырываюсь, я тяну, прижимаю ноги к себе, а он не отпускает. Его лица не видно, только лысый затылок. Я кричу какие-то непонятные для меня самого слова, поднимаю топор и бью наотмашь по его железной лапе. Он гудит. Он в ярости. Щупальца разжимаются, и он отступает.

Я отрезаю веревку топором, раню себе ногу. Мне не больно. Я встаю и, шатаюсь, падаю вновь. Стул лежит позади меня, я снова встаю, осматриваю коридор. Он неумолимо продолжает свое преследование. Он поднял голову и оскалил зубы. Все так же гудит, прижимая израненную руку к груди. Я пинаю стул в его сторону, он больно ударяет его об голову.

Теперь я уже не смотрю на него, я у двери. Тяжелая, большая дверь, выкрашенная в темный грязно-красный цвет. Сквозь щели я вижу свет, серый дневной свет. Я поднимаю громоздкую щеколду, толкаю дверь вперед. Холодный воздух бьет мне в лицо. Этот свежий порыв дурманит мое сознание, свет слепит мои глаза, я не понимаю, что происходит. Вываливаюсь наружу и падаю. Вокруг снег и деревья. Утро. Зимнее утро.

Я не чувствую холода, вскакиваю с места и бегу не оборачиваясь. Отбежав на метров сто, смотрю назад, где стоит здание, в котором я только что находился. Кирпичный сарай, темно-серый склеп. К нему ведет натоптанная тропа, по которой бегу я. Дверь осталась открытой, и я вижу, как из нее выползает это чудовище. Я вновь бегу без памяти. Я ищу людей, ищу спасения. Минут через пять я выбегаю из леса на проселочную дорогу, а вдалеке вижу что-то похожее на шоссе. Буквально в километре от меня, там, где начинается заснеженное поле, виднеется большая дорога. Я поворачиваю к ней. Все тело в крови, раны жгут и ноют.

Внезапно, с шоссе ко мне навстречу съезжает какая-то машина. Я несусь к ней, а она размеренно едет ко мне. Я вдруг, сам не знаю почему, начинаю орать, махаю руками и, когда она подъезжает чуть ближе, осознаю, что держу в руке топор. Я опускаю руки и продолжаю приближаться к машине. Я не могу разглядеть водителя. Машина тормозит и останавливается в метрах пятидесяти от меня. Я разглядываю машину и

понимаю, что это старый «уазик». Я бегу уже медленнее, прошу меня спасти, но из машины никто не выходит. Молчание.

Мне кажется, что меня боятся, продолжаю кричать, объясняю, что мне нужна помощь. Я уже совсем близко. Двигатель вдруг взрывается. Колеса прокручиваются на снегу, автомобиль ревет и несется на меня. Я поскальзываюсь от испуга, теряю равновесие. Меня сбивают с ног. Я врезаюсь о холодный стальной капот, мне жутко больно, но сознание я не теряю. Топор отлетает в сторону. Я ошарашенный, пытаюсь встать. Кое-как взбираюсь по машине наверх и встаю на ноги.

Понимаю, что не могу сдвинуться с места. Хлопает дверь. Я только и делаю, что повторяю сквозь слезы: «Помогите! Помогите!». Из «уазика» выходит грузная, полная женщина лет под сорок пять, с черными кучерявыми волосами. Она одета в зеленый плащ, губы в яркой алой помаде. Я вижу ее карие шальные глаза и какую-то бешеную улыбку. За доли секунды она приближается ко мне. Я не могу разглядеть ее рук, пытаюсь с ней заговорить, а она продолжает ехидно улыбаться. Она достает руки из-за спины и резко ударяет меня каким-то тяжелым тупым предметом. Боль, гул в голове, образ гадкой женщины уменьшается, и картинка постепенно сворачивается, оставляя за собой лишь пустую тишину.

Вокруг темно. Стены давят. Знакомый запах. Вкус тряпки во рту, скрежет в ушах. Вдруг появляется свет, я слышу протяжный скрип. Он снова здесь.

ДМИТРИЙ ЛАБОВКИН, магистрант

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ НОЧИ, или ГУЛЯЯ ПО РАЙОНУ С СЕРЁГОЙ

Посвящается моему другу Александру Пахирко

00.02 – встречаемся с Серёгой на школьном стадионе и выходим на улицу «Спортивную».

Здорова. Как сам?

И я потихоньку.

Прикинь, иду шас по району, а за мной мужик – такой лет сорок, может. Видно, короче, что бухой. Идёт и чё-то невнятное себе под нос бормочет. Через пару минут догоняет меня, просит закурить. А я чувствую, какой-то он агрессивный слишком. Ну я прикурить ему дал и дальше иду. Слышу, этот сзади идёт и опять чё-то гундит. Тока уже поуверенней как-то. Я его спрашиваю: «Мужик, те чё надо?» А он в ответ: «Да пошёл ты, козёл!» Я, короче, подошёл, втащил ему разок. А этот мудака на меня кидаться стал. Я ему ещё раз втащил – тот завалился. Ну я и пошёл оттуда.

Ваашё капец...

Но это нормально ещё.

Иду я раз по своему (у нас же там вааше труба дело!), а мне навстречу два чувака. Смотрю, один чё-то в руке сжимает и пытается за спину спрятать. Я поначалу не разглядел особо. И только с ним поравнялся – вижу, это ножик у него. А он ни с того ни с сего берёт и мне ножом этим в плечо. Ну я сразу ему серию в табло провёл, вроде, даже нос ему сломал. Они, короче, ноги сделали по-быстрому. Домой прибегаю, весь в крови, сразу руку бинтовать. Хорошо ещё, не сильно порезали – по касательной пошло.

А ещё история одна была.

Ты ж знаешь, у нас на районе кабака такой есть, «Золотая осень» называется?

Ну вот.

Короче, пошла моя Наташка туда чью-то днюху с подругами отмечать. Это когда мы встречались ещё. Звоню ей где-то после двенадцати уже, говорю с ней и слышу там какие-то голоса мужские. Причём не на заднем плане, а как будто прямо в трубку орут. Ну я прислушался, а там, короче: «Да харэ с ним трындеть? Давай лучше к нам, водочки бахнем!» Я чувствую, у меня аж кровь к голове притекла! Я ей грю: «Ты ж мне сказала, вы только подругами собирались!» А она мне: «Да это к нам подсели, шампанским угостили. Они вообще не с нами были». Я грю: «Шампанским угостили?! Я слышал, тебя только что водку пить звали!» И тут опять этот голос: «Милаха, кончай базарить, давай к нам». Я грю: «Дай ты козлу этому трубку, ща я с ним побазарю». Сначала отговорить меня пыталась, но потом всё-таки дала мобилу этому уроду. Я грю ему:

«Слышь, ты чё там самый умный?! Я приду щас, табло тебе расскажу, если не забьёшься, всосал?!» Этот мне: «Давай, приходи, посмотрим! Чё? Зассал?!» Я, короче, кладу трубку, звоню одному другу, тот ещё одному челу позвонил... Короче, за две минуты собрали двадцать человек. Через пятнадцать минут все уже во дворе стояли. Заваливаемся мы в этот кабак и начинаем всех фигачить. Без разбору. Даже тех, кто ваще был ни при чём. Пофиг. Там пацанов человек пятнадцать было.

Наутро звонит мне Наташка: «Прости, прости меня, пожалуйста, всё из-за меня...»

Так ёлки-палки!

Ясен пень!

Уже не в первый раз такое...

Если я знал, что она со всякими упырями тусуется, то просто не мог себя в руках держать.

Просто планка падала, и всё!

Но если ты реально любишь, то по-любому ревнуешь.

Это ещё Хемингуэй писал. Читал «Прощай оружие!»?

Ну вот.

00.35 – *проходим мимо дома №18. Около третьего подъезда собралось человек десять, выпивают.*

Глянь, бухает народ. Заливают себе лейку, да и ладно.

Понимаешь, вот они пьют и ваще не думают, что с ними станет.

Им просто пофиг.

Они остаются один на один со своей судьбой и смотрят ей в глаза.

Без страха...

Кто-то спивается, кто-то завязывает.

Как пойдёт.

А щас они живут вкусом дешёвого пива и постепенно нарастающим опьянением. Завтра все проснутся и опять будут дела свои ладить.

Но это завтра.

Некоторые шмаль курят, клей нюхают... Вон как раз тюбики под скамейкой валяются.

Отморозки.

Что тут скажешь?

Но если так подумать...

Они ж реально смеются своей смерти в лицо.

Хоть и не думают об этом

Был у меня знакомый. Так он за три часа выпивал семь литров пива, потом шёл в «Золотую осень», выпивал там бутылку водки, а под утро шёл в магазин, брал коньяк или джин-тоник и дальше бухал. Потом поспит пару часов, и сначала.

Это ж трындец!

Причём иногда он ваще мог не пить.

То есть алкашом он тогда ещё не был.

Просто любил накидаться, вот и всё.

У него и в мыслях не было, что он умрёт молодым.

Я тоже, бывало, так же зависал у подъездов. Нажрёмся, помню, в пятницу, а в субботу с утра – на стадион, в футбол играть валим. Тогда я думал, что бухать – это нормально, это просто часть жизни, как и всё остальное.

А потом появилась Наташка, и всё поменялось. Резко.

Тогда я ваще стал другим человеком.

Пить перестал.

Даже читать начал, прикинь!

Когда мы стали хату снимать, поначалу непривычно было. Пацанов я теперь ваще редко видел. Ну а свободного времени по вечерам до фига. Наташка моя всё этого... Керуака читала. Ну я взял как-то раз у неё книгу, думаю, дай полистаю, посмотрю, чё она читает там. И как затянуло, короче... Я прям зачитался.

Потому что Керуак про нас писал, понимаешь?

Я читал его и чувствовал... Блин, не знаю, как сказать...

Я просто понял, что везде есть такие пацаны, которые бухают, шляются по ночам, на утро выгоняют алкоголь (футболом там или бейсболом – не важно), а потом встречаются любовь, завязывают с прошлым и строят семью.

И тогда мне опять показалось, что жизнь идёт своим чередом.

А когда мы расстались, всё, что казалось таким правильным, взяло и пропало.

И теперь я уже не знаю, кто я.

И не битник, и не семьянин... а хрен что.

Вааше, короче, ни о чём.

01.10 – *Серёге звонит его девушка Валя.*

Извини, Димон, малая звонит.

Алё.

Да.

Привет, масик.

Да, котёнок.

Да не, мы гуляем просто.

Нет, любимая.

Хорошо, масик.

А ты что делаешь там?

Ложись, конечно, солнышко.

Конечно, малыш.

Хорошо.

Давай, спокойной ночи, котёнок.

Целую тебя.

Пока.

01.14 – *идём по кленовой аллее. Навстречу идут две девушки. Проходя мимо, они оставляют шлейф сладкого запаха дешёвых духов вперемишу с едким запахом перегара и сигаретного дыма.*

Как тебе вон та?

Да, которая блондинка.

Ничё такая?

Машкой зовут.

Мы с ней на свадьбе у друга познакомились, а наутро в одной кровати проснулись. Ну и встречаемся щас чисто ради секса. Говорит, нравится ей со мной, и всё тут.

Конечно, не один я у неё.

Да и пофиг.

С Валькой-то мне даже секс не нравится. После этого дела хочется к стенке отвернуться и спать.

Даже обнять её впадлу.

Наташке так я ни с кем не изменял. Вааше.

Сколько б с девками ни зависал, ни разу не сорвался.

Была история такая. Приехал как-то в город мой друг. Мы с ним раньше тусили, а потом он в Москву переехал. Женат уже, двое детей.

Так вот.

Собрали мы нашу старую катку – человек десять – и по старой схеме в «Золотую осень» погнали. Поднабрались там, короче, но я нормальный был. А друга моего чё-то вааше развезло. Объявляют белый танец, а меня его жена приглашает. Ну мы танцуем с ней, и тут она спиной ко мне поворачивается и начинает об меня пятой точкой тереться. Под музыку, типа. Я её к себе лицом обратно поворачиваю и спрашиваю: «Ты чё делаешь?! Вааше уже?! У тя ж муж есть!» Она мне: «А я в тебя влюбилась. Ничего не поделаешь». И давай меня в шею целовать. Я, короче, за стол её проводил, а там мы как назло рядом сидели. Потом все во двор пошли – банкет продолжать. Ну сели мы, короче, на скамейку, выпиваем, а эта ко мне на колени майстырится. Ладно уж, фиг с тобой, думаю. Сидим дальше, короче, друг уже вааше никакой, спит почти, а жёнушка его всё пытается мне в рот язык свой засунуть. Ну я сопротивлялся, как мог. Потом провожать её пошёл, а друга

пацаны забрали. Довёл её, короче, до подъезда, а она мне говорит такая: «Может, к нам поднимешься?» Я грю: «Не, давай, счастливо. Я домой». Ну и повалил оттуда скорей.

Пришлось, конечно, другу соврать.

Так паршиво было!

Не знаю, правильно я поступил или нет.

Но дружба по-любому важней.

А жена Вадику и не со мной изменит.

02.00 – зашли в частный сектор. Проходим мимо шикарного коттеджа, выделяющегося на фоне остальных обветшалых домов.

Тут один пацанчик живёт. Мы с ним наши чёрные дела мутили два года назад.

Ну я рассказывал тебе.

Щас он уже завязал. Так и правильно. Нафиг это ему, если он уже себе всю жизнь наперёд обеспечил?

Нефиговый домишко, да?

Я с ним пару-тройку раз ходил.

Тогда очень лавэ были нужны.

Помню, Наташке предложение сделать хотел, на кольцо собирал...

А в то время ж не только мы промышляли. Ну и одни просекли, что мы по их тропам ходили. Забили они, короче, нам стрелку на окраине. Мы с пацанами приехали, смотрим – тачка стоит, «БМВ». Ну мы вышли из нашего «Опеля», стоим, короче, ждём. Через пару минут из той «бэхи» мужики лет по сорок вылазят. Я подумал тогда: «Мужики, вы чё здесь делаете?! У вас уже давным-давно работа, семьи, а вы ещё сигареты через границу таскаете! Тем более, что и так уже заработали стока, что не знаете, как деньги отмыть!» Ну, короче, там тёрки начались, а потом всё в махач перешло. Я с мужиком одним сцепился, чё-то по земле катаемся, боремся... Тут он вырывается, и пистолет на меня направляет. Грит, типа: «Всё, лежи, не рыпайся!» Вдруг такая тишина повисла, прям как в фильме! Я сначала стреманул, ясен-красен. Ну а секунд через пять понимаю, что он всё равно не стрельнёт ни за что. Я поднимаюсь и грю ему: «Слышь, да засунь ты себе в зад свою валыну! Ты в меня пальнёшь – тебя и закроют завтра! А с тобой и всю катку вашу». Потом ещё пару минут постояли, потрындели. Мы им сказали, короче: «Где хотим, там и ходим». Они возникать пытались, но мы их лесом послали и поехали оттуда.

А потом ещё случай был. Короче, идём мы по лесу – а там же пограничная зона, и часть воинская рядом. И тока слышим, орёт кто-то: «Стоять! Стоять!» Мы оттуда дёру как дали! А у нас коробки с собой, их же не кинешь. Слышим – снова орёт: «Стой! Стрелять буду!» Бежим, бежим, короче, и вдруг – автоматная очередь! Потом вторая, третья! Видим перед нами тока ветки падают. Прикинь! Часовой, мудака, вместо предупредительного – как по уставу положено – сразу на поражение начал стрелять! Хорошо ещё косой попался – пули по верху пошли! Короче, мы в кустах спрятались и там, наверно, с полчаса просидели. А потом лай собак услышали. Вот там я понатуре чуть в штаны не наложил. Еле ноги унесли. Но ощущения ломовые, конечно! Реально думал, поляжем в этом лесу!

А ещё у меня такой случай был в детстве.

Мне тогда лет шесть было, а моему брательнику уже двенадцать или тринадцать, точно не помню. Мы с ним любили в отцовской тачке зависать. Ну и вот сидим мы как-то в нашем «Форде», а брат и говорит мне: «Серёжа, нажми-ка вон ту кнопку». Я спрашиваю: «Зачем?» А он мне: «Печку включим, погреемся». Ну я, короче, нажал, а братуха такой: «Сергей, ты что наделал?! Взял, машину заблокировал! Не вставай со своего сиденья и двери не открывай! А то взорвёмся!» Я, помню, так перепугался, капец! Сижу, чуть не плачу! А брат всё кнопки нажимает, пытается машину «разблокировать». Короче, возился, он, возился минут пять, а потом говорит мне такой: «Ничего не поделаешь, Серёга. Придётся взрывать». Я попросил его отца позвать. А он грит: «Папа занят. Не бойся, тебе ж памятник поставят!» Ну и, короче, отогнал он машину подальше от дома, а я в кресло вжался, боюсь пошевелиться, сердце колотится, аж дышать тяжело. Тут мы тормозим, брательник вылазит и отходит от машины с пультом сигнализации, типа, щас кнопку нажмёт, и тачка взорвётся. Я сижу там, чуть в обморок не падаю. Всё, думаю, ханá мне. Зажмурился, жду-жду, короче, и вдруг слышу – пип-пип – сигналка отключилась. Открываю глаза и понимаю, что взрыва не было. А брат ещё, сволочь, такое лицо удивлённое сделал. Я вылетаю из машины, бегу и кричу: «Я жив!!! Я жив!!!»

Вот так вот братуха надо мной шутканул.

Но я благодарен ему.

Ведь такое не всем дано пережить: сначала думать, что погибнешь, а потом – такое облегчение.

Как сейчас помню.

02.36 – *идём по железнодорожным путям. Прямоком в темноту, на край ночи...*

Слушай, круто всё-таки! Идём по железной дороге в полтретьего ночи и кайфуем от этого! Кто ещё, кроме нас, такой фигнёй будет на районе заниматься?!

А мне нравится! Нравится чувствовать то, что другим не дано. Я не говорю, что они плохие люди. Нет. Но если пацанам сказать, что ты по ночам шарись и чё-то чувствуешь там, они ответят: «Ты чё, педик что ли?!»

А я без ночи жить не могу.

Понимаешь, район поглощает людей. И они уже не могут представить, как это – жить по-другому.

Но мы-то в курсах, что всё это у них в голове.

Нужно просто уметь видеть то, чего не видят другие.

Люди думают, что они «по-настоящему» живут...

Приходят с работы и в телек втыкают...

Женятся, чтоб кто-то им борщ готовил и носки за них стирал...

А сами – налево при любой возможности.

Бухают каждую пятницу, «выходные ж завтра!»

А на лице одно и то же выражение.

Всегда.

Вот я смотрю на них и думаю: «Вы када-нибудь улыбаетесь ваще? Или, мож, грустите?»

Взять хотя бы нас с тобой. Мы ж даже в футболе, если гол забиваем, то по всему полю от радости носимся! А если, бывает, мяч под ногой пропустим или, там, пас неточный дадим, то потом материмся ещё минут пять!

Мож, нас и ненормальными считают, но мне ваще по барабану!

Это ж футбол!

А эти вечно одинаковые ходят – что в игре, что в жизни!

Аж бесит!

Я на днях в Нете сидел и на страницу одной девахи наткнулся. Ну она симпотная вроде, вся такая из себя, дай, думаю, зайду. Открываю, короче, страницу, а у неё там статус: «Я обещала маме быть счастливой».

Прикинь?!

Я думаю: «Ты ваще что ли с дубу рухнула?!

Ладно там пацаны – и в жизни, и в футболе с ровными лицами – фигня. Но это ж ваще триндец!

Я представляю, как она думала, что в статус написать. Наверно, сидела такая перед компом, и тут бац! – вспомнила, что недавно с хахалем очередным разошлась. Ну и, конечно, типа, грусть-печаль на неё, накатила. Пошла эта коза на кухню, с мамкой потрындела, потом вернулась, написала и думает: «О, зашибись! Круто получилось!» Тока ж по-любому она мамке забыла сказать, что сама накосячила, – пацан и кинул её. Ну а мать пожалела, конечно: «Катюш, не грусти, я хочу, чтоб ты у меня самой счастливой была». Но эта ж не вдупляет, что мать искренне, как больше никто, хочет, чтоб у дочки нормально всё было. А дочка из этого ни хрена не выносит. Кроме статуса, который читать будут те, кому на неё пофиг ваще!

03.05 – *вернулись на школьный стадион. Сидим на металлической конструкции, когда-то служившей трибуной. Молча курим. Сквозь хрип динамика моего старого телефона доносится песня Макса Коржа «Мотылёк». Через пару минут Серёга нарушает молчание.*

Прикинь, со мной недавно такая штука случилась. Пили мы где-то – уже не помню, где. И так тяжело стало чё-то, так хреново на душе... Ну я, короче, подрываюсь и валю оттуда. Иду такой по району, загруженный весь, прохожу мимо пятого дома и тут вспоминаю, что здесь Ленка Ефимова жила. Ну мы с ней в одном классе учились. Давно не видел её – мож, год уже – дай, позвоню ей, думаю. Стал в телефоне копаться – номера Ленки не нашёл. А мне так хотелось поговорить с ней чё-то... Ну я к дому подхожу и как заору: «Лееен-кааа!» А сам этажа не помню даже. Мож, она ваще съехала давно... Через пару сек на четвёртом женщина выглядывает. Лица не видно в темноте, но понятно, что не Ленка это. Я кричу: «Драсьте! А Ленка дома?» А женский голос отвечает сверху: «Дома. Заходите. Квартира двадцать семь». Поднялся я на четвёртый, звоню в

нужную квартиру, захожу, а эта женщина – Ленкина мама – говорит: «Лена в комнате. Она сейчас выйдет. Чаю хотите?» Ленкиного отца дома не было, а мать поначалу странной показалась. Впустила, считай, незнакомого человека, в полпервого ночи... Грит: «А я вас сразу узнала. Вы же с Леночкой в одном классе учились?» Да, учились, тока это лет пять назад было. Ну и как-то разговорились мы с ней. Она ж учительница, рус-яз и литературу ведёт. Так мы всё о книгах да о фильмах говорили. Потом уже Ленка пришла. Я с ней только поздоровался – и опять с её мамой лясы точить. Некрасиво, конечно... Но так нас разговор захватил! Ну и, в общем, зашла у нас речь о фильме «Сатисфакция». Ты мне ещё посмотреть советовал, помнишь? С Гришковцом. Там он в конце чуваку звонит – ну своему подчинённому, который с женой его мутил, – и просит того на работу явиться, со всеми документами. И там не понятно, короче, уволить он его хочет или оставить. Так вот. Мама Ленкина меня спрашивает: «А что бы вы сделали на месте главного героя?» Я грю: «Ну я бы оставил, наверно. Ведь женщина больше виновата. Подчинённый бы вряд ли к жене начальника стал подкатывать. Скорей всего, она сама его заманила, а тот просто мозги не включил. Получается, он как бы ни при чём особо...» Тут она перебивает меня и говорит: «А я б ни за что не оставила! Уволила б к чертям! Он же предатель! А таким не место рядом с нами!» И тут я протрезвел.

Я понял, что эта женщина переживает такие страдания!

Что у неё случилось, я не знаю.

Может, муж изменял... Не знаю.

Так резко она это сказала... В тот момент я заметил, как у неё заблестели глаза. Мне аж не по себе стало. Я ничего не ответил. Тупо отвёл взгляд и стал пялиться на занавески. Несколько минут мы сидели в тишине. На улице было светло. Я посмотрел на часы – ровно пять. Тут я решил, что нужно идти. Встал такой из-за стола, а мама Ленкина говорит: «Куда же вы? Остались бы... Может, ещё чаю?» Я повернул голову и случайно встретился с ней глазами. Они уже не блестили. Они были наполнены болью. Мне казалось, что Ленкина мама за пять минут постарела лет на десять. На её лице была страшная гримаса, будто его исказила судорога, будто мышцы лица сократились и так и застыли. Передо мной сидела одинокая женщина. Женщина, которая больше не в силах терпеть одиночество.

Тут я понял, что не хочу никуда уходить.

Мы курили и смотрели, как брезжит рассвет над школьным футбольным полем, большим зелёным простором, окружённым серыми панельными домами жилого массива. Из телефона раздавалась очередная песня Макса Коржа.

ДМИТРИЙ ТУРШУК, студент гр. 09 АЯ-2

ЛАВКА ПРИЯТНЫХ СЕРДЦУ МЕЛОЧЕЙ

*I took a knife and cut out her eye
I took it home and watched it wither and die
Well, she's lucky that I didn't slip her a smile
That's why she sleeps with one eye open
That's the price she paid.*

Florence + The Machine, «Girl with one eye»

Если описывать этот день в градациях белого и черного, то он был типично серым.

Дождь, каменная мостовая, маленький английский городок, затянутое тучами небо – стоит ли описывать дальше?

По тесной улочке шел высокий мужчина в черном длинном плаще. В его правой руке была черная лакированная трость, а в левой тлела сигарета. По его черному цилиндру били капли моросящего дождя. Он переступал маленькие лужицы кожаными туфлями.

Он держал свой путь к маленькому магазинчику в конце улицы. «Лавка приятных сердцу мелочей», – гласила выцветшая вывеска над входом.

Мужчина открыл тяжелую деревянную дверь, которая в ответ отозвалась ему звоном маленького серебряного колокольчика. Он вошел в темное, заставленное многочисленными вещами, помещение. Весь

воздух тут пропитался запахом пыльных древностей. Мужчина направился к пустому прилавку, при этом касаясь пальцами старого позолоченного граммофона, керамических кукол в шелковых платьицах и кожаного футляра от печатной машинки.

За прилавков из другой, еще более темной и маленькой комнаты вышла молодая девушка. Во мраке можно было разглядеть ее тонкую фигурку в бежевых брюках, такого же цвета жилетке поверх светлой рубашки. На ее маленькие плечи спадали черные волосы, кожа казалось темной из-за недостатка света в магазине. И глаза. Большие и красивые глаза.

– Добрый день и добро пожаловать в наш магазин, – улыбнулась девушка ослепительной улыбкой. – Меня зовут Виктория. Чем я могу вам помочь? – она по-птичьи наклонила голову в левую сторону.

– Здравствуйте, Виктория, – улыбнулся незнакомец. – Мое имя Азраил. Азраил Муэрте, – он приподнял свой цилиндр и поклонился. – Меня интересуют столовые приборы.

– Вы пришли по адресу. Из какого металла? Еще у нас есть редкая коллекция керамических приборов, – Виктория направилась к одной из многочисленных полок.

– Я предпочту серебро, спасибо, – господин Муэрте снял цилиндр и положил его на прилавок вместе с кожаными черными перчатками.

– Вам повезло, у нас недавно появился один набор, – она подвинула приставную лестницу к нужной полке. – Если быть честной, то я сама положила на него глаз, – она вытащила тонкий футляр, покрытый незамысловатым узором из цветов, и осторожно слезла с лестницы.

– Почему тогда вы его не забрали себе? – мужчина поставил трость возле высокого прилавка и направился к вешалке в другой части комнаты.

– Сложно сказать, – протянула Виктория, смахивая маленький слой пыли с крышки. – Не посчитала это такой уж нужной покупкой.

– А что для вас важная покупка? – Улыбнулся Муэрте, поправив свой галстук. В зеркале, к которому он подошел, отразился высокий мужчина с приятными чертами лица: темные густые брови над карими глазами, ярко выраженные скулы и маленькая борода.

– Я даже не задумывалась об этом, – рассмеялась девушка. – Все деньги я трачу на то, чтобы мы с братом имели крышу над головой и не голодали.

– Я думал, что продавец такого магазина получает если не большие, то очень приличные деньги, – мужчина вернулся назад к прилавку. – Сколько вашему брату лет?

– Семь. Отец погиб на войне, а мать не выдержала и скончалась через некоторое время от сердечного приступа, – Виктория отвела взгляд и посмотрела на ряд кукол. – К сожалению, в этом наборе отсутствует один нож. Посмотрите.

Девушка открыла крышку. Азраил нагнулся и начал рассматривать серебро, аккуратно проводя пальцем по каждому из изгибов на узоре.

– Какая тонкая работа, – заметил он. – Мне нравится, – он поднял голову. – Вы очень любите своего брата, не так ли?

Виктория рассмеялась.

– Ну конечно. А как же иначе?

– У вас свой дом, или же вы снимаете маленькую комнату, еще более ветхую, чем эта? – он снова склонился над футляром.

– Маленькую комнатку недалеко отсюда, вы правы, – уголки губ Виктории приподнялись. – Но давайте вернемся к серебру.

– Как вы лишились вашего дома? – господин Муэрте медленно вытащил нож. – Вам не хватало денег, и поэтому вы его продали? – он наблюдал за тем, как блестит лезвие. Оно отбрасывало маленький и очень тусклый зайчик на книги в другой части комнаты.

– Матушка продала его перед своей кончиной, – Виктория опустила глаза в пол. – Вам понравилось серебро?

– Поэтому вы наступали на каждую трещину на мостовой? – мужчина вернул нож на место и коснулся маленькой чайной ложки.

– Простите?

– Трещины, – Азраил поднял глаза из-за крышки. – Неужели вы не слышали поверье, что если наступать на трещины, то позвоночник вашей матушки сломается.

– Извините, но это прозвучало грубо, – Виктория скрестила руки на груди. – Вы будете брать набор?

– Именно поэтому вы ненавидите свою мать. До сих пор ненавидите, – Азраил вытащил чайную ложку, и повторил процедуру с зайчиком. – Как на самом деле она умерла?

– Я вынуждена попросить вас уйти, – Виктория захлопнула футляр и протянула дрожащую руку. – И верните ложку.

Азраил Муэрте отдернул руку и посмотрел пустым взглядом на девушку.

– Вы задушили её подушкой, не так ли? Такой маленькой красной подушечкой, которая лежала на кушетке в вашей старой гостиной.

– Я сейчас побегу за констеблем, – ее губы дрожали, а глаза были широко раскрыты.

– Конечно, как она могла так поступить? – продолжал мужчина. – Продать ваш дом, в котором вы провели свои лучшие годы детства, пока отец не ушел на войну. А что ваша мать? Грязная потаскуха.

– Убирайтесь! – закричала девушка. – Убирайтесь к черту из этого магазина.

– Это я еще успею, но разрешите продолжить, – Азраил положил руки на деревянный прилавок. – Она приводила в ваш дом мужиков. Сначала красивых и молодых. Каждая женщина в ее возрасте хочет испробовать сочной, полной животной энергии, юношеской плоти. А уже после того письма, с весьма грустным известием, она для вида погоревала, а сама начала искать кошелек. Под кошельком я имею в виду жирных потных стариков, – Азраил, не моргая, смотрел на Викторию, которая, в свою очередь, отстранилась к стенке. – Вы закрывали себе уши, чтобы не слышать этих похотливых стонов вашей матери и богатеев, как она думала. Мне самому противно представлять вид ее обвисшей кожи, груди и многочисленных складок на животах и спинах ее партнеров.

– Уйди, убирайся! – закричала Виктория.

– Что вы чувствовали, когда она начала сопротивляться? – Азраил наклонил голову в бок. В правой руке он вертел чайную ложку. – Вы сделали это уверенно, без сожаления. Она пыталась кричать, я уверен. Но что эта старуха против молодой и сильной девушки?

– Пожалуйста, уходите! Хватит!

– Вы знаете, – мужчина убрал руки с прилавка, – я передумал. Я больше не хочу это серебро. Я хочу ваш глаз.

– Что? – Виктория перестала плакать. – Что вы хотите?

– Ваш глаз. У меня, кажется, нет проблем с речью, – Азраил выгнул плечи назад. – Я хочу ваш глаз. Мне без разницы какой. Они оба чудесны.

– Зачем вам мой глаз? – голос Виктории вздрогнул.

– Я принесу его домой, погружу в колбу с формалином, и буду любоваться. Ведь он такой чудесный. Я бы не хотел, чтобы он иссох. Вы проходили биологию в школе? Маленьких мертвых животных и внутренности держат в таких колбах.

– Убирайтесь! – закричала девушка и кинула попавшийся под руку абжур в сторону мужчины.

Азраил уклонился и продолжил:

– Закрой свой рот, мои уши вянут от твоих криков! – он улыбнулся. – Давай быстрее покончим с этим.

Мужчина быстро перелез через прилавок и накинулся на Викторию. Она вырвалась и побежала в другую комнату, в которой был черный вход. Азраил догнал и повалил ее на пол. Она отбивалась от него и царапала его лицо.

– Не рыпайся, я сказал! – прокричал он и ударил ее кулаком в челюсть. Её голова дернулась в сторону, но она продолжила отбиваться.

– Тебе мало? – Азраил нанес еще один удар. И еще один. – Я думаю, нужно сломать твои ручки, а то они мешают мне забрать твой глаз, – он перевернул ее на спину и прижал ей руки своим коленом. Придерживая её голову, он поднёс ложку к её глазам. Виктория дергалась из стороны в сторону, кричала, слюна из ее рта смешивалась со слезами и кровью на полу.

– А теперь успокойся, это будет больно.

Азраил отогнул ей веко рукой и поднес ложку к левому глазу. Медленно серебро проскальзывало между белком и розовой плотью, пока полностью не поддело глаз. Виктория закричала во все горло. Азраил начал медленно вытаскивать глаз из её глазницы.

– Хочешь взглянуть на свое лицо? – Мужчина потянул глазное яблоко и повернул его. Девушка закричала от боли и ужаса.

– Посмотрела и хватит, мне нужно удаляться, – он дернул. Зрительный нерв вылетел из уже пустой глазницы, оставив кровавый след на стене. Виктория дернулась в сторону его сжатой ладони и взвыла. Она схватилась за свое лицо и начала дрожать, изредка всхлипывая.

– Ты знаешь, я мог его просто отрезать этими маленькими ножницами, – он вытащил их из кармана и обрезал нерв прямо у основания яблока, – но так куда веселее.

Он встал и направился к выходу.

– Я одолжу этот милый чайничек из китайского сервиза, хорошо? – прокричал он. Азраил поместил туда глаз и быстро накинуд на себя пальто, цилиндр, надел перчатки и взял трость.

– В следующий раз я заберу твою улыбку. Береги ее для меня, – он открыл дверь, которая во второй раз ответила ему звоном колокольчика. – До встречи, Виктория, я позову кого-нибудь для тебя. Ты мне еще нужна живой.

Дверь захлопнулась. На улице начался сильный ливень. Он побежал по серой мостовой, между серых зданий под серым небом, пока полностью не исчез под пеленой дождя.

ЕЛЕНА БАЛТРУКОВА, студентка гр. 09 АЯ-2

КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА

I

– Здравствуйте, Андрей Валерьевич. Погода нынче хорошая, сегодня без происшествий? – Типичный ритуал, направленный лишь на то, чтобы услышать: «Да, Владислав Игнатьевич, все как всегда».

– Да, Владислав Игнатьевич, все как всегда, – улыбнулся тучный охранник на проходной. Я хотел уже пройти мимо, но толстяк остановил меня: «Кстати, сегодня ваш коллега прибыл».

– Давно?

– Да с час назад. Я думал, важный будет, надутый, весь такой... ну, как все эти заграничные, а он тут минут двадцать еще со мной болтал, все шутил...

В мыслях я уже досадливо отмахнулся от охранника Андрея, которому целыми днями бывает не с кем поговорить, но на деле я пытался изображать внимание и искренний интерес – еще ритуал, ничего не поделаешь. Наконец, я миновал проходную, с уверенностью направился к своему кабинету по узкому лабиринту обшарпанных коридоров. На каждом углу сидело по дежурному, со всеми приходилось здороваться. Но все меняется, как только я снимаю пиджак и надеваю халат. Другие костюмы – другие ритуалы, даже декорации, кажется, меняются. Старые коридоры районного дома для душевнобольных приобретают некую загадочность, лампы не раздражают миганием – они превращаются в заговорщиков, а технический персонал становится услужливым, почтительным и безмолвным – меня нельзя отвлекать во время работы. В руках приятная тяжесть толстых папок с личными делами – вот это действительно интересные люди, с которыми хотелось бы поговорить. Они здесь, прежде всего, потому что отрицают всякие ритуалы, они искренны в своем безумии. Но, увы, для начала придется поприветствовать своего коллегу. Больница, наверное, разорилась, пригласив иностранного специалиста по расстройствам мышления. Даже секретаршу ему выделили.

– Его нет, – сообщает она, – он на обход пошел.

Я снова ныряю в лабиринт безумия с ветхими стенами. Какие-то палаты не удостаиваю даже взглядом: белая горячка, наркотическая зависимость, молодые люди, успешно притворяющиеся ненормальными, лишь бы не попасть в армию – такого контингента у нас две трети. Но вот и отдельное крыло для людей с настоящими расстройствами поведения, психопатиями, маниями, нарушением восприятия – тяжелые случаи настоящего помешательства. Половина палат пустует. У одной стоит мой коллега и ждет, видимо, меня.

– О! Здравствуйте, а я все жду, когда же вы придете!

Я пожимаю протянутую мне руку.

– Миров Александр Викторович.

– Александр Викторович? Но разве вы не...

– Ох, ну что вы! Я родился и вырос здесь, а за границей просто стажировался и проводил некоторые научные исследования. Неполные десять лет там пожил, а все уже готовы записать меня в шпионы. А вы, Владислав Игнатьевич, давно здесь работаете?

– Да двадцать лет уже. Как распределили меня после института, так и застрял здесь.

– И что? Вам не нравится ваша работа?

– Работа очень нравится, да и к больнице я привык, корни уже пустил, как говорится.

– Ну, что ж, раз уж вы специалист с большим стажем, может, введете меня в курс дела?

– А что именно вас интересует?

– Да вот пациент из двести тридцать третьей. У вас его дело есть?

– Конечно. Вот, можете ознакомиться. Очень интересный случай. Мы наблюдаем его с две тысячи третьего года. Троицын, Глеб Тарасович. Тридцать девять лет. Поступил к нам после многочисленных жалоб родных и коллег. Предварительный диагноз – обсессивно-компульсивное расстройство. При поступлении был вполне вменяем, но с повышенной тревожностью. Постоянно толкал стены, проверяя, развоятся ли они или нет. Хватал врачей и персонал за руки, смотрел на ногти, порой срывал с них халаты либо дергал за волосы. Проверял, закрыты ли все двери, просил осмотреть комнату на наличие животных или посторонних людей. Когда его опасения не оправдывались, говорил, что так и предполагал, но не мог не проверить. Типичный синдром навязчивых состояний, казалось бы.

– Казалось бы?

– Да, я не наблюдал его с самого начала. Психоанализ больному не помог, скорее, все стало еще хуже – он перестал доверять врачам, все чаще бросался на медсестер и санитаров, выкрикивал обвинения различного характера в адрес врачей.

– Его стали лечить медикаментозно?

– Совершенно верно. Начали с небольших доз серотонинергических антидепрессантов, бета-блокаторов, также пациенту был предписан алпразолам. Но лекарства также не давали никакого эффекта. О смене диагноза задумались только после того, как у пациента начали наблюдаться галлюцинации, бредовые состояния и припадки. Кроме того, он стал еще более одержим идеей того, что все вокруг ненастоящее. Больной не раз заявлял, что все происходящее – розыгрыш, подстроенный его женой, которая решила на самом деле свести его с ума. И все, якобы, из-за какого-то дома, владельцем которого он себя мнит.

– Мнит?

– У Глеба Тарасовича нет частного дома, он жил в квартире с родителями. И жены у него нет, и никогда не было.

– Так что же это? Шизофрения? Паранойя? Диссоциативное расстройство идентичности? Аффективное расстройство?

– Теми же вопросами задавался и консилиум.

– О! Так вы созывали консилиум?

– Да. Я тогда уже более десяти лет в больнице проработал, и этот случай был первым и последним в моей практике. Приехали ведущие областные специалисты, долго совещались, но к единому мнению так и не пришли: слишком уж симптомы противоречивые. В итоге остановились на шизофрении и назначили меня его лечащим врачом. Вот, с тех пор никаких изменений в его состоянии.

– Так может, это и не шизофрения вовсе?

– Возможно, но, по мнению специалистов, это наиболее подходящий диагноз.

– А как же паранойя? Пациент же говорит, что его намеренно сводят с ума. Врачей, вы сказали, подозревает.

– Да, так оно и есть. Однако есть один неоспоримый аргумент: у больного нет жены и недвижимости, о которых он говорит. Тут налицо бред и ложные воспоминания. Параноики ищут заговоры в реальных вещах, которые видят ежедневно, а Глеб Тарасович придумал себе жену, профессию, дом и друзей, которые участвуют в этом «розыгрыше». Так что паранойю мы исключили.

– Онейроидный синдром?

– Нет постоянных сценических псевдогаллюцинаций и потери личности. Деревом себя не мнит, не лает, не кусается. Нет ни деперсонализации, ни кататонии. Так что нет. А значит, у больного не энцефалит, не биполярное аффективное расстройство и не деменция.

– А что с раздвоением личности? Если уж у него несуществующая жизнь появилась.

– В том-то и дело, что личность одна. Его память хранит только события из жизни Глеба Троицына. При этом половина его воспоминаний – ложная. При диссоциативном расстройстве он бы не помнил более половины событий из своей жизни и периодически становился бы совершенно иным человеком: другое имя, место жительства, национальность, возраст, пол. Нет, Александр Викторович. Наш пациент – цельная личность.

– Очень интересный случай.

– Да, несомненно. Именно поэтому я до сих пор от него не отказался.

– В данный момент, как я вижу, больной не проявляет никаких признаков беспокойства или агрессии.

– Да. И мы не можем установить периодичность его просветлений. Он может быть вполне спокоен и вменяем несколько дней или даже недель, а потом снова впадает в бешенство. При этом никаких признаков маниакальных или депрессивных состояний мы не наблюдаем.

– Что ж. Замечательно. С вашего позволения, я бы тоже хотел понаблюдать за больным.

– Я не против, однако, если вы решите внести коррективы в курс лечения – сообщите мне.

– И все же мне интересно, на каком основании вы до сих пор не отказались от шизофрении?

– Я понимаю, что вы прибыли из высокоразвитой во всех отношениях страны и, возможно, считаете, что мы тут недостаточно квалифицированы, но, поверьте, это не так. Во-первых, больной сдал ряд тестов. Да что там ряд – гору.

– Тестирование процесса мышления тоже проводилось?

– Да. Результаты были противоречивы: одни и те же тесты он сдавал совершенно по-разному, независимо от клинического, психологического и физического состояния. Порой налицо была классическая шизофрения, а спустя два часа тот же тест не выявляет никаких отклонений.

– И это все?

– Нет. Основная причина, по которой я не отказываюсь от диагноза, – травма головы, которую пациент получил еще в детстве. Присмотритесь, видите шрам через весь лоб? Мы сделали томографию, но ничего не нашли. Однако оборудование у нас старое, мы могли что-то пропустить. Вполне возможно, что шизофрения вызвана нарушением работы мозга, в результате полученного повреждения. Это наиболее вероятная версия, учитывая, что у Глеба Тарасовича нет родственников с психическими заболеваниями.

– Что ж, понятно. Проходите, покажете мне другие палаты.

– Да тут половина не занята. В двести тридцать пятой – Вантов, Венцеслав Геннадьевич, мужчина, 37 лет, шизоаффективное расстройство. Частые слуховые и зрительные галлюцинации, перепады настроения, вспышки агрессии. Склонен к суициду. Двести тридцать восьмая – Платонова, Светлана Яковлева, 30 лет, хроническая депрессия, осложненная компульсивными состояниями. Трижды пыталась покончить с собой, однажды едва не утопила собственных детей. В двести тридцать девятой Виктория Сергеевна Волгина с пограничным расстройством личности. Вот, собственно и все.

– Что ж, спасибо, Владислав Игнатьевич. Не смею вас больше задерживать.

II

Как же надоел этот холод в кабинете: сквозняк проникает через разошедшиеся рамы, свистит в воздухе и оседает на полу, леденит ноги. Как в морге. Осенью еще и сырость такая, что в углах появляется плесень, а папки с личными делами пациентов отсыревают. Сажу с постоянным насморком и головной болью, сейчас, похоже, вообще жар – перед глазами все плывет и кости ломит так, что двинуться невозможно.

В зеркале напротив стола отражается гора отчетов и мое изможденное лицо с красными глазами, болезненное и одутловатое. Прекрасно, я теперь сам могу сойти за одного из пациентов-алкоголиков, да вряд ли в их палатах теплее, чем здесь. На обход что ли пойти?

От быстрой ходьбы по коридорам становится теплее. Рассеяно обхожу палаты, опрашиваю больных. Все как всегда. Стационар – скука смертная. А вот из двести тридцать третьей слышен возмущенный шепот:

– Я знал, знал, знал. Они все врут. Всегда. Да. Все сказки, все сказки, сказки. Каждую ночь. И днем. Нет, они меня не обманут, они своего не добьются. Он был, он стоял. Ласточкины гнезда. Всему виной ласточкины гнезда. Они были. Они им не достанутся.

– Троицын! Что случилось? – влетаю в палату, по которой кружит пациент с невидящим, безумным взглядом.

– А! Это вы! Притворщик! – больной вдруг зашелся смехом, больше похожим на приступ астмы. Я обеспокоенно приблизился, попытался осмотреть зрачки и пощупать пульс, но как только я протянул руку, смех резко оборвался. Миг – и я лежу на полу, задыхаясь, пытаюсь стянуть с горла цепкие руки безумца.

– Прекратите! Глеб Тарасович! Немедленно перестаньте, – хриплю я. На помощь позвать не получится – из горла вырывается только сдвоенное шипение. Я судорожно отбиваюсь, но мне уже не высвободиться – в глазах темнеет, легкие горят, в ушах звон:

– Глеб Тарасович, оставьте его.

– Лжец! Он лжец! Не вредить! Он клялся не вредить, а сам за деньги кого угодно упрямчет.

– А на что еще жить врачам? Подумайте, какая у него зарплата? А ведь ему семью кормить.

– Нет у него семьи.

– Неправда: у Владислава Игнатьевича престарелая мать с болезнью Альцгеймера.

Больной ослабил хватку, и воздух со свистом начал поступать в легкие.

– Ну вот, а теперь подумайте: вас тут десять лет держат. Никто в вашей болезни не сомневается. Почему бы Владиславу Игнатьевичу не превратить вас в овощ? Есть же такие препараты. Лоботомия. Вы слышали о лоботомии? Ваша жена и адвокат были бы только рады этому. Может, вдвое больше бы заплатили. Никто из персонала вас не трогает, на прогулки вас выводят.

– Они все сговорились, – дернул плечом Троицын и нервно хихикнул.

– Да, но они же вас и пожалели. Они все прекрасно знают о вашей ситуации, о подлости вашей жены и помогают вам в меру своих возможностей. Подумайте сами: здесь вы живы и в безопасности. У вас даже есть все шансы выйти. Однажды жена забудет о вас и тогда вас отпустят.

– Да. Да, вы правы, – Троицын слез с меня и неуверенно протянул руку. – Простите, пожалуйста. Я просто уже начал думать, что действительно схожу с ума. Понимаете, если бы вы мне с самого начала сказали правду, а не устраивали этот спектакль... Хотя... Она тут камеры установила, да? – и снова больной нервно выставил правое плечо вперед, словно защищаясь. Я не выдержал:

– Не говорите ерунды.

– Да, конечно, Глеб Тарасович. Поэтому все себя так ведут, – вдруг заявил Александр Викторович.

– Так может я все испортил?! – на лице пациента отразился неподдельный испуг.

– Не волнуйтесь – камеры дают только картинку. Пойдемте, Владислав Игнатьевич.

Я поднялся с пола и на негнувшихся ногах побрел вслед за коллегой. Еще в коридоре меня обьял гнев.

– Александр Викторович, мне надо с вами поговорить, пройдемте ко мне в кабинет. Ускорив шаг, я обогнал коллегу и в ярости толкнул дверь кабинета.

– Что вы ему наговорили? – срывающимся голосом обратился я к этому молодому врачу.

– Ничего особенного, позвольте вам объяснить...

– Вы здесь два месяца, а уже убедили больного, что мы лжецы. Вы намеренно поддерживали его безумную идею о заговоре! Вы подвергли мою жизнь и жизни остального техперсонала опасности! Вы усложнили мне всю работу с данным больным! Вы это понимаете?

– Простите, Владислав Игнатьевич, я действительно должен был уведомить вас о том, что намерен применить иной метод лечения.

– Какой, к черту, метод?!

– Подождите. Я понимаю, в ваших глазах я – излишне самонадеянный юнец, но позвольте мне вам все объяснить, наконец. Видите ли, Владислав Игнатьевич, на Западе уже довольно давно используется альтернативный метод лечения паранойи: пациента убеждают, что он прав, и что все знают о его правоте, но предпочитают молчать. В конечном итоге больной успокаивается и приходит в нормальное состояние.

– Что за чушь вы несете? Вы пытаетесь убедить меня, что внушение больному чувства собственной правоты способно излечить его? Нонсенс!

– Мы внушаем больному только то, что он здоров. Почему они буйствуют, нервничают, набрасываются на окружающих? Они боятся, что рассудок их подводит, и в итоге это происходит на самом деле. Их асоциальное поведение – всего лишь желание убедить окружающих, и, в первую очередь, себя, в собственной адекватности.

– Это какие-то лженаучные изыскания. В конце концов, есть симптоматика, есть галлюцинации, бред, деперсонализация. У больных полностью нарушено мышление, восприятие, поведение. У них картина мира искажена, а вы пытаетесь доказать, что они больны только потому, что сомневаются в своем здоровье!

– А с чего вы взяли, что картина искажена? Неужели вы думаете, что то, что вы видите, – истинно?

– Вы еще в метафизику ударьтесь. Следуя вашей логике, непонятно, кто безумец, а кто нет.

– Именно.

– Тогда что мы здесь вообще делаем? Может отпустить их всех? Вы понимаете, какой хаос начнется, если все станут думать, как вы?

– В этом ваша проблема: как бы вы ни любили своих пациентов, как бы ими ни восхищались – они все равно для вас больные: вы хотите заставить их видеть мир таким, каким видите его вы. А социуму, на самом деле, нужны просто надежные, трудоспособные люди, и никого не волнует, что творится у них в голове.

Понимаете, Владислав Игнатьевич, все мы находимся в комнате с кривыми зеркалами. И в них, в этих зеркалах, искривленная реальность уходит в бесконечность, а мы с вами – всего лишь отражения того, что стоит перед ними. Может мы отражаем пустоту, может Вселенную, может лик Господень или еще что-то – не важно. Главное, что ни одно из отражений не может быть верным, точным, истинным. Поэтому глупо говорить, что наша реальность ближе к истине, чем реальность наших пациентов.

– Да вы больны! Я большего бреда в жизни не слышал. И вообще мы лечим Троицына от шизофрении, а вы о параною заговорили. Все! Я устал от этого фарса и сегодня же напишу докладную на вас заведующему больницей. Наш разговор окончен, будьте добры, закройте дверь с обратной стороны.

III

Это становится невыносимым. У меня, похоже, грипп – голова раскалывается, меня бросает то в жар, то в холод, все тело ноет. Каждый год одно и то же. Лучше бы отремонтировали больницу вместо того, чтобы приглашать этого выскочку. Еще и спать не могу который день – все из-за стресса. Чертов Троицын! Чертов Миров! Хоть бы он провалился. Уволят его, как же. Не для того столько денег из областного бюджета заняли на его гонорары, чтобы выгонять. А мне выговор – пожалуйста. Еще мамино состояние ухудшилось. Пришлось звать сиделку. Как этот выскочка узнал о ней вообще? Теперь он еще и лечащий врач Троицына. Ха! Посмотрю я, как он будет оправдываться, когда этот псих еще кого-нибудь задушит.

– Все! Достала эта писанина. Только здоровье гробить, а уважения никакого, – в сердцах крикнул я, швырнув ручку в дальний угол кабинета. – К черту все! Двадцать лет тут вкалываю, а они потом какому-то иностранцу только что ноги не лижут.

Выключив компьютер, я сделал то, чего никогда не делал за все время работы в больнице – решил уйти домой пораньше. Скоро Новый год, маме становится все хуже, да и интернов на меня должны повесить – я заслужил сокращенный рабочий день.

На проходной, как всегда, сидит Андрей Валерьевич, а рядом с ним – кипа кроссвордов. Расписываясь в журнале, вдруг замечаю рядом с кроссвордами открытку, подписанную Мировым и футляр с дорогой перьевой ручкой.

– Это в честь чего так? – киваю в сторону подарка.

– Ну, так день рождения, шестьдесят лет.

– О! Юбилей. Поздравляю. А у меня, знаете ли, совсем из головы вылетело – заработался.

– Да ничего. Он две недели назад был. Да я и не отмечал особо. Так, посидели в тесном кругу и разбежались.

Меня снова бросило в жар, то ли от болезни, то ли от гнева. Прекрасно. Этот Миров еще и подлиза – три месяца работает, а уже втерся в доверие к охраннику. Да что там – ко всему персоналу. Все хвалят его, не нахвалятся. Выскочка и подхалим.

Сделав вид, что забыл что-то в кабинете, я устремился к палате Троицына. Интересно, в каком он состоянии? У самой палаты я замедляю шаг, услышав голос Мирова:

– Да не волнуйтесь вы так. Мы вас скоро выпишем, а от вас требуется только сделать вид, что вы не знаете ни о какой жене, ни о каком доме, и ни о каком заговоре. Ей мы скажем, что у вас амнезия, она оставит вас в покое, ручаюсь вам.

– Спасибо, доктор. Я так вам благодарен! А я же такой глупый, такой глупый... Сразу видно, кто здесь верен своему долгу. Если бы не вы, этот Владислав Игнатьевич залечил бы меня до смерти. Хорошо, что еще остались на свете честные люди. А я глупый. Это потому, что мертвый...

У меня потемнело в глазах, вся больница на миг пошатнулась и встала в мертвой тишине. Я чувствовал себя раковой опухолью, вживленным органом, вирусом, который организм отторгает – так и меня отторгло это

место. Не помню, как добрался до кабинета: только стоял возле двести тридцать третьей – и вот уже собираю свои вещи.

– Увольняюсь. Увольняюсь! Увольняюсь! – рычал я, мечась от одного стеллажа к другому. – Я уже и преступник в их глазах. Ха! Столько лет, столько лет! Впустую!

Меня бил озноб, кабинет раскачивался, научные разработки, дипломы, личные дела так и выскальзывали из непослушных пальцев.

– Да кто он такой? Да кто он вообще такой?! – и тут меня осенило. – Точно. Он же из этих мест. Посмотрим, какой он врач.

Я бросил на пол все свои вещи и кинулся в приемную.

– Добрый вечер, Владислав Игнатьевич. Что-то случилось?

– А? Нет, нет. Мне просто нужно посмотреть личные дела сотрудников.

– Но я не имею права...

Не дослушав секретаршу, я ворвался в архив и принялся вытряхивать содержимое стеллажей.

– Миров, Миров... Где этот чертов Миров? Ага! – схватив тоненькую папку, я побежал к своему кабинету мимо изумленных сотрудников.

IV

– Вы это видите? Его личное дело? Как вы приняли его на работу вообще? – срывался я на крик в кабинете заведующего. – Здесь нет почти никакой информации: окончил столичный университет, стажировался за рубежом... Ха! А где остальная информация? Публикации? Предыдущие места работы? Где он сейчас живет, в конце концов? Тут ведь даже прописка не указана! И знаете что? Я проверил. Проверил! Я послал запросы во все местные школы. В каждую! Ни в одной из них не учился Миров Александр Викторович! Ни в одной! Родственники? Нет родственников.

– На что вы намекаете?

– Его не существует! Это – самозванец, аферист, мошенник! Отправьте запрос в университеты – наверняка и там даже не слышали о Мирове.

– Послушайте, Владислав Игнатьевич, я понимаю, вы расстроены тем, что новый в коллективе, молодой специалист забрал вашего пациента, но это не повод сомневаться в его компетентности и...

– Я не в компетентности сомневаюсь, а самом существовании данного специалиста, как же вы не понимаете! Он же вас за нос водит! Да, да, черт возьми! Я расстроен, что этот заносчивый юнец забрал моего пациента, но в данный момент меня не это волнует.

– Успокойтесь, Владислав Игнатьевич. Вы устали, вы больны. Давайте вы возьмете больничный, а мы перепроверим все документы. Я уверен – тут какое-то недоразумение. Скорее всего, и Александр Викторович, и мы так торопились, что не уследили за сбором всей документации. Мы обязательно с этим разберемся. А теперь, идите домой.

– Да пошли вы все к черту! Я вас предупреждал, учтите, а вы как безмозглый осел повелись на расшаркивания и фальшивые рекомендации. Никто, никто из вас правды не видит. Все видят только то, что хотят, во что поверить могут. Да вы еще безумнее местных пациентов. Считайте, что я у вас больше не работаю.

Я опрометью кинулся из кабинета, не желая слушать доводов и уговоров этого непроходимого тупицы. В кабинете меня ждал полнейший беспорядок: все бумаги, наработки, отчеты и дипломы валялись на полу. Когда я зашел, они взметнулись вверх от сквозняка, а потом еще долго шелестели, опадая, словно недовольные птицы. Я хотел было собрать все, сложить в коробку и унести с собой, но на меня вдруг навалилась апатия, и я сел за стол в полнейшем изнеможении, утирая испарину со лба, думая о работе, которой я лишился, о покойной матери...

– Стоп. Почему покойной? Мне надо ухаживать за ней, а с этой работой я не уделял ей достаточно внимания. Поэтому ей и стало хуже, – стал шептать я вслух, чтобы успокоиться и прийти в себя. – Я был таким плохим сыном, мне стоило лучше следить за ней, особенно после того, что случилось с отцом. Она, бедняжка и так от него натерпелась. К черту работу! Оставить все здесь. Да, оставлю все им, пусть подавятся...

– Я не помешал? О! Так вы одни, а мне показалось...

– Миров! Пошел вон! Это все еще мой кабинет.

– Вы мне грубите.

– Мне плевать. Вон отсюда, мошенник. Все однажды всплывет, они еще узнают, что вас не существует, что все это время они лизали задницу пустому месту.

– Послушайте, вы не в себе, вам давно уже стоило уволиться отсюда. Меня поэтому так срочно и вызвали. Вы слишком консервативны, замкнуты в себе, а после смерти вашей матери...

– Что? Что ты сейчас сказал? Моя мать жива, я вообще не пойму, откуда ты знаешь о ней, щенок! Вон! Вон!

– Я понимаю, это страшное потрясение, меня с самого начала просили не затрагивать эту тему, но вы уже на грани, поэтому...

Я не дал этому нахалу договорить и кинулся на него, буквально перепрыгнув через стол.

– Ты выставил меня чудовищем перед пациентами, посмешищем перед коллегами, а теперь хочешь убедить меня, что я безумец? – шипел я, подминая под себя этого афериста, хватая его за горло.

– Прекратите, прекратите! Помогите, кто-нибудь!

Я равнодушно наблюдал за тем, как синеют его губы, как он ногтями царапает мои руки, пытаюсь освободиться, как вдруг меня подхватили, неведь откуда взявшиеся санитары. У одного из них я заметил шприц, и вдруг все заволочла темнота.

V

Из темноты выплывает мое зеркало. Я видел его сотни, тысячи раз – оно стоит в моем кабинете, старое, большое, прямо напротив стола. Только стола нет – только зеркало. Мне ненавистно смотреть на свое лицо. Я убил их всех. Я виноват перед всеми, особенно перед мамой. Вдруг за моей спиной мелькнула смеющаяся рожа Миров. Я резко оборачиваюсь, но сзади только зеркало. Мое зеркало!

Они повсюду! Зеркала! Я кружусь, бегаю по лабиринту кривых зеркал, а за спиной слышны шаги и хихиканье. Я не могу сбежать, каждый раз, когда мне кажется, что я нашел выход, я натыкаюсь на холодное стекло, а хихиканье постепенно перерастает в леденящий душу хохот. Смеются мои отражения, они уплывают, возвращаются, становятся все уродливее от каждого моего движения. Черты моего лица искажаются до неузнаваемости, миг – и вот передо мной Мир. Он во всех зеркалах, а я бьюсь за холодным стеклом. Я всего лишь отражение, а за моей спиной – сотни, тысячи, миллионы искривленных фигур. Что же, что же передо мной? Мне кажется, что вот-вот среди этой фантазмагии я увижу того, кто стоит там, кривляется перед зеркалами, заставляя и меня плясать, подпрыгивать и хохотать.

Неизвестный оборачивается, и я понимаю, что это Троицын. Он окидывает все безумным взглядом и снова начинает хихикать. Это омерзительно! Этого не может быть! Меня словно бьет током, но я как заведенный снова и снова повторяю все его движения, которые становятся все более хаотичными: он машет кулаками, гладит руками воздух, словно щупая что-то, словно он – мим в невидимой коробке... Он тоже отражение! Что же тогда мы отражаем? Зеркала! Повсюду лишь кривые зеркала и мы все выстроились в ряд друг за другом и пляшем, и смеемся, и пытаемся выбить стекло, чтобы прорваться к чему-то. Всюду лишь зеркала.

– Зеркала, зеркала, зеркала... – шепчу я, продолжая против воли биться о стекло. Все мое тело болит, руки исцарапаны, я обессилен, но я не принадлежу себе. Я смеюсь, хохочу до слез, а со мной – бесчисленное множество уродливых, искаженных существ, заточенных, не имеющих собственной воли.

VI

– Ну-с, господа интерны, а это – корпус «Г». Здесь лежат тяжелые больные, представляющие опасность для себя и для окружающих. Таковых у нас не много, и вряд ли вам удастся с ними поработать, – уже в который раз произносит главврач заготовленные фразы.

– Не очень-то и хотелось, – полушепотом комментирует один из студентов.

– А вот и напрасно! – в глазах главного врача появляется блеск, который он пытается, но не может скрыть. – Вот, например, в двести тридцать третьей у нас Владислав Игнатьевич Нишанский, который находится в этой больнице более двадцати лет, десять из которых он был нашим ведущим специалистом.

– Подождите! Консилиум Нишанского это...

– Именно! Приятно, что хоть кто-то внимательно относился к истории психиатрии. Владислав Игнатьевич был одним из самых перспективных врачей, светило отечественной психиатрии, почти гений. М-да, а теперь он – пример того, как превратно может быть наше сознание. Изначально, будучи нестабильной личностью, Владислав Игнатьевич невероятно был увлечен своим делом, но смерть матери его подкосила. Однако, даже поняв, что сходит с ума, профессор Нишанский не пожелал прервать работу, и его сознание выбрало самый необычный способ защиты – создало новую личность.

– Так у него диссоциативное расстройство идентичности?

– Да. Мы наблюдали три личности: двое – врачи, а один – шизофреник.

После этой фразы даже самые равнодушные интерны с интересом стали поглядывать на палату.

– Это, собственно и усложняет лечение: десять лет назад врач отделил больное сознание от здорового, но Глеб Троицын – так зовет себя личность-шизофреник – стал все чаще захватывать контроль над сознанием. Владислав Игнатьевич уже не мог объективно оценивать свое состояние, и мы созвали консилиум, который вошел в историю, как первое совещание медиков, в котором больной принимал участие и в качестве собственного лечащего врача. Мы надеялись, что это подтолкнет Владислава Игнатьевича к осознанию своего состояния, но ошиблись – вместо этого, он создал еще одну личность: молодого врача из-за рубежа. Теперь лечение представляется совершенно невозможным, поскольку оба врача сопротивляются реинтеграции, шизофреник не позволяет достучаться до сознания профессора Нишанского, а попытки излечить шизофрению Глеба Троицына натываются на отпор со стороны одного из психиатров, которые, кстати, находятся в серьезной конфронтации друг с другом.

Главврач выдержал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом, после чего, уже будничным тоном продолжил:

– Половина палат, в корпусе не занята. В двести тридцать пятой – Вантов, Венцеслав Геннадьевич, мужчина, 37 лет, шизоаффективное расстройство. Частые слуховые и зрительные галлюцинации, перепады настроения, вспышки агрессии. Склонен к суициду. Двести тридцать восьмая – Платонова, Светлана Яковлева, 30 лет, хроническая депрессия, осложненная компульсивными состояниями. Трижды пыталась покончить с собой, однажды едва не утопила собственных детей. В двести тридцать девятой Виктория Сергеевна Волгина с пограничным расстройством личности. Вот, собственно и все.

КСЕНИЯ ЗАБОЛОНЕВА, студентка гр. 10 РГФ-1

Я ВСЕГДА РЯДОМ

1

Ночь. Это одна из тех холодных ночей, которые случаются в конце осени. Адский холод, но ветра нет – в такую погоду самое приятное сидеть дома. Три утра. Звонок.

– Алло, Костя, это ты? Ну, скажи что это ты.

Он сначала не понял, кто ему звонит, потом посмотрел на телефон: это она. Костя наизусть помнил её номер. Как повезло, что за пять лет она его так и не изменила. Но почему сейчас? Чего она хочет? Может не зря он ждал её все эти годы?

– Д-д-да, да это я, привет. Что случилось?

– Ты меня узнал? Как приятно. (Её голос. Немного грубый, возбуждённый, но такой приятный). Слушай Кость, нам нужно встретиться.

– Сейчас? – Перспектива вылезти из кровати в три ночи и плестись куда-то по ледяному холоду его не прельщала, но ведь это была она... ОНА!

– Да, прошу, это срочно, Костя, пожалуйста.

– Да, конечно, хорошо, куда идти?

– На нашем месте, через полчаса.

– Жди.

Он бросил трубку и начал судорожно одеваться. Он даже не понимал, зачем это делает. Да и вообще, зачем она позвонила? Что ей нужно от него? Она разбила его сердце тогда, теперь ей что, мало стало? Он застегнул ширинку почти гневно. Натянул свежие носки, тёмно-синюю футболку и первый попавшийся свитер. Нужно почистить зубы.

На улице были все признаки зимы. От холода сводило лицо. Осенняя одежда была уже не к месту, и даже закутавшись шарфом до глаз, можно было почувствовать, как медленно отмерзают щёки. Снаружи не было ни души, даже бездомные собаки сидели в своих укрытиях, не рискуя высунуть носа. Наше место. Да, он прекрасно знал, что это за место, о котором она так непринуждённо и, как ему казалось, почти насмешливо говорила. С какой это стати оно стало «НАШИМ» местом? Как больно было ему об этом думать. О том, что она отвергла его. Воспоминания об этих пяти годах заполнили его мысли. Что я сделал не так? Зачем она так со мной? Я был с ней добр, и даже больше. Дарил ей цветы. Когда мы гуляли, я всегда покупал ей мороженое. Держал её за руку. Мы болтали обо всём на свете. Я бы не позволил себе внаглую переступить черту, не стал бы давить на неё, или бросаться как озабоченный. Я любил её по-настоящему, отдавая всего себя. Что же пошло не так?

Через 20 минут он был уже на месте. Маленький мостик освещал одинокий фонарь, слабый свет падал на середину конструкции. Костя стал под ним, чтобы его было лучше видно. От холода начало сводить ступни. Глаза слипались, светлые волосы торчали во все стороны (он так и не успел причесаться). Он стоял, облокотившись на поручень, боясь провалиться в сон.

Что же было не так? Я принёс её любимые цветы. Жёлтые герберы. Много. Говорил честно, что я люблю её, хочу, чтобы мы были вместе, как настоящая пара, хочу отношений, и быть всегда с ней. Она лишь улыбалась, а потом...

Он увидел на той стороне моста фигуру. Она медленно приближалась, казалось размеренным шагом, как если бы какой-нибудь маньяк в три ночи встретил свою жертву на мосту, и теперь медленно подкрадывался. Его передёрнуло. А что если это так, что если он исчезнет, и она его так и не дожждётся? Ему хотелось увидеть её хотя бы в последний раз. Посмотреть, как она изменилась, кем стала... Фигура приближалась. Это было бы нечестно, вот так... В тусклом свете она начала обретать очертания. Маленькое чёрное пальто, повязанный поверх серый шарф. Как всегда без шапки. Из-под пальто торчали две худые ноги, обтянутые чёрными леггинсами, которые прятались под чёрными угами. Вот фигура подошла совсем близко. Это была ОНА. Когда-то круглое лицо, превратилось в чётко очерченный овал, с выпирающими скулами. Она покрасила волосы в более тёмный цвет (ну или ночью ему так казалось), они были распущены, чуть ниже плеч, но аккуратно подстрижены. Губы стали как будто больше (ему так хотелось поцеловать её прямо сейчас). Из-за косой чёлки он не видел её глаз. Но ему было достаточно и этого.

– Привет, – произнесла она. Так же, как она говорила тогда. Легко и непринуждённо.

– Здравствуй, – слова сами сорвались с губ. Что теперь? Что говорить? Три ночи, я так устал.

– Послушай, извини, что разбудила тебя чёрт знает во сколько, мне просто нужно было срочно тебя увидеть...

Его сердце забилося быстрее. Он давно ждал этих слов, ещё тогда на мосту, ему так их не хватало.

– Да всё нормально, ты же знаешь...

– Тш... не перебивай, мне нужно сказать тебе кое-что важное. Выслушай. Если я не смогу сделать этого сейчас, то уже никогда не смогу, будет уже поздно, понимаешь?

Он кивнул, предвкушая сладкое признание

– Я... я хочу кое о чём тебя попросить. Пожалуйста, не отворачивайся от меня. Ты единственный, к кому я могу обратиться, только ты.

Так было всегда. Она звонила, просила встречи, а потом ей было что-то нужно. Нескончаемая вереница просьб. Когда на него накатывали приступы меланхолии, он утешал себя именно этим огромным её недостатком. Он тяжело вздохнул, и изо рта вырвался пар, словно дым. Она опешила.

– Я знаю, что не заслуживаю и доли твоего внимания. Но ты единственный, к кому я могу обратиться. Ты всегда был рядом. Пожалуйста.

«Единственный» – наверное, именно это слово польстило ему в тот момент. Он так хотел быть единственным тогда, но он точно понимал, что уже не будет единственным для неё сейчас.

– Говори.

– Я не знаю с чего начать...

– Говори сейчас, или я уйду!

Конечно же, он бы никуда не ушёл. Неведение доводило его до предела, он больше не мог ждать. Ему так хотелось знать, ради чего всё это.

Она подошла ближе и положила руки ему на грудь. Он теперь видел её всю. Её опухшие глаза и красный нос, явно не от холода. На щеках всё ещё виднелись блестящие ленты слёз.

– Что случилось, ты плакала?

Она отскочила от него и отвернулась. Не хотела, чтобы он видел её такой. Слабой, беспомощной. Никогда.

– Понимаешь, мой отец болен. Он сейчас в хирургии. Ему нужно сделать серьёзную операцию...

– Тебе нужны деньги? – Он готов был отдать всё. Этот момент был бесценен. Она как будто невольно обнажилась перед ним, и эта нагота ему льстила.

– Прекрати, не нужны мне твои деньги! – почти в истерике завопила девушка, – Ему не нужны деньги, у него их предостаточно. Он сказал, что исход операции зависит от меня. Понимаешь? Будет ли жив мой отец, зависит от меня. Это врач... хирург придурочный. Он сказал, что только я могу решить эту ситуацию...

Он не понимал ни слова. В его голове образовалась каша из фраз, среди которых он мог разобрать только «он хочет меня».

– Я не понимаю.

– Он хочет меня, понимаешь?! – она не выдержала и заплакала. Я часто приходила к папе в больницу, и этот врач – хирург – так смотрел на меня. Он сказал прийти к нему завтра вечером, после семи, поговорить насчёт операции.

– Ну, поговорить и что?

– Ты не понял? Он не собирается говорить.

У него перехватило дыхание. Он бы ни за что не позволил никому её обидеть. Ни за что на свете. Она была для него недостижимым божеством, и он бы никогда и никому не простил бы посягательства на неё.

– Но, но что ты хочешь от меня? – он всё ещё не мог разобраться.

Она съехала спиной по ограждению и вытянула ноги. Он подошёл, поднял её и обнял.

– Не нужно, ты же простудишься. Он раскрыл своё пальто и укутал её. Она ответила ему, обняв руками.

– То, что я скажу, тебе не понравится.

– Мне всё равно. Говори.

– Будь моим парнем.

2

Он так часто прокручивал у себя в голове эти слова, но никогда не думал, что услышав их, впадёт в такой ступор. Они казались ему теперь настолько реальными, тяжелыми... Они свалились на него, вот так, и теперь он не мог дышать. Но она была рядом сейчас, обнимала его, и просила быть её парнем. Чего он жалуется? Они постояли так минуты три, пока он не выдавил из себя:

– Расскажи мне всё. Ты же можешь мне доверять, как тогда? Я всё пойму, просто говори.

Она обняла его ещё крепче и утонула лицом в его шарфе, вдохнув его аромат. Ей понравилось, хотя он даже не успел ничем надушиться.

– Понимаешь, мой молодой человек сейчас в армии и не может мне ничем помочь. Увольнительная у него будет только через неделю, и...

– Стоп, – он оттолкнул её от себя. Она как всегда всё испортила. Как тогда, когда он впервые признался, она с лёгкостью сказала, что у неё уже кое-кто есть.

– Парень, то есть у тебя есть парень, а ты вот так просто звонишь мне среди ночи, бежишь невесту куда, к какому-то левому мужику, обнимаешь его, вся такая виснешь на нём... Твой парень вообще в курсе? Тебе не стыдно так поступать...

Казалось, он никогда не сможет остановиться; всё то, что он копил в себе все эти годы, вдруг норовило вырваться на неё мелкой дробью и окончательно добить.

– Ты... ты... да ты ненормальная, сумасшедшая. Ты всегда так поступаешь...на улице собачий холод, а ты просто так взяла и вытащила меня из постели...да ты вообще хоть иногда думаешь?

Щёки горели. Несмотря на то, что пальто его было расстёгнуто, ему было по-летнему жарко и ужасно хотелось освободиться от лишней одежды. Он был так сильно поглощён эмоциями, что и не заметил, как она снова разревелась. В каком-то истерическом бреду она крикнула ему:

– Хорошо! Ладно! Я поняла! Извини, что я опять это сделала! Извини...

А потом повернулась и быстрым шагом начала удаляться. Он опомнился, лишь когда она дошла до конца моста. Его вдруг охватил незбылемый страх, что он вот-вот может потерять её, уже навсегда. Он не мог бросить её вот так. Она нуждалась в нём как никогда. И он знал, что не может не помочь.

– Стой! СТОЙ! Прости! Прости меня. Не знаю, что это на меня нашло.

Он успел схватить её за руку. Она повернулось, но он не видел её лица, свет фонаря не доставал до той части моста.

– Прости! Прости! Я... я....

Он потянул её к себе и обнял. Сильно-сильно. Она как будто обомлела. Её руки болтались. Она молчала. Ему ужасно хотелось поцеловать её сейчас. Но было жутко невыносимо оттого, что у неё уже кто-то есть, хоть и далеко отсюда. Он был человеком чести и не стал бы уводить девушку у другого. Чтобы перебить это желание он заговорил:

– Пожалуйста, не молчи, скажи хоть слово... Пожалуйста.

– Можно я сегодня останусь у тебя?

За вопросом последовало неловкое молчание. Он не знал, что ответить. Она сейчас говорила то, что он давно хотел услышать, но отчётливо знал, что ему не стоит воспринимать желаемое за действительное.

– Да. Да, конечно.

Она взяла его за руку и улыбнулась. По-детски беззаботная улыбка, которую он так любил.

Он жил в коммунальной квартире, но зато у него была своя комната. Когда они вошли, горел свет. Он так и не успел выключить его перед уходом. Комната была небольшая, но в ней было достаточно места, чтобы смогли уместиться раскладной диван, компьютерный стол и шкаф с вещами. На стенах была куча полок, с несчётным множеством книг. Он очень любил читать, увлекался психологией и философией. Постель была расправлена. Он вдруг почувствовал себя как последний дурак. У него была всего одна кровать, а их двое. Ему было бы непозволительно предложить ей спать вместе, но она повела себя более рационально:

– У тебя есть какая-нибудь майка?

Он кивнул и ринулся к шкафу. Как назло там не оказалось ни одной свежей майки. Он повернулся к ней рассеяно и сказал:

– Я идиот. Последняя чистая майка на мне. Если бы я знал, что так будет, то подготовился бы.

Они засмеялись

– Тогда снимай свою.

Он покорно сделал то, что она сказала, чувствуя себя как шестнадцатилетний пацан, который в первый раз обнажился на пляже перед девушкой, которая ему нравится. «Мда, нужно было записаться в тренажёрку». Но, несмотря на то, что у него не было горы мышц, он выглядел подтянутым и крепким.

– Отвернись. Попросила она.

– Я лучше выйду. Не буду мешать.

Стоя за дверью, он пытался представить, как она в комнате переодевается в его майку. В частичку его. Натягивает её на своё тело. Он еле сдерживался от того, чтобы войти туда. Но он был джентльменом и ни за что не позволил бы себе такой дерзости. Пытаясь отвести мысли, он вдруг вспомнил, что она так и не объяснила ему его роли во всей этой ситуации. Он помнил, что её отец болен, какой-то врач... хирург, пытается воспользоваться её положением, и она попросила его побыть её парнем, потому что солдат сейчас не может. «Какая у женщин всё-таки странная логика», – подумал он. – «Вроде бы всё понятно, но ничего не понятно. Ерунда какая-то. Ладно, спрошу утром». Так он простоял минут пять, не решаясь войти в комнату. Он увидел, как погас свет. Это был знак. Можно входить. Он отворил дверь. Девушка лежала, укрывшись одеялом почти по голову. «Устала, наверное. Такой стресс». Он закрыл за собой дверь и прилёг рядом, боясь побеспокоить её. Она дышала тихо, почти не слышно. Ему было трудно сдерживаться. Вот она, та, которую он так любит, которую он так хочет, лежит в его постели, в его майке... Он повернулся к ней, обнял и поцеловал в шею. Это было максимум дозволенного, которым он робел воспользоваться, но ситуация была непростая, да и была не была. Она не шевелилась. «Наверное, крепко спит» – подумал он. Не буду мешать. Он ещё долго не мог заснуть.

– Ты знаешь, что если сильно чего-нибудь захотеть, то это обязательно случится.

– Да неужели?

– Да. Это называется «Мыслеформа»!

Они стояли всё на том же мосту. Жара. Было слышно журчание воды, пение птиц и шелест листвы. Она была в бежевом платье. Опираясь на перила, она смотрела на воду, не обращая на Костю никакого внимания.

– Что за мыслеформа? – спросил он.

– Ну это когда ты постоянно повторяешь себе то, чего хочешь. День ото дня, одно и то же, и тут бац, оно приходит.

– Ты врешь! Я пять лет твердил твоё имя. Говорил, что хочу тебя видеть. Каждый чёртов день. Ты врешь. Ты приходишь, только когда тебе что-нибудь надо. Ты лгуныя. Посмотри на меня. ПОСМОТРИ!

Вдруг стало мертвецки холодно, звуки стали громче, он увидел, как над ними кружит стая ворон. Они визжали так сильно, что у него заболели уши. Он закрыл их руками. Девушка смотрела на воду. Но теперь платье её было грязно жёлтое, а волосы как будто стали седыми.

– Посмотри на меня, и скажи, что это правда. ПОСМОТРИ!

Она повернулась. Костя закричал от ужаса. У неё был зловеще надменный взгляд, а глаза были черны как ночь. Его сердце выпрыгивало из груди. Она открыла рот:

– Всё потому, что ты ничтожество. Ты просто отвратителен мне.

Он закричал, всё сильнее сжимая уши. Он попытался закрыть глаза, но не смог. Бессилие.

Дзынь. «Что за?!» Он проснулся. К его уху был прижат мобильный телефон, он так сильно давил на него головой, что ухо онемело. «Это был сон. Блин, что это со мной?» Костя повернулся, надеясь застать её спящей, но никого рядом не было. «Так это что, мне всё приснилось? Как же так? Она же сама мне позвонила. Да... это, скорее всего, похоже на сон. Нужно проверить телефон».

Он разблокировал сенсор и увидел сообщение. От неё: «Ушла рано. Не хотела тебя будить. Как проснёшься, позвони».

Значит, это не сон. Он упал на подушку. Пытаясь собраться с мыслями, набрал её номер. Было занято. «Ладно, наберу попозже. Нужно вставать».

Было около пяти вечера, когда она подняла трубку.

– Я звонил, было занято.

– Да... звонил этот идиот – врач. Открой мне дверь.

Он отодвинул засов, и приоткрыл дверь, оставив лишь маленькую щель для того, чтобы посмотреть, кто там стоит. Как одинокая пенсионерка, к которой постучал незнакомец.

– Привет! – весело сказал он. Она улыбнулась.

– Привет.

Он так любил её добрый взгляд. По сути, из-за него он не хотел быстро впускать её, лишь бы ещё немного насладиться моментом.

– Ты меняпустишь? – засмеялась девушка.

– Да... Заходи.

Теперь он полностью отворил дверь. И тут до него дошло: он стоит в одних трусах. – Ой, извини, я просто только что встал.

– Да ничего, – девушка ничуть не покраснела, как будто полуголый парень в трусах был для неё обычным делом. – Я кое-что принесла. Мне нужно переодеться. Ты не против?

– Да, я в ванную. Располагайся. – Он нежно взглянул на неё, будто хотел позвать её с собой. Но это было бы слишком грубо и пошло, поэтому взяв из шкафа полотенце, он удалился. Принимая душ, он пытался склеить воедино события сегодняшней ночи. Он так и не понял, что произошло. Девушка, врач, парень. Он уже давно пообещал себе, что никогда не станет жертвой женских интриг, ну или по крайней мере он успокаивал себя тем, что никогда в них не был втянут. Но почему именно сейчас, почему он? Разве на свете мало других парней, которых можно вот так развести? Он замотался в полотенце и вылез из ванны. Протирая запотевшее

зеркало, Костя вспомнил, как она плакала. «Это из-за отца. Она бы сделала всё, что угодно, чтобы помочь ему. Ей просто нужен надёжный человек. Безотказный». Ему вдруг показалось, что его просто используют. Что она манипулирует им и его чувствами. Он попытался успокоиться, но ничего не получалось.

– Можно побыстрее? Вы тут не одни! – постучала в дверь соседка. Именно это и привело его в чувство. Он мог с лёгкостью позволить себе снять отдельную квартиру. Костя прилично зарабатывал, чтобы отгородить себя от таких вот ситуаций. Но тогда бы он остался совершенно один, а так ещё невыносимее. Он улыбнулся и поплёлся на кухню. После всего случившегося ему ужасно хотелось кофе. Налив две кружки, он направился в комнату.

У него отвисла челюсть, и он чуть не разлил кофе. Вот теперь, перед ним, в его комнате, стояла совершенно другая девушка... почти женщина. На лице был вечерний макияж, волосы распущены. Она была одета в облегающее малиновое платье на бретелях, которое было настолько тесным, что казалось, не хватало места для груди, и ты вот-вот выскользнет из декольте. Костя мог видеть каждый изгиб её белья. Его взгляд спускался ниже и застопорился на торчащих из-под платья чулках. Девушке стало неловко, и она одёрнула платье.

– Я так обычно не одеваюсь. Это он попросил меня надеть что-нибудь «соблазнительное».

Она покраснела, накинула на себя пальто. Костя впал в ступор. Ещё одна неожиданность. Он не знал, что и делать. Первобытные инстинкты одолевали его сейчас как никогда. Он поставил кружки на стол, собрал свои вещи и вышел из комнаты. «Дыши, дыши... ты как-будто никогда девушек не видел». Но это же была ОНА. «Так это всё всерьёз, значит, она действительно в беде. Я должен ей помочь. Я же не могу бросить её, отдать этому извращенцу-доктору. Соберись!» Он рывком надел майку. Когда он вошёл в комнату, девушка уже пила кофе.

– М-м-м... Кофе, спасибо.

Он только улыбнулся ей, но получилось совсем неловко, и его лицо скорчилось в какой-то несуразной гримасе.

– Расскажи, что у нас за план.

– Мне нужно чтобы ты побыл моим парнем, ну притворился. Я очень боюсь идти туда одна, боюсь, что он может со мной что-нибудь сделать, понимаешь?

– Понимаю, продолжай...

– Я войду в кабинет, а ты должен постучать ровно через две минуты...

– Так, а почему через две, ну скажем не через минуту, или через три?

– Ну, минуты будет мало, чтобы застать его врасплох, а три – много. А вот две вполне достаточно. Войди и скажи что-то вроде «Ну где, ты? Мы опаздываем! Пойдём скорее!», или что-то вроде «Любимая, я не могу больше ждать, идём скорее!», ну что-нибудь милое, понимаешь?

– Да, хорошо.

– Только пообещай, что ты не бросишь меня там одну. Я тебе этого никогда не прощу, – её глаза вдруг наполнили слёзы. Казалось, она вот-вот расплачется. Он обнял её. – Никогда.

4

Было без пяти семь, когда они вошли в больницу.

– Это на пятом этаже, – сказала она. – Поедем на лифте?

– Ну, если ты хочешь тащиться на своих каблучках, то можем и пешком.

Ей было не до смеха. Она серьёзно посмотрела на Костю, и тот нажал кнопку лифта. Стоя у двери кабинета, она заметно нервничала.

– Не волнуйся, всё прокатит. Обещаю. Он обнял её и поцеловал в лоб.

Она постучала в дверь.

– Можно?

– Заходите, – ответил тяжёлый сдавленный голос. Дверь открылась. – А, это вы? Входите-входите, я вас ждал. Присаживайтесь.

– Вы хотели поговорить со мной насчёт моего отца?

– Да-да, – он встал со стула и направился к двери. (30 секунд). – Вы же знаете, ему сейчас нелегко, на носу сложная операция. Я рад, что вы откликнулись на моё предложение. (1 минута). Он вставил ключ в замочную скважину и повернул.

Что-то пошло не так, и Костя это понимал. Но он обещал выждать ровно 2 минуты, и теперь не отводил взгляда от часов.

– Зачем вы закрыли дверь? – спросила девушка.

– Чтобы нам никто не мешал. (1 минута 30 секунд). Он подошёл сзади и обнял её за плечи. – Понимаете, ваша ситуация не совсем простая, – немного погодя, – тут нужен особый подход...

В дверь постучали.

– Так о чём это я... ах да... вы такая красивая девушка...

– Кажется, кто-то стучал?

– Не обращайтесь внимания, постучат и уйдут.

В дверь опять постучали. Хирург стоял на месте.

– По-моему, стоит открыть и узнать, кто стучит, – настояла девушка.

– Да бросьте, все уже давно ушли.

Костя начал колотить в дверь как ненормальный. Он хотел было начать ругаться, но отлично понимал, что это было бы излишне. У них был план. От нарастающего напряжения доктор не выдержал и пошёл открывать дверь. Парень ворвался в кабинет и злобно посмотрел на врача.

Это был мужчина за 40 с весьма внушительным пузом. Он был одет в чёрную майку, больничные штаны и халат, ко всему прочему от него разило, как от последнего алкаша. Наконец Костя понял, что происходит. Почему она плакала тогда и пришла именно к нему, и осталась с ним. Это был его родной дядя. Фамилия на табличке была тому подтверждением.

– Привет племянничек, тебе чего?

Несмотря на всё, парень помнил, что обещал девушке.

– Я пришёл за своей девушкой. Пришёл забрать её. У нас ещё дела.

Врач испугался. Будь это какой-нибудь другой парень, он бы быстро от него отделался. Но только не племянник. Пусть лучше в семье говорят, что он алкаш, но не озабоченный маньяк. Он не хотел, чтобы кто-нибудь знал.

– Пойдём любимая, нам пора, – он нежно улыбнулся ей, давая понять, что всё позади, всё кончилось, он спас всех.

– Ну надеюсь, мы с вами договорились насчёт операции моего отца, – обратилась она к доктору. – Вы обещали ему полное выздоровление и отдельную палату.

– Ддд-да, конечно, – ему ничего не оставалось, как просто согласиться

Она лишь улыбнулась ему и вышла. Парень презрительно посмотрел на своего дядю и удалился. «Всё кончено, подумал он, всё кончено. Я сделал, как она просила. Всё сделал».

Пока они ехали в лифте, она накинула на себя огромных размеров коричневый свитер и переобулась в угли.

– Спасибо тебе. Ты знаешь, как для меня это важно. Я тебе теперь по гроб жизни обязана.

Он покраснел, но не успел ей ничего ответить – она впиалась в него своими губами и страстно поцеловала. Он обнял её, как тогда, на мосту. «Наконец-то. Теперь она со мной, целиком и полностью, спустя столько лет».

Дверь лифта открылась, и девушка отступила.

– Я описать не могу, насколько я тебе благодарна. Спасибо.

Она повернулась и направилась к выходу. Не оборачиваясь как всегда.

– Не за что. Ты же знаешь, что я всегда помогу.

Она накинула пальто и вышла из здания.

– Я всегда рядом... – почти шёпотом произнёс он.

О ПОЛОЦКЕ И ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛЕ

СЕРГЕЙ ГОЧАКОВ, студент гр. 09 АЯ-2

ДОМ ОФИЦЕРОВ

Весь свой пыл сторож городского Дома Офицеров, Артемид Валерьянович, обычно вымещал на друзьях. Дома его завсегда ждала скалка, на работе – выговоры за посиделки с Вакхом, и лишь общение с друзьями оставалось той тихой и уютной бухтой, в которой он правил, как ему заблагорассудится. На всё, что бы ему ни сказали, отвечал он набатным, хриплым голосом, в короткой заранее определенной форме. Иногда он устаивал своих собеседников небольшой вразумительной лекцией или же предосудительным наставлением. Был он худошав, но, что необычно в таких случаях, очень медлителен и даже флегматичен. Острые черты лица оставляли за собой угловатые тени, а глубоко посаженные серые глаза, казалось, тускнели в скуке бесконечного всезнания. Ярый атеист, Артемид, как это водится, обожал разговоры о Боге, а точнее о его отрицании. Он безудержно рвал и кромсал идеи священного писания, выписывал умственные кренделя в угоду философии материализма, а возле сердца, на привязи, всегда держал партийный билет.

В один из дней середины лета сидел Артемид, по обыкновению, во дворе своего дома и играл в домино. Рядом с ним, за одним столом, расположился Митрофан, дородный краснощекий работник мясокомбината, с оттопыренными ушами и вьющимися золотистыми волосами, а также безработный, преклонных лет, Николай Васильевич. Одет Николай Васильевич был в старый выцветший костюм, содержал обширную залысину на голове, а также носил пышные седоватые бакенбарды. Всем своим видом он походил на потрепанного жизнью интеллигента, который давно уже объявил войну обществу и режиму, отчего денно и нощно занимался протестными возлияниями.

– Ну что ты, Митрофан, заладил, ей-богу! Сглазили, да сглазили, – томно громыхал Артемид, раскладывая домино в ладони, – будто бы никак иначе смерти этого олуха, Васьки, объяснить не можно.

– Знамо, что не можно. А как тут еще объяснишь? Всем известно, что это Слободская старуха, черт ее побери, всю жизнь ему и испортила. Повадился он к ней бегать, работал у ней, как полоумный, а она ему гадала, будущее вещала, вот и сглазила, колдовское отродье. Заколдовала, это как пить дать! – звонко отбарабанил Митрофан, утирая свои жирные губы и берясь за домино.

– А иначе как ты мне, Артемид Валерьянович, объяснишь, что он нам всем давеча сказал, мол, помру я завтра братцы, не поминайте лихом, а сам весь понурый, сникший как огарок, лица на нем нет, а потом, на следующий день, взял да и помер подле забора. Видно перебирался, да шею себе и свернул. Заколдовала, это как пить дать!

– Скабрёзный ты человек, Митрофан, и ума в тебе ни капли не имеется. Кабы я встретил сейчас твоего Ваську, так такой бы ему финт прописал, чтобы знал, как людей светлых с пути праведного сбивать, и, как это говорится, головы их засеивать различными непристойными мыслишками, которые, кстати говоря, выведенного яйца не стоят. Вы там в своей Слободе лучше бы к бутылке меньше прикладывались, а то скоро все по миру пойдете да окочуритесь.

Артемид грузно возложил черную пластинку на шершавый деревянный стол, затем достал из-под него бутылку и разлил по чаркам гремучую непроглядную смесь. Выпили. Митрофан закашлялся, покраснел, а другие игроки, как ни в чем не бывало, продолжали игру.

– По мне так, все эти материи давно человеком изведаны и просчитаны, – начал свой голосовой зуд Николай Васильевич, искоса поглядывая на товарищей, – ведь гласит писание: «не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них. Я Господь Бог ваш».

– Чего? – Артемид удивленно выпучил глаза. – Чего это ты сейчас там ляпнул? Шибко умный?

– Ну а что здесь такого, извините, – начал оправдываться Николай Васильевич, – Я, так сказать, в защиту Митрофановой версии цитату привел. И все тут! – интеллигент поперхнулся, но продолжил, – А сколько было толков о таких вот ведьмах, заговорщицах, ведуньях? Чего только одна бабка Ганга стоит! Сам видел, клянусь! Возле Пскова жила, лет тридцать назад померла. Так и предсказания какие делала! Все наперед знала. Только вот слушок потом пошел, что водится эта Ганга с демонами да бесами, а того и гляди с самим Люцифером.

– С кем, с кем? – гаркнул Артемид.

– С Люцифером, с Дьяволом, ну который тамошний главный черт. Падший Ангел, так сказать. И библейские сказания здесь человеку службу-то и сослужили. Все сказано, как и что. Сам Васька и виноват, нечего якшаться с той, у которой черт – лучший друг да товарищ.

– Вот бы мне встретить этого чёрта, я бы ему задал! Бредни все это, откуда у вас головы растут, не пойму! Ведьмы, ведуньи! Ишь тут! Библию он цитирует! Ты книг-то нормальных в глаза не видел. Мифы Древней Греции нам тут рассусоливает, а ты, Митрофан, ему, небось, еще и веришь?

– А как же мне не верить-то, когда человек истинную правду говорит? Силы сверхъестественные будоражить мне не хочется. У меня и так проблем предостаточно, – Митрофан перекрестился и походил в очередной раз.

– Темные вы люди... – не успел договорить Артемид, как вдруг его перебил Николай Васильевич.

– Не верю я в совершенную рациональность земного, так сказать, устройства. Наш мир категорически неоднозначен. Доказательств тому целая уйма. Как ни крути, а что-то все-таки есть. Далеко и ходить не надо. Вот, к примеру, взять твой, Артемид Валерьянович, Дом Офицеров. Уже который раз, буфетчица Галька мне рассказывает, что кто-то, с недавнего времени, как она под вечер уходит, выть начинает, скрестись. Дверь бывало ходуном...

– Ага! Вот тебе раз! Я там всю ночь сижу, и ничего, а тут баба нейкая будет сказки рассказывать!

– Ты же спишь ночью.

– Я сплю? Это кто тебе такую глупость сказал? Чтобы я на работе спал!

– Ты сам и сказал, – как можно мягче ответил Николай Васильевич.

– Я говорил дремлю, бестолковая ты голова, Николай Васильевич, а не сплю. Как же это можно спать на работе? Я бы услышал, если б кто-то шуршать начал, да и тем более зданию уже не один десяток лет. Сплошной сквозняк. Вот и показалось дурёхе этой, Гальке.

– А я слышал, здание это вообще проклято было, – заговорил таинственно-вдохновенным голосом Митрофан, – его немцы пленные строили, их там потом всех поубивали. Вот и случилась, как говорится, мистификация.

– Бредишь ты что ли, Митрофан? Какие немцы? Его еще до войны построили! – Артемид хлопнул по столу в последний раз и нервно вскрикнул, – Рыба! Взять бы вас с вашими историями да как шендахнуть об землю, чтобы все бесы из голов ваших пустых повыскакивали! Один – ходячий цитатник, другой – ушатый пустомеля. Сегодня специально двойной обход сделаю, чтобы над вами дураками побольше потешиться! А ты, Николай Васильевич, вместо своих мифов лучше бы что-нибудь полезное прочел. Ничего толкового ведь не читал ни разу в жизни, кроме этой своей библии. «Капитал»-то, наверное, твоя дурья башка осилить будет уже не в состоянии! – с усмешкой произнес Артемид, потом грозно встал из-за стола и, пофыркивая, неспешно отправился напрямик к подъезду.

Вечером того же дня Артемид вышел на ночное дежурство. Знакомое донельзя, привычно-скучное, сонное здание Дома Офицеров не вызывало в нем никаких эмоций. Днем тут играли в бильярд, смотрели кино, пели и танцевали. Ночью же здесь находился только он один, так что от этого активного веселья не оставалось и следа. Было там всегда темно и тихо, и рабочее место давно уже стало ассоциироваться у Артемида со здоровым, крепким сном. На самом же деле строение это можно с чистой совестью отнести к образцу «высокого сталианса»: великолепный, могучий фасад, подчеркнутый укрупненным композитным ордером, величественная парадная композиция, в которую волшебным образом вписались причудливые, пышные капители, а внутри вместительный, богатый колонный зал, потолок и стены которого украшены всевозможной лепниной, – вот лишь некоторые достоинства этого гордого дворца.

Дождавшись, когда уборщица и буфетчица – люди, покидавшие здание последними, – наконец, скроются с глаз долой, Артемид закрыл тяжелую двустворчатую высокую дверь и положил ключи в шкафчик рабочего стола. Затем включил радио, сел на стул, и, упершись ногами в стену, стал читать газету. Немного погодя, голова его начала клониться набок, глаза закрылись, и вскоре резвое эхо разнесло по всему зданию его горделивое сопение. Артемид вдруг проснулся, как это бывает, когда человек засыпает в неудобной позиции, и оглянулся вокруг себя. Он встал, потянулся, поднял с пола упавшую газету и отправился в уборную. Напевая себе что-то под нос, он умылся и принялся смотреться в зеркало. В этот самый момент что-то грохнуло, скрипнуло, и откидная форточка под самым потолком раскрылась настежь. Сердце Артемида ёкнуло, он неестественно скрючился и отпрыгнул в сторону. Увидев, что ужасный звук исходил от безобидной форточки, Артемид мигом успокоился и закрыл вентиль крана. Взрывая фойе благим матом, Артемид вернулся на рабочее

место, достал папироску и закурил. «Черти, бесы, Дьявол! Я сам как чёрт!» – нервно пробубнил он, выпуская из груди густой дым.

Закончив с папироской, Артемид взял из стола ключи и большой фонарь. Сначала, он медленно обошел здание вокруг, затем, будучи уже внутри, он с фонарем в руках отправился осматривать темные залы и коридоры, проверяя, все ли двери оставили закрытыми. Неожиданно для себя Артемид нашел, что одна из дверей на втором этаже, ведущая в комнату для хранения реквизита, отперта. Он осмотрел там каждый уголок и, кроме кучи актерского хлама, платьев и париков, прямо перед выходом заприметил еще и целую грудку широких необтёсанных досок, кучку гвоздей в стеклянной банке и старый молоток с большой ржавой головкой. «Ну, Петр Петрович! Ну растяпа!» – прошипел Артемид, предположив, что все эти инородные предметы оставлены здесь местным пропойцей-завхозом. Сторож вернулся на вахту, чтобы взять ключ и закрыть дверь, но на месте его не оказалось. «Значит, Петрович домой уволок, – подумал Артемид. – Завтра устрою ему экзекуцию».

В комнатухе, расположенной сразу у входа в здание, за красным изодранным диваном, Артемид отыскал маленькую самодельную подушку, подкрутил механические пузатые часы и завел на них будильник. Затем он приглушил радиоприемник, снял неуклюжие башмаки и улегся на свое провисшее ложе, свернувшись калачиком, как ребенок. Сладкий, безмятежный храпоток устлал собой все поверхности темного холла и, обвивая ряды колонн, степенно утекал вверх по расхोдившейся надвое, широкой лестнице.

Артемиду Валерьяновичу снились поразительные, чудеснейшие сны. Цветные, фантазмагорические видения были наполнены различного рода сюжетами, перипетиями, конфликтами. В одних он вел милейшую беседу с начальством, восседая на высоком удобном стуле. В таких снах привычный Артемиду бас волшебным образом менялся и становился приторным, уважительно-вкрадчивым баритоном. Другие его сновидения всегда были полны всевозможных яств. Он трапезничал в кругу своих друзей, знакомых и родственников, но никому не позволял притрагиваться к еде. Между поеданием и распитием безумно вкусного самогона, он вталдычивал окружающим простые, как ему казалось, истины. Если кто-то пытался ему возразить, он тут же брал ложку и бил нарушителя по лбу. И сейчас, Артемиду снилось, как он сидел за большим круглым столом, вокруг него стояли бесчисленные множества блюд, а он возвышенным тоном, обкусывая со всех сторон жирную куриную ножку, ведал Митрофану и Николаю Васильевичу о вреде религиозных убеждений и мистических идей. Но вдруг, к его удивлению, Митрофан начал подтанцовывать, мотать головой и как-то странно раскрывать рот. Артемид уже потянулся за ложкой, чтобы уговорить кривляку, но тот всхлипнул и залился тягучим женским голосом под аккомпанемент невидимых музыкантов. Песня была до жути знакомая, громкость музыки нарастала, и становилось больно ушам. Артемид в бешеной растерянности вскочил из-за стола и одним рывком кинулся на обезумевшего Митрофана, но вместо него словил руками воздух, и тотчас же проснулся. Раскрыв свои заспанные сморщенные глаза, он услышал, как сильно гудят высокие частоты радиоприемника, взбудораживая все здание кислым пением известной актрисы.

Осознание происходящего пришло к Артемиду не сразу, но только оно его посетило, как он мигом вскочил с дивана и рваными, качающимися прыжками добежал до сошедшего с катушек приемника. Он спешно стал крутить колесико влево, дабы прекратить сей ужасный ор, но звук не унимался и, по-видимому, даже не думал утихать. Покраснев и удивившись такому неприятному чуду, он зло вырвал вилку из розетки, и радио мгновенно смолкло. «Это что еще за акробатика? – пробурчал он вслух. – Ничего не понимаю!» Он отцепил приемник со стены и начал вертеть диковинную штуковину в руках, пытаясь разобраться, что к чему. Артемид еще не совсем отошел от сна, и в движениях его виделось что-то резкое и неуправляемое. Он положил приемник на стол, потянул руки кверху, а затем сел на стул и закурил.

– Что это еще за дребедень-то такая? – думал Артемид Валерьянович про себя. – Приглушил же перед сном, а тут на всю громкость, да еще и не выключается! – он оставил папиросу в пепельнице, взял радио в руки, еще раз прокрутил колесико, а потом вставил висевшую рядом на проводе вилку в розетку. Тишина. Радио не издало ни малейшего хрипа, ни намека на какой-либо звук.

– Ну вот! – Артемид улыбнулся и положил папиросу обратно в рот. – Это по-нашему. А то бренчит, когда ему вздумается, это не дело! – Тут глаза его уставились на входную дверь, пугающая мысль заставила задуматься. – А как это, спрашивается, оно включилось? Радио – предмет неодушевленный, и само по себе включаться не умеет. Значит, включил кто-то. Известно, что никак иначе не может, кроме как так. А это значит, что кто-то подошел, да и крутанул, значит, ходит здесь сейчас...

Холодок вдруг пробежался по его телу, папироса прилипла к нижней губе, и он, повернувшись к лестнице, вгляделся вглубь темного холла. Артемид оторопел и несколько секунд не двигался с места,

прислушиваясь к каждому шороху. «А ну выходи, дрянь!» – громыхнул он, собравшись с силами. Стянув со стола фонарь, он быстрым движением включил его и направил в глубокую темень. «Ань, ань, ань...» – трепетало эхо. Артемид потушил сигарету и с несвойственной ему спешкой побрел обыскивать здание. Вооружившись маленьким ломиком, он уверенно шагал из угла в угол, перепрыгивая с одного места на другое, в попытке застать врасплох подшутившего над ним хулигана. На втором этаже уныло завывал ветерок. В блеклом свете полумесяца шаловливо-кривые, гротескные тени деревьев хаотично бороздили высокие стены коридоров.

Отчаянные попытки найти горе-шутника не увенчались успехом. Злой и встревоженный, Артемид вернулся на вахту. Он негодовал и ругался про себя. Кинув на стол фонарь, он вновь снял башмаки и завалился на диван. Спалось теперь не так хорошо, как прежде. Никак он не мог понять, как простой безобидный радиоприемник смог сотворить такой вот предательский произвол. Постепенно глаза его начали слипаться, цветные образы и яркие картинки закружились в уставшем мозгу. Последняя ниточка, державшая его с реальным миром на связи, готова уже была оборваться, как вдруг, Артемид услышал протяжный, ревущий крик. Он взлетел с кровати и в ужасе схватился за ломик. Дрожащей рукой он включил фонарь и снова направил его вглубь залы. Противный звук не переставал и явно исходил со второго этажа. Внезапно крик остановился, и вслед ему Артемид услышал настойчивый тяжелый топот, будто кому-то вздумалось отстукивать барабанную дробь прямо на паркете.

– Эй вы там! Успокойтесь! – кричал Артемид сквозь шум. Он не смел сойти с места и старался придать голосу как можно больше мужества. – Милиция уже едет! Сдавайтесь, подлецы!

Топот вдруг утих, и Артемид бросился к дежурному телефону. Подняв трубку, он машинально набрал «02» и стал дожидаться гудков. Но гудков не было. Он нервно, с силой кинул трубку и набрал снова. То же самое. Он попробовал еще раз, и еще раз, но все безрезультатно. «Провод перерезали!» – подумал он и покосился на лестницу. Тем временем, второй этаж опять разразился ужасающим режущим криком, который на этот раз тянулся гораздо дольше. Весь пол наверху, будто бы, заерзал и заскрежетал. Казалось, тысячи рук таскают всю находившуюся там мебель из стороны в сторону. Ошалевший Артемид закрыл уши, подбежал к входной двери и попытался ее открыть. Дверь была заперта. «Их слишком много, надо бежать и вызвать подмогу!» – пришла в голову идея. Кинувшись за связкой ключей, он открыл шкафчик, но не обнаружил искомого предмета. Он с ужасом начал рыскать под столом, рывком откинул в сторону диван, но ключей нигде не было. Крайне растерянный, он побежал обратно к двери и стал тягать ее на себя, потом, разбежавшись, больно ударился об нее всем телом и, выбившись из сил, сел на пол. «И ключи забрали, гады! Что ж теперь делать?! Сколько их?» – думал Артемид, пока наверху все также буйствовала неведомая сила.

Артемид взмок, как половая тряпка. Он никогда прежде не был так напряжен. Бесшабашный вой и дикий топот вскоре замерли. Не веря до конца свои ушам, Артемид аккуратно встал с места и, пытаясь вернуть утраченное самообладание, схватился за железный лом. Но на этот раз выглядел он уже не так бодро и уверенно, как раньше, а наоборот стал каким-то серым и зачехленным. Он закоробился, стушевался и уже совсем негрозно тявкнул: «А ну выходи!» Ответа не поступило.

Еще секунду Артемид простоял в неловкой, пугливой позе, но с того ни с сего в голове его что-то крякнуло, он успокоился, собрался с мыслями и даже, неожиданно для себя, разъерепенился. «Да что же я, в самом деле. Еще и трушу. Это им надо бояться, а не мне! – вдохновлялся Артемид. – Сукины дети, народное имущество мне тут портят!» Он взял фонарь и сделал несколько робких шагов в темноту. Интригующая тишина нарушалась теперь лишь редкими скрипами старого паркета и тиканьем часов. Внезапно друг за другом с подоконника повалились на пол глиняные горшки с цветами. Раз, два, три! Артемида будто парализовало, он вывернул шею и устремил свой взор назад. Телефонная трубка поднялась и зависла в воздухе, словно невидимое существо поднесло ее к уху.

– Алле! Это милиция? – затрубил надменный, ехидный голосок из ниоткуда. – Приезжайте скорее! Мы сами никак не справимся! Здесь орудует бесовщина!

Голос вдруг искривился, взмыл к потолку, и эхо разнесло по всему зданию скрывающие нутро обезумевшего сторожа, звуковые осколки: «Совщина, вщина, щина!» Лишившись здравого рассудка, Артемид, едва двигая ватными конечностями, устремился прочь от этого места, на лестницу и дальше на второй этаж. Со страху он начал завывать, и, ударяясь о стены, поскальзываясь и запинаясь, неся куда глаза глядят. Каждый раз, вскрикивая от движения играющей тут и там тени, он останавливался, прислушивался, но слышал лишь биение своего собственного сердца. Таким образом, он добрел до той самой, отпертой ранее завхозом комнаты.

Увидев табличку «Реквизит», Артемид, не раздумывая, кинулся внутрь и захлопнул за собой дверь. Колотившейся, не слушающей его рукой он кое-как затворил жиденькую щеколду и стал бешено внимать происходящему снаружи.

Пару минут тишины и спокойствия дали Артемиду отдышаться, но сознание сторожа пошатнулось окончательно. Все его жизненные устои вдруг перевернулись с ног на голову, и он был уже не в силах что-либо себе объяснить и в чем-то разобраться. Им овладел всепожирающий страх. Затаившись возле двери, он не смел переступить с ноги на ногу и будто бы застыл на месте. Неожиданно он услышал пронзительный, блеющий смех, разносящийся абсолютно повсюду. Тот же надменный голосок теперь смеялся и громко топал по полу. Артемид судорожно затрепетал и схватился за ручку двери. Топот приблизился, и вдруг в дверь начали стучать. Она задергалась, затряслась, и Артемид, казалось, еле удерживал ее в закрытом положении.

– Давай водку пить! – раздавалось из-за двери сквозь безудержный смех. – Водки дай! Дай нам водки! – взорвались голоса потоньше.

Артемид увидел рядом с собой груды досок, молоток и гвозди. Без раздумий, он схватился за первую попавшуюся доску и начал прибивать ее поперек двери. Бил наотмашь, попадал по пальцам, но, не замечая ран, продолжал спасительную работу. Голоса нарастали, их будто бы становилось все больше, смех делался невыносимым, а Артемид все бил и бил, как заведенный.

Утром, когда работники Дома Офицеров во главе с разъяренным директором раздобыли запасную пару ключей и все-таки открыли входную дверь, они были крайне удивлены увиденным. Вместо пьяного вдрызг сторожа, они нашли лишь разбитые цветочные горшки и свисающую до пола телефонную трубку. После обыска всего здания, когда все уже находились в крайнем недоумении по поводу пропажи Артемида Валерьяновича, только завхоз Петр Петрович заметил что-то неладное. Найдя в своем пиджаке ключ от комнаты для хранения реквизита, он отправился напрямик туда. Попытавшись и так и сяк отпереть дверь, он не достиг желаемого результата. Взбешенный таким обстоятельством, директор сам предпринял попытку открыть дверь, но и у него ничего не вышло. Долго работники всей гурьбой думали и гадали, что же им делать, и решили, наконец, взломать чертову дверь. Каково же было их удивление, когда дверь даже со сломанным замком не хотела идти на попятную и открываться, а лишь стучалась обо что-то, будто бы об стену. В ход пошли топоры. Через полчаса они таки прорубили себе проход и увидели нелепую, но страшную картину.

Артемид Валерьянович сидел в центре комнаты, поджав по-турецки ноги, и качался из стороны в сторону. Его осоловелые глаза тупо глядели в одну точку, а в руках, крепко прижав к груди, он держал большой бутафорский крест. Вокруг него мелом был начерчен неровный круг, и, если напрячь слух, было слышно, как он осипшим, надорванным голосом без конца повторял одну и ту же фразу: «Господи Иисусе, Спаси и Сохрани!». Самым же ужасным и будоражающим любое воображение фактом было то, что волосы Артемида Валерьяновича, прежде темно-каштановые, лоснящиеся, стали совсем седыми. Оттуда его на машине скорой помощи забрали в отделение психиатрии, а на его место уже через пару дней был назначен другой человек.

Тем же летом, за тем же самым столом, в бывшем дворе Артемида Валерьяновича сидели мужики и играли в домино.

– Вот такое вот дело. Ни дать, ни взять! – залиvisto голосил Митрофан. – Попутал нашего Артемида Валерьяновича бес! Это как пить дать!

– «Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много», – с проникновенным, блаженным видом пролепетал Николай Васильевич, поглядывая на небо.

– Что?! Бес?! Ну, Митрофан, вроде же смысленный мужик, а все мистифицируешь! Белая горячка это тебе не чертики! А ты, пьяница библейская, чего здесь раскудахтался? – запыхал на них обоих крупный, лысоватый мужчина с бычьим взором и красною мордою.

– Я, так сказать, цитирую в Митрофанову поддержку, – робко промямлил сконфуженный интеллигент.¹

¹ Рассказ навеян многочисленными историями, поведенными мне отцом и его полоцкими друзьями, когда я был еще мальчишкой. Вернувшись в Полоцк уже взрослым, я был впечатлен, когда увидел здание Дома Офицеров воочию, что и послужило написанию фантастической зарисовки.

АЛЕКСАНДР ГУГНИН, заведующий кафедрой
мировой литературы и культурологии

ДЕНЬ БРИГАДЫ

1959 (апрель)

Морозное апрельское утро...

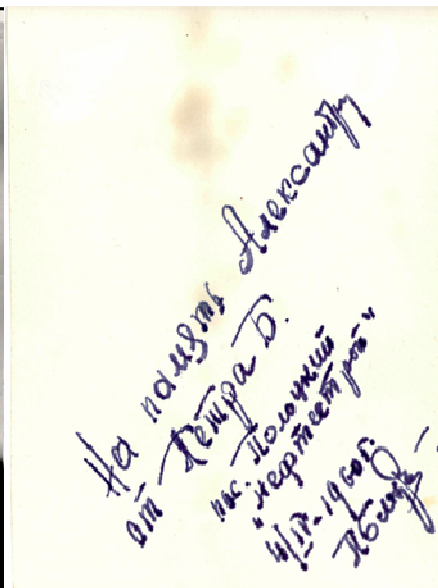
Солнце ещё не показалось из-за леса, и только светлокрасное пятно на востоке становится всё больше и больше. Грязь подсохла за ночь, подмёрзла и почти не проваливается под ногами.

«К обеду снова развезёт», – подумал Петя Блохин и взглянул на часы. – «Без двадцати восемь. Пора!»

Из двери столовой показывается внушительная фигура Гаврилы Вериги или «Гавроша», как все его называют, а за ним выходят и остальные ребята.

– Здорóво, хлопцы! – широко улыбаясь, говорит Петя. В ответ несутся дружные приветствия.

Петя идёт рядом с Гаврошем. Он смотрит на высоко поднявшийся железный каркас бетонного завода, на растущие корпуса цеха отделочных работ и арматурного цеха, на трансформаторную подстанцию вдалеке, на башенные краны, на контуры гаража, и в душе у него появляется радостное чувство гордости. Невольно вспоминается трудовой путь бригады. Ещё в августе прошлого года здесь была глухая деревенька, узкая лесная дорога соединяла её со Слободой. 9 сентября сюда пришли первые бригады: Блохина и Козела. Строительство дороги, временных складов, котельной, закладка фундаментов под арматурный цех и цех крупнопанельных железобетонных перегородок, бетонирование пятитысячного полигона для завода железобетонных конструкций – вот неполный перечень работ, выполненных бригадой. А сколько ещё впереди!

Сейчас бригада работает сразу на нескольких объектах: заканчивает закладку фундамента для цеха крупнопанельных железобетонных перегородок и ведёт бетонирование колонн под склад железа и склад арматуры. Все работают с охотой, с огоньком.

«Если бы не было задержки с бетоном – насколько быстрее пошла бы работа, – мучительно думает Петя. – А котлованы наверно снова обвалились. Эх, бетон, бетон... Да и дороги расползлись. Скоро совсем не подвезёшь...»

Но сейчас его голос как всегда твёрд и спокоен:

– Денисевич, Бутримович и Виктор – на опалубку. Берите инструмент, натягивайте оси и можете работать. Только старайтесь раскреплять как можно лучше.

– Вериго, Рачинский, Паршута и Гребенюк – сколачивать короба и стаканы для колонн.

– 6 человек на подготовку котлованов. Отливайте воду, подчищайте грязь...

– Вальнер, Власевич, Пышко, Марьян, Пряник устанавливайте короба и готовьте бойки для приёма бетона.

Подходит главный инженер Старинский.

– Блохин, нужны срочно люди на растворный узел для просеивания песка. Песок сырой и просеивается очень плохо, и каменщики ждут раствора. Отбери человек 7–8 и пускай они поработают на совесть.

– Хорошо. Ну, хлопцы, кто занят работой – расходитесь по своим местам, а все остальные – просеивать песок.

А сам идёт осматривать котлованы. Так и есть. Много земли сползло вниз, берега в некоторых местах обвалились. Воды за ночь снова натекло изрядно. Надо быстрее приводить всё в порядок – скоро дадут бетон.

– Выливайте воду вёдрами. Пока моторист привезёт мотопомпу и заведёт её, можно 5 котлованов отлить вручную.

Володя Ульский бросает в котлован ящик, прыгивает на него и начинает черпать мутную от глины и грязи воду. Вася Вербицкий с размаху выплёскивает её дальше – в поле.

– Поторапливайтесь, ребята, – бетон везут, – говорит Юра Вальнер, увидев машину. – Давайте быстрее боёк установим.

Самосвал медленно разворачивается и задом подъезжает к бойку. Густой бетон не хочет сползать сам, и его приходится выгребать лопатами.

Володя с Васей заканчивают подчистку котлована и переходят на следующий.

Вальнер и Власевич начинают бросать бетон в котлован. Уложив бетонную подушку двадцатисантиметровой толщины, они покрывают её арматурной сеткой. Теперь ещё двадцать сантиметров бетона – и можно устанавливать короб и стакан.

Рядом Забелин и Фролов подготовили ещё один котлован. К нему подъезжает очередная машина с бетоном. А через полчаса готов к бетонированию и третий котлован. Бетон пока подходит без задержки.

Юра с Антоном натягивают оси и с помощью других ребят спускают короб и стакан. Точно выверяют установку их по осям и отвесу. Теперь можно снова продолжать бетонирование.

Солнце всё выше поднимается над лесом, лучи его становятся всё теплее. Жаворонки не переставая поют свои звонкие песни. Юра, Антон, а за ними и другие ребята снимают с себя фуфайки и бушлаты. Дышится легко, бодро...

Работа опалубщика очень ответственна: она требует большой точности и умения. Но бетонщик 5-го разряда Пётр Денисевич и Виктор успешно справляются с ней. Внимательно учится у них и молодой рабочий Игорь Бутримович. Не всё ещё получается у него быстро и слаженно, но ведь и «Москва не сразу строилась». Главное, чтобы не потерять интереса к делу, любви к нему.

...Спорится работа и у растворного узла. Уже не один прицеп с просеянным песком отвезён трактором в бункера. Дело двигалось бы ещё быстрее, но песок сырой и плохо просеивается. Рядом с ребятами просеивают песок девушки. Саша Позняк стыдит их:

– Неужели вы, девчата, сами не можете справиться. Нам приходится отрываться от своих дел и идти и к вам на помощь.

Чувствуется, что девушек задевают его слова. Это видно хотя бы из того, что кучи просеянного песка у них начинают расти быстрее, и они почти не отстают от ребят.

Время движется к двенадцати. Пора на обед...

После обеда вся бригада собирается за одним из столов, и начинаются оживлённые споры, шутки, рассказы. Уже не в первый раз затевают ребята разговор о вступлении в соревнование за звание бригады коммунистического труда.

– Это большое, почётное звание, – говорит Петя Блохин, – и мы не сможем оправдать его, пока до конца не искореним случаи прогулов и опозданий на работу, хотя и план выполняем на 200 и больше процентов. Я думаю, что нужно ещё повременить немного, пока мы хорошенько узнаем друг друга и срастёмся в сплоченную, по-настоящему дружную семью. А это в наших руках.

Разве успеешь всё переговорить за короткий обеденный перерыв. А хочется рассказать о многом: и о новом кино, и о знакомстве с девушкой, и о книге, взволновавшей до глубины души, о недостатках на производстве, которые так мешают слаженной работе.

... Бетон перестали подавать, когда ребята уже заканчивали бетонирование четвёртой колонны.

– Бетон срочно нужен на другой объект, – объяснил прораб.

– Ну что ж, нам к этому не привыкать, – ответил Петя. – На какую работу можно перевести освободившуюся часть бригады?

– Нужно прорыть канаву для спуска воды у арматурного цеха и сделать подсыпку фундамента.

Часть ребят остаётся плотничать и ставить опалубку, 7 человек продолжают работать на растворном узле, а остальные берут ломы и лопаты и идут к арматурному цеху. Уже метров на шесть поднялись стены его, а ведь недавно здесь было ещё голое поле. Может ли кто-нибудь, кроме самого строителя, испытывать такую огромную гордость и радость, когда из земли на глазах вырастает детище его! И, кажется, что нет на свете ничего интереснее, чем строить новые дома, города, заводы.

Иногда разговаривают ребята о грязи на стройке, о задержке с материалами и с бетоном, о нехватке спецодежды и несвоевременной выдаче зарплаты. Говорят горячо, дельно. Но ведь горячо говорить может только тот, кто любит своё дело, кто болеет за него, кому каждый недостаток в работе, как нож в сердце.

Стройка может быть ещё больше, чем какое-нибудь другое дело, не терпит равнодушия. Настоящий строитель – это настоящий борец за мир, за счастье людей, за коммунизм.

Трудовой день подходит к концу. Прорыта канава для спуска воды, сделана подсыпка фундамента. В шестом часу вся бригада собирается у ящика с инструментами, укладывает их, а потом, оживлённо разговаривая, идёт домой – к себе, в Новополоцк. Тут же, на ходу, составляется волейбольная команда. Футболисты тоже что-то оживлённо обсуждают. А рабкоры Александр Позняк и Николай Пышко говорят о чём-то своём, глубоко заветном. Может быть, Николай читает другу новое стихотворение, а может быть, Саша делится с Николаем сюжетом своего нового рассказа.

Приезжайте тёплым вечером к нам, в Новополоцк, когда закончится строительство спортивного городка, танцевальной площадки на 800 человек, кинотеатра. А разве не интересно будет зайти в новую библиотеку, которая вскоре у нас откроется, посидеть в читальном зале.

Мы будем только рады гостям¹.

¹ Рукопись очерка, написанного и опубликованного в 1959 г. автор передал в Музей истории и культуры г. Новополоцка.

ДРАМАТУРГИЯ

ДМИТРИЙ ЛАБОВКИН, магистрант

ЛИШНИЙ

Действующие лица

М у ж ч и н а.

В и к т о р, друг Мужчины.

М а р и я, гражданская жена Мужчины.

В л а д и с л а в А л е к с а н д р о в и ч, начальник Мужчины.

Сцена первая

По улице идёт Мужчина лет двадцати пяти. Он немного сутул, голова слегка втянута в плечи, взгляд направлен вниз. Он достаёт сигарету и закуривает. Через несколько секунд мимо проезжает машина и обдаёт его грязью. Мужчина молча отряхивается и идёт дальше. Навстречу ему идёт Виктор. Облитый грязью Мужчина узнаёт его и, когда Виктор проходит мимо, Мужчина оборачивается и хватает его за руку.

М у ж ч и н а. Виктор? Здравствуй...

Лицо Виктора расплывается в улыбке.

В и к т о р. О! Здорово, братан! Сколько лет, сколько зим! Ну рассказывай, где ты да как ты?

М у ж ч и н а. Да вот... Работаю потихоньку... Как раз домой иду со смены...

В и к т о р. А работаешь-то где? Мы с тобой уже три года не виделись! Мне ж тогда уехать надо было – ну ты помнишь, наверно. А потом – всё. От тебя ни слуху ни духу. Ты куда подевался-то?

М у ж ч и н а. Да, я помню, ты уезжал... Но я ведь даже не знаю, куда... Ты же так и не сказал... Честно говоря, я даже не знал, что ты уехал. Это мне потом Саня сказал. И давно ты приехал?

В и к т о р. Да вот уже два года как! Ё-моё! Ну ты даёшь! Мог бы позвонить хотя бы что ли!

М у ж ч и н а. Вить, ну я ж не знал...

В и к т о р. Да ладно тебе, забей! Ты рассказывай лучше давай. Как жизнь? Небось, уже семьёй обзавёлся? Зарабатываешь нормально-то? Ты ж, вроде бы, на инженера учился?

М у ж ч и н а. Да как тебе сказать... Я ж твоим поручителем был... А ты уехал, никто тебя найти не мог... Пришлось из универа уйти, вторую работу искать, чтоб кредит погасить... Сейчас вот сторожем на складе работаю...

В и к т о р. Да ты не переживай, братан! Я ж тебе всё отдам! По-любому! Ты ж мой друган самый лучший! Я ж тебе не скотина какая-то! Ты вспомни лучше наши с тобой времена! Так круто было! Помнишь, мы с тобой всё ночь могли пить, и всё говорили да говорили о чём-то... Слушай! Я так рад тебя видеть!

М у ж ч и н а. И я рад тебя видеть, Вить...

Мужчины крепко обнимаются.

В и к т о р. А давай мы с тобой сходим, посидим где-нибудь? Выпьем, поговорим, как раньше. Ну что скажешь?

М у ж ч и н а. В принципе-то можно...

В и к т о р. Вот и здорово! Только это... У меня денег нет совсем, а до зарплаты далеко ещё...

М у ж ч и н а. Да ладно, я угощаю, у меня сегодня была...

В и к т о р. Спасибо, дружище! Вот люблю я тебя, не могу просто! Ты всегда таким славным парнем был!

Мужчины уходят. За сценой слышны их удаляющиеся голоса.

В и к т о р. А я помню, ты тогда ещё с Машкой встречался. Как там у вас? Не разошлись ещё?
М у ж ч и н а. Да нет... До сих пор вместе...
В и к т о р. Любишь её?
М у ж ч и н а. Не то слово. Жить без неё не могу...

Сцена вторая

Полная темнота. Зрители видят только число «1», которое отображается на дисплее, установленном над дверями лифта. Число на дисплее возрастает («1, 2, 3, 4...») до тех пор, пока не загорается семёрка. Двери лифта открываются, и свет из кабины заливают лестничную площадку. Из лифта выходит мужчина и звонит в одну из квартир. Мужчина крепко пьян. Двери лифта закрываются, и вновь наступает полная темнота. Дверной звонок раздаётся снова и снова. Мария открывает дверь, и свет опять заливают лестничную площадку. Женщина презрительно смотрит на своего гражданского мужа. Мария несимпатичная, полная, молодая женщина.

М у ж ч и н а. Привет, моя родная...

Мария выпускает мужчину домой.

М у ж ч и н а. Любимая, прости меня, пожалуйста...

Мужчина пытается обнять Марию, но та отталкивает его и захлопывает дверь квартиры.
Наступает полная темнота.

Сцена третья

Утро. Мужчина сидит за столом на кухне, пьёт чай и курит сигарету. У Мужчины похмельный вид. Через несколько секунд на кухню заходит Мария и, не взглянув на Мужчину, начинает заниматься готовкой. Около минуты Мужчина виновато и преданно посматривает на свою гражданскую жену.

М у ж ч и н а. Дорогая, понимаешь, я вчера встретил одного давнего друга...

Мария равнодушно молчит.

М у ж ч и н а. Прости меня, пожалуйста... Мы немного посидели с Виктором... Три года с ним не виделись... А он, представляешь, каким был, таким и остался. Всё такой же весёлый, приветливый... Хороший человек. Помню, мы с ним очень дружили раньше...

М а р и я (*презрительно*). Это тот, который на тебя кредит повесил?

М у ж ч и н а. Да...

М а р и я. Правильно, он тебя обманул, а ты с ним водку пьёшь!

М у ж ч и н а. Да, он тогда некрасиво поступил, конечно... Но ведь мы все совершаем ошибки. К тому же я так и не узнал, почему он уехал... Он что-то невнятное мне рассказал... Я так и не понял...

М а р и я (*гневно*). Да он просто настолько тупой, что даже такого идиота, как ты, обмануть толком не может!

М у ж ч и н а. Маш, ну зачем ты так? Ты же совсем не знаешь Виктора... Он хороший, очень хороший...

М а р и я. Хороший?! И что же он тебе такого хорошего сделал?!

М у ж ч и н а. А разве обязательно делать кому-то что-то хорошее, чтобы быть хорошим? Виктор очень добрый, искренний, приятный в общении человек... Разве этого не достаточно?

М а р и я. Совсем уже спятил! Ладно... Ты зарплату получил вчера? Надо за квартиру платить.

М у ж ч и н а. Конечно, любимая, сейчас принесу.

Мужчина ненадолго уходит, возвращается на кухню и отдаёт деньги жене.

М а р и я. И это всё?! А остальные где?!

М у ж ч и н а. Понимаешь дорогая... Вчера у Виктора денег не было... Ну, я его угостил... Что тут такого... Мы же столько лет не виделись...

М а р и я (*кричит*). Да ты скотина! И как мы теперь жить на эти слёзы будем?! Сколько можно быть таким сморчком?! Об тебя же все кругом ноги вытирают!

М у ж ч и н а. Любимая, не злись пожалуйста...

Мужчина быстро поднимается из-за стола и протягивает руки в сторону Марии в попытке обнять её.
Выходя из-за стола, он в спешке цепляет его и оборачивает чайник с заваркой.

М а р и я. Иди к чёртовой матери!

М у ж ч и н а. Но любимая...

М а р и я. Я сказала, пошёл отсюда!!!

Мужчина выходит из кухни. Мария продолжает готовить.

Сцена четвёртая

Вечер. На кухне горит свет, за окном темно. Мужчина сидит за столом, пьёт чай и курит сигарету. Раздаётся звонок мобильного телефона. Мужчина достаёт мобильник из нагрудного кармана рубахи и отвечает на звонок.

М у ж ч и н а. Алло.

В л а д и с л а в А л е к с а н д р о в и ч (*голос в трубке*). Здравствуйте.

М у ж ч и н а. Здравствуйте, Владислав Александрович.

В л а д и с л а в А л е к с а н д р о в и ч. Сегодня ночью Вы должны выйти на работу.

М у ж ч и н а. Но я же сегодня выходной...

В л а д и с л а в А л е к с а н д р о в и ч (*строго*). Был выходной, а стал рабочий. К одиннадцати чтоб был на работе! И без опозданий!

Владислав Александрович кладёт трубку. Раздаются гудки.
Мужчина тушит сигарету и быстро уходит.

Сцена пятая

Мужчина сидит за столом в сторожке, пьёт чай и курит. Через минуту он тушит сигарету и задумчиво смотрит в окно, за которым простирается темнота. Ещё через полминуты в сторожку заходит Владислав Александрович. Мужчина вскакивает из-за стола и быстро подходит к начальнику.

М у ж ч и н а. Владислав Александрович... Здравствуйте... Что, домой наконец собрались?

В л а д и с л а в А л е к с а н д р о в и ч (*строго*). Я зашёл сказать, что это ваша последняя смена.

М у ж ч и н а (*испуганно*). Да как же так, Владислав Алек...?

В л а д и с л а в А л е к с а н д р о в и ч. Последнее время у вас неважно с дисциплиной было, а сегодня вы ещё и опоздали. На целых пять минут! В нашей фирме работают только те люди, которые могут справиться с возложенной на них ответственностью! Вы же моих надежд не оправдали. До свидания.

Владислав Александрович уходит. Мужчина спокойно берёт со стола гранёный стакан, кладёт в него кипятильник и наливает туда воды из чайника, после чего закуривает очередную сигарету и снова задумчиво смотрит в окно.

Сцена шестая

Полная темнота. Зрители видят только число «1», которое отображается на дисплее, установленном над дверями лифта. Число на дисплее возрастает («1, 2, 3, 4...») до тех пор, пока не загорается семёрка. Двери лифта открываются, и свет из кабины заливают лестничную площадку. Из лифта выходит мужчина и звонит в одну из квартир. Мужчина немного пьян. Двери лифта закрываются, и вновь наступает полная темнота. Дверной звонок

раздаётся снова и снова. Мария открывает дверь, и свет опять заливают лестничную площадку. Женщина презрительно смотрит на своего гражданского мужа..

М а р и я. Не ну ты подумай какой идиот! Мало того, что разбудил меня с утра пораньше, так ещё и пьяный вдрызг припёрся! Заходи давай!

Мария впускает мужчину домой и закрывает за ним дверь. Снова наступает полная темнота.
Раздаются чуть приглушённые голоса Мужчины и Марии.

М у ж ч и н а. Дорогая, ты будешь злиться на меня...

М а р и я. Я и так злая дальше некуда!

М у ж ч и н а (*едва сдерживая слёзы*). Дорогая, прости меня, прости, пожалуйста...

М а р и я. Да соберись ты, тряпка! Что случилось-то?

М у ж ч и н а. Меня уволили...

М а р и я. Что?!

Мужчина плачет.

М а р и я. Что ты сказал, бестолочь?! Нет, ну это ж надо быть таким раздолбаем! Всё! Моё терпение лопнуло! Я уйду!

М у ж ч и н а. Да как же так, Маш? Я ведь люблю тебя! Я жить без тебя не смогу!

М а р и я. Зато я смогу! Прекрасно смогу!

М у ж ч и н а. Не уходи, только не уходи, пожалуйста!

М а р и я. Иди к чёрту!

В течение минуты из темноты доносятся неразборчивые, приглушённые крики и ругань. Потом наступает тишина.

Ещё через несколько секунд из квартиры с чемоданом выбегает Мария и хлопает дверью.

В темноте раздаются удаляющиеся шаги сбегающей по ступеням Марии.

Сцена седьмая

Ночь. На кухне горит свет, за окном темно. Мужчина сидит за столом, пьёт чай и курит сигарету. Через полминуты он докуривает, достаёт из нагрудного кармана рубахи мобильный телефон и набирает номер.

В и к т о р (*сонный голос в трубке*). Алё...

М у ж ч и н а. Алло, Виктор? Привет...

В и к т о р. Здравова...

М у ж ч и н а. Вить, я разбудил тебя, наверное... Извини, пожалуйста...

В и к т о р. Да ладно... Чё случилось-то...

М у ж ч и н а. Понимаешь... От меня Маша ушла... И я подумал, раз уж ты мой лучший друг, то... В общем, я подумал, что могу тебе позвонить и поговорить немного...

В и к т о р. Конечно же, можешь звонить в любое время, дружище! Что произошло-то у вас?

М у ж ч и н а. Да меня с работы уволили... Она психанула и ушла... Но у нас и так в последнее время не ладилось... Это всё из-за меня, я понимаю... Маша сказала, что я тряпка... И она права... Последнее время у меня всё из рук валится... Не понимаю, что со мной происходит.

В и к т о р. Да успокойся, ты! Не тряпка ты никакая! Ты отличный парень! Просто найди себе нормальную бабу, и всё! А лучше возьми да переспи с какой-нибудь! Вот увидишь, легче станет!

М у ж ч и н а. Да не, я так не могу... Ты что? Я же Машку люблю... Не представляю, что со мной будет теперь...

В и к т о р. Да не парься ты! Я тебе говорю! Посмотри, сколько баб нормальных ходит! Всё у тебя будет отлично!

М у ж ч и н а. Спасибо тебе за поддержку, Виктор... Спасибо большое... Мне очень нужно было с кем-то поговорить... Понимаешь, Машка моим единственным спасением была, а я умудрился и её потерять... У меня такое ощущение, будто я везде чужой, куда бы ни шёл... Всюду сталкиваюсь с неприязнью,

отторжением... На ум невольно приходят мысли, что со мной что-то не так... Может, я проклят... Или что-то в этом роде...

В и к т о р. Да выкинь ты это из головы...

М а р и я (*приглушённый голос в трубке*). Милый, ты куда ушёл от меня? Иди ко мне... С кем ты там говоришь так долго?

Мужчина вешает трубку и около полуминуты сидит в тишине с закрытыми глазами.

М у ж ч и н а (*сам себе*). Так... Ладно... Ничего страшного.... Всё нормально... Главное спокойствие... Чай! Надо заварить чай!

Мужчина наливает в чайник воды, ставит его на газовую плиту, зажигает конфорку и закуривает сигарету.
Настенные часы показывают полпятого утра.

Сцена восьмая

Мужчина стоит и курит возле газовой плиты, ожидая пока закипит чайник. На столе стоит пепельница полная окурков.

М у ж ч и н а (*сам себе*). Не пойму, что такое... Почему не закипает чайник?! Уже минут двадцать прошло...

Мужчина снимает крышку чайника и опускает руку в воду.

М у ж ч и н а. Что за бред?! Не пойму, что происходит... Уже и чаю дома не попить?!

Мужчина бросает взгляд на часы, висящие на стене. Они всё так же показывают половину пятого.

М у ж ч и н а. Половина пятого?! Да быть не может! Полпятого же час назад было... Часы что ли встали? Почему вода не кипит?! Не понимаю... Ничего не понимаю... Надо закурить.

Мужчина носится по кухне, явно что-то ищет.

М у ж ч и н а. Да куда ж я сигареты подевал?! Только что ведь на столе лежали... Может, в комнате оставил... Пойду посмотрю.

Мужчина уходит и через несколько секунд возвращается.

М у ж ч и н а. Странно... Там тоже нет... В ночник теперь идти что ли? Без сигарет-то я никак не протяну...

Сцена девятая

Полная темнота. Слышно, как открывается дверь квартиры, кто-то выходит на лестничную площадку и хлопывает за собой дверь. Этот человек делает несколько шагов, останавливается и раз за разом нажимает на кнопку вызова. Через несколько секунд двери лифта открываются, и свет из кабины заливают лестничную площадку. Мужчина заходит в лифт, двери закрываются, и снова наступает полная темнота. Зрители видят только число «7», которое отображается на дисплее, установленном над дверями лифа. Это число постепенно возрастает: сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее («7, 8, 9, 10...»). В конце концов, число становится многозначным, не помещается на дисплее, но при этом продолжает быстро расти.

Сцена десятая

Кабина лифта. Мужчина неуклюже танцует под зажигательную клубную музыку.
Свет медленно гаснет, музыка стихает.

Занавес.

ЛЮБОВЬ

Действующие лица

И н н а.

А р т ё м.

Сцена первая

Зима. Поздняя ночь. Остановка. На фонарном столбе висят часы. Они показывают без десяти полночь. Инна – очень красивая, элегантно одетая девушка – мёрзнет, постоянно выходит на дорогу и смотрит вдаль, ожидая автобуса. Через минуту вдалеке слышен звук приближающегося автомобиля. Девушка снова выбегает на проезжую часть и вытягивает руку в сторону в надежде, что водитель остановится. Свет начинает медленно гаснуть, а шум от автомобиля становится всё громче. В конце концов, на сцене становится совершенно темно. Слышен короткий визг тормозов, а затем приятное урчанье мощного двигателя, работающего на холостых оборотах, под аккомпанемент которого раздаётся цокот каблучков и клацанье замка открывающейся двери автомобиля.

А р т ё м. Здравствуйте, а вам куда?

И н н а. На «Заводскую»...

А р т ё м. Давайте подброшу. А то вы вон замёрзли совсем. Да и поздно уже...

И н н а. Спасибо большое.

В темноте слышен стук двери и звук трогаящегося автомобиля.

Сцена вторая

Инна и Артём в салоне автомобиля. За рулём Артём – мужчина среднестатистической внешности, заметно старше Инны. Между мужчиной и девушкой чувствуется напряжение. Неловкое молчание длится около полуминуты.

А р т ё м. Откуда ж вы так поздно-то?

И н н а (с небольшим высокомерием). Да у подруги засиделась...

А р т ё м. Понятно... А я просто люблю кататься в такое время. Хорошо ведь, машин нет, можно, так сказать, насладиться поездкой на своём любимом автомобиле...

И н н а. Да... Машина у вас хорошая...

А р т ё м (немного с удивлением). Спасибо...

И н н а. Это «БМВ», да?

А р т ё м. Да, «икс пятый», вэ восемь, четыре и шесть литра, триста сорок семь лошадок. А вы что, машинами интересуетесь?

И н н а. Ну, как вам сказать... Да, немного...

А р т ё м. И какие машины вам нравятся?

И н н а. (после короткой паузы, с небольшой растерянностью) Ну, джипы в основном... Хотя спортивные мне тоже нравятся... Ну и «мерседесы» там всякие... А ещё люблю, чтоб салон был красивый, кожаный...

А р т ё м. А я так «бэхи» люблю. Вот это да! У меня первой машиной «жигули» была, но я всегда себе «БМВ» хотел. Помню, когда ещё малой был, спал и видел, как я на такой тачке рассекаю. Потом даже в автосервис устроился, чтоб, если вдруг на «БМВ» кто приедет, хоть потрогать её можно было. Отработал полгода, и наконец-то мужик один приехал. Как сейчас помню: пятьсот двадцать пятая, серебристого цвета. Я когда сел в неё, просто обалдел! Даже передать не могу! Тогда и решил: когда-нибудь у меня тоже будет «бэха»...

И н н а (перебивая). Да это просто поразительно!

А р т ё м. Что поразительно?

И н н а. Ваша история! *(немного заигрывая)* Вы, видимо, очень целеустремлённый человек...
Поставили себе цель и добились её! Если честно, я восхищаюсь такими, как вы!

А р т ё м *(в недоумении)*. Что, правда?

И н н а. Ну конечно же!

А р т ё м. Да я не думаю, что...

И н н а. Да не скромничайте вы! Вам не идёт!

Небольшая пауза. Инна постоянно поглядывает на Артёма, который отрешённо смотрит на дорогу.

А р т ё м. Вот мы и приехали...

И н н а *(немного с сожалением)*. Ну что ж... Будем прощаться...

А р т ё м. Да, всего хорошего! Приятно было...

Неожиданно Инна страстно целует Артёма. Мужчина пробует сопротивляться, но затем принимает поцелуй.
Через несколько секунд герои отрываются друг от друга. Артём в полном недоумении. Он откидывается на спинку сиденья и подозрительно поглядывает на Инну, которая смотрит на него пристально и с явным вожделением.
Девушка снова целует мужчину.

И н н а *(шёпотом, страстно)*. Отвезите меня к себе!

А р т ё м *(растерянно)*. Зачем? Я ж вас подвёз...

И н н а. Я хочу провести эту ночь с вами! Прошу, поедem!

Инна снова целует Артёма.

Сцена третья

Комната Артёма в коммунальной квартире. Помещение обставлено скудно: старый диван, двухстворчатый шкаф, стол и табуретка. В комнате беспорядок, повсюду разбросана одежда, рядом с диваном стоит несколько пустых пивных бутылок, постель не убрана. По стенам расклеено множество плакатов с изображением автомобилей «BMW». Входят Инна и Артём.

А р т ё м *(немного смущённо)*. Проходите, пожалуйста... Чувствуйте себя как дома... Правда, у меня тут небольшой беспорядок...

Инна стоит посреди комнаты. Она осторожно осматривается, пребывая в недоумении. Затем девушка медленно подходит к окну, двумя пальцами приподнимает грязную, прохудившуюся занавеску и несколько секунд держит её на вытянутой руке, явно испытывая отвращение. В это время Артём судорожно собирает разбросанные повсюду вещи и швыряет их в шкаф.

Немая сцена продолжается около полуминуты.

И н н а. И вы здесь живёте?

А р т ё м. Ну да. А что?

И н н а. Да нет, ничего...

А р т ё м. Ну, знаете, вы сами просили отвезти вас ко мне!

Артём бросает последний носок в шкаф, подходит к Инне и обнимает её сзади за талию.
Девушка не принимает его объятий и старается отстраниться от него.

А р т ё м. Что-то не так?

Инна вырывается из объятий Артёма.

И н н а. Я не знаю...

А р т ё м. Да ладно вам! В машине-то вы...

И н н а. В том-то и дело...

Артём бросается к девушке и страстно целует её.
Инна сопротивляется и, в конце концов, отталкивает мужчину.

И н н а. Подождите! Я не могу так ...

А р т ё м (*раздражённо*). Да что с вами такое?!

И н н а. Отвезите меня домой!

А р т ё м. Что?!

И н н а. Прошу вас, отвезите меня домой!

Инна выбегает из комнаты. Артём выходит следом за ней.

Сцена четвёртая

Инна и Артём в салоне автомобиля. Артём за рулём. Между мужчиной и девушкой чувствуется напряжение. Неловкое молчание длится около полуминуты.

А р т ё м (*в недоумении, с раздражением*). Я всё-таки не понимаю вас... Сначала мне на шею вешаетесь, а потом нос от меня ворочаете! Да как так-то?! И довелось же встретить вас! Знал бы, что вы такая психованная, поехал бы себе в гараж, подвеску бы глянул, а то стучит там что-то... О, слышите? Потом бы в салоне прибрался да спать к утру пошёл. Так нет же! Надо было остановиться, вас подобрать...

И н н а (*перебивая*). Как вас зовут?

А р т ё м (*после небольшой паузы, озадаченно*). Э-э... Артём.

И н н а. Приятно познакомиться. Я Инна.

А р т ё м. А-а... Угу.

И н н а. Артём, расскажите мне о своей машине.

А р т ё м. О, ну это с удовольствием! Вы вот говорили, вам нравится, когда салон красивый. Так тут у меня и кожаная отделка, и панели деревянные... А ещё кондиционер, подогрев сидений, в общем, всё на высшем уровне! Коробка здесь автоматическая, максимальная скорость – двести сорок километров, разгон до сотни – семь секунд....

И н н а (*перебивая*). А сколько она стоит, если не секрет?

А р т ё м. Ну я за сто двадцать тысяч её взял, новую...

Инна набрасывается на Артёма и начинает страстно его целовать, заслоня собой лобовое стекло.

Артём резко тормозит, раздаётся характерный визг. Мужчина пытается сопротивляться поцелуям, но девушка взбирается к нему на колени и начинает расстёгивать его рубашку...

Сцена пятая

Инна и Артём лежат на разложенных сидениях и курят. Между ними чувствуется напряжение. Неловкое молчание длится около полуминуты.

И н н а. Артём, можно вас кое о чём попросить?

А р т ё м (*будто делая одолжение*). Ну попробуйте...

И н н а. Вы не могли бы поговорить со мной?

А р т ё м. Что?

И н н а. Ну просто поговорить... Дело в том, что ни один мужчина не разговаривал со мной после секса... Все отворачивались и тут же засыпали... Или уходили куда-то... А мне иногда так хочется, чтобы со мной просто поговорили...

А р т ё м. Я даже не знаю... А о чём говорить-то...

И н н а. Да о чём угодно... Расскажите мне что-нибудь интересное.

А р т ё м. Вот помню, нужно было мне свечи поменять... Приезжаю я в сервис...

И н н а (*осторожно перебивая*). Нет-нет, пожалуйста, не говорите больше о машине, ладно? О чём угодно, только не об этом, прошу вас.

А р т ё м. Хм... Я думал, вам нравится говорить про машины...

И н н а. *(смуценно)*. Если честно, не совсем... Понимаете, сами машины меня нисколько не интересуют...

А р т ё м. Ну... Даже не знаю, что вам ещё рассказать...

И н н а. Тогда можно я вам кое-что расскажу? А вы просто послушаете...

А р т ё м. Ну ладно, давайте...

И н н а. Понимаете, Артём... У меня есть одна проблема... Всё началось ещё в школе. Я была самой красивой девочкой в классе, у меня была куча поклонников, но ровесники, понятное дело, меня не интересовали. Я думала, мне нужен взрослый, состоявшийся мужчина. *(с иронией)* Конечно, ведь такая красавица достойна только лучшего! С пятнадцати лет я начала ходить по клубам. Выглядела я намного старше своих лет, и новые знакомства не заставили себя долго ждать. Но мне казалось, что всё это не то... Одни были богатыньками папиными сынками, на пару лет старше меня, другие – старыми извращенцами... Но однажды, когда мне было семнадцать лет, со мной познакомился один молодой человек. Ему было тридцать. Он не говорил мне, чем занимается, но постоянно водил меня в самые дорогие рестораны, покупал мне вещи в самых модных бутиках и, конечно, возил на своём шикарном «мерседесе». Это было как в сказке! Я не понимала, почему, но... я испытывала к нему сильнейшее сексуальное влечение. С виду обычный мужчина, вроде бы ничего особенного... Но стоило увидеть его – я тут же намокала. Ну вы понимаете? Однажды мы приехали к нему на дачу, и... Я была просто поражена! Вы себе не представляете! Это настоящий дворец! Четыре этажа, бассейн, бильярдная, кинозал... Всё, что твоей душе угодно! Я смотрела на всё это как зачарованная! И чем больше я восторгалась этим богатством, тем сильнее хотела человека, который всем этим обладает! Он водил меня по дому, а я всё время повторяла: «Господи! Сколько всё это стоит? Сколько всё это стоит?» И в конце концов он спросил меня: «Неужели богатство настолько тебя поражает?» Я ответила: «Да, безумно!» Он отвёл меня в одну из спален, и мы начали безумно целоваться. Когда он стал меня раздевать, я немного испугалась – при всём моём желании отдаться этому человеку я всё ещё оставалась девственницей. Я лежала на кровати уже совсем без одежды, как вдруг он достал из тумбочки пачку стодолларовых купюр и разбросал их по постели. Тут я потеряла голову. Я была настолько возбуждена, что даже не почувствовала боли, когда он вошёл в меня. Тогда я и поняла, что деньги заводят меня... А теперь я просто не могу заниматься сексом, если рядом нет никаких признаков роскошной жизни...

На несколько секунд в машине воцаряется молчание.

И н н а. Вы меня извините... Просто вы так искренне говорили о своей мечте, вашей машине, что я подумала, может, вы не такой, как все мои бывшие, которых только и волнует, что их работа... И мне захотелось рассказать вам о том, о чём я никогда и никому не рассказывала...

А р т ё м *(с досадой)*. Так это получается, вы только из-за машины со мной...

И н н а *(плачет)*. Простите меня, ради Бога! Простите, пожалуйста...

А р т ё м. А ну-ка убирайтесь отсюда! Давайте-давайте, выметайтесь из моей машины!

И н н а. Но...

А р т ё м. Вон отсюда!

Свет начинает медленно гаснуть. Артём заводит двигатель. Инна в слезах выходит из машины.

Свет гаснет, слышен цокот каблучков, стук двери и звук трогającegoся автомобиля.

Сцена шестая

Зима. Поздняя ночь. Остановка. На фонарном столбе висят часы. Они показывают без десяти полночь. Инна – очень красивая, элегантно одетая девушка – мёрзнет, постоянно выходит на дорогу и смотрит вдаль.

Занавес.

ПЕРЕВОДЫ

КСЕНИЯ ЗАБОЛОТНЕВА, студентка гр. 10-РГФ-1

FINAL BREAK

They had been walking along Oxford Street. Now they stopped, Greg's hand on her arm.

"This is the place," he said. "I thought you might get the sort of thing you liked here".

Helen nodded, but there were tears in her eyes as she looked through the shop-window. The new hat had been his idea, not hers.

"What about the black one?" He pointed. "It would go with your suit!"

Her lips trembled. One of the little things she loved so much about him was the really genuine interest he had always taken in what she wore. It had made you feel young, somehow, loved, though in your heart you knew you were young no longer.

"Yes. Yes, it would, wouldn't it?" She carefully avoided meeting his eyes, because there was so much in her own eyes that he must never see.

They went into the shop. A clerk appeared to wait on them.

Helen described the hat. It was in the window.

She was wishing now that they had never come into the shop. But Greg had been insistent. He wanted to give her something. A parting gift, he had called it.

He was smiling now out of blue, untroubled eyes. Which surprised her. And yet why should it, she asked herself, as she took the hat from the clerk and placed it on her blue-gray hair? She had always tried to be modern, and part of modernity was to see these things through bravely, when and if they came.

Her mind turned back. And she saw herself in the hat shop mirror, not as someone in a black tailored suit, but as a bride. Smiling, radiant, on Greg's arm. At least they had said she had looked like that. She had never thought of it, never cared. She had been so completely, so blindly happy.

Five minutes later they were out again in the sunshine of the street and Greg, after looking at his watch, suggested tea.

"I know a place –" There was an expression of excitement in his eyes which she could not understand. "You'll like it there".

It was a small, very ordinary café in one of the side streets off Oxford Street. He ordered for them both, and then leaned back.

He didn't speak, but his hand came out across the table and took hers.

"Please, God, don't let me cry," she prayed. "Not now. Not so long as he's with me".

The tea arrived. He drank one cup quickly, lit himself a cigarette, and then said: "You're quite certain that you want to stay on in that house alone? I mean – well, I feel rather badly about the whole thing, and if there's anything I could do –"

There was one thing, but it would have been hysterical weakness to have suggested it. She shook her head. She didn't want him to have any feelings of regret, any pains of conscience. It had been wonderful having him for all those years.

"No, really," she said. "It'll be all right".

But he still didn't seem satisfied.

"There's another thing I'd like to mention," he said. "I didn't say anything about it before because I know – well, I know how sensitive you are about that sort of thing –" He broke off and then went hurriedly on, his eyes avoiding hers. "It's money. I've arranged with the bank..."

The color came at once to her cheeks. Not because of any false pride. That was a luxury you couldn't afford if you had no one to support you. But –

"Oh, Greg, you shouldn't," she said with embarrassment.

He brushed that aside. Angrily almost.

"Why not? It's something I want to do. And Sandra – "He mentioned the girl's name- "She agrees. We were talking about it last night".

Sandra... We... How easily, familiarly, he spoke of her. Helen thought with an ache. And yet two months ago they hadn't even met. Two months.... Was it really only that time since he'd gone up to London on that business trip?

She had realized, of course, after he came back, that there was something, although he hadn't actually said a word then. Some deep-rooted woman's instinct had warned her that he wasn't all hers any longer, that she was sharing him with someone else.

A girl. Young, fresh, and lovely. The imagined picture had filled her with a sense of panic. He had changed his job for a better one and gone up to live in London. For a month she hadn't seen him. And she had never met the girl.

Sandra... She worked in the advertising business, he had told her. And very clever. But that didn't matter to Helen. When you have loved somebody with every part of you, you did not think of cleverness in considering that younger person to whom you were losing him.

Was she really nice? Would she work to keep him happy as you had tried to do?

But Sandra... The name had a sharp quality. You couldn't imagine a girl with a name like that being – Helen's eyes were drawn to a girl who had just walked into the café, who was looking around hesitantly – well like that, for instance.

Then the girl turned. She was beautiful, with a shy, sweet loveliness that caught at your heart. Helen stayed, quite unconscious that she was staring. And then her eyes widened in surprise as she saw Greg rise to his feet. The girl was hurrying towards their table.

"So you were able to get here, darling!" She heard Greg's voice and then he had turned, was smiling down at her. "A little surprise," he said. "This is Sandra, Mother. Tomorrow's happy bride!"

by Ian S. Thompson

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАЙ

Они гуляли вдоль Оксфорд-стрит. Вдруг остановились. Грэг взял её за руку.

«Вот, то самое место, – сказал он. – Я подумал, что ты могла бы найти здесь что-нибудь для себя».

Хелен кивнула, но когда она смотрела на витрину магазина, глаза её были полны слёз. Купить новую шляпу было его идеей.

«Как насчёт чёрной? – он указал на одну из шляп. – Она отлично подойдёт к твоему костюму!»

Её губы дрожали. Была одна вещь, которую она очень любила в нём, – это подлинный интерес к тому, во что она одета. Именно это заставляло её чувствовать себя молодой, так или иначе, любимой, хотя глубоко в сердце она понимала, что эта молодость не вечна.

«Да. Да. Эта точно подойдёт, как думаешь?» Она осторожно избегала его взгляда, потому что в её собственных глазах было так много того, чего он никогда не должен был увидеть.

Они вошли в магазин. Продавец поспешил помочь.

Хелен описала шляпу, которая была на витрине.

Сейчас она мечтала лишь о том, чтобы они никогда не заходили в этот магазин. Но Грэг был настойчив. Он хотел подарить ей что-нибудь. Прощальный подарок – так он это назвал.

Он неожиданно заулыбался. Его безмятежный взгляд... Это удивило её. «И с чего бы это?» – спросила она себя, взяла шляпу у продавца и надела её на голову, прикрыв свои голубовато-седые волосы. Она всегда старалась быть современной, и частью этого было стремление смело предвосхищать всё то, что должно было случиться.

Она мысленно отстранилась. И увидела себя в примерочном зеркале: не просто женщину в чёрном, сшитом на заказ, костюме, а настоящую невесту. Улыбающуюся, излучающую свет, под руку с Грэгом. Ну, по крайней мере, ей так сказали. Она никогда об этом не думала, её это не заботило. Она была абсолютно и так слепо счастлива.

Через пять минут они снова шли по улице, озаряемой лучами солнца. Грэг посмотрел на часы и предложил выпить чаю.

«Я знаю одно местечко... – В его глазах было выражение восторженности, которое она никак не могла понять. – Тебе там понравится».

Это было маленькое, вполне обычное кафе, расположенное на одной из боковых улиц Оксфорд-стрит. Он сделал заказ и откинулся на стуле.

Грэг сидел молча, он потянулся через стол, чтобы взять её за руку.

«О, Господи, не дай мне расплакаться, – взмолилась она. – Не сейчас. Только не когда он рядом».

Принесли чай. Он быстро опустошил кружку, закурил и продолжил: «Ты точно решила, что хочешь жить одна в том доме? Ну, в смысле, я очень неловко себя чувствую, и если я чем-то могу тебе помочь...»

Было лишь только одно, что он мог сделать, но попросить об этом было бы проявлением слабости с её стороны. Она одёрнула руку. Хелен не хотела, чтобы он жалел её, не хотела, чтобы его грызла совесть. Ей просто было приятно, что он был с ней рядом все эти годы.

«Да нет, правда, – сказала она. – Всё будет хорошо».

Но, казалось, он не верил ей.

«Я хотел бы ещё кое-что сказать», – произнёс он. – Я не говорил об этом раньше, потому что... ну... я знаю, как болезненно ты воспринимаешь такие вещи, – он прервался на секунду, а потом, избегая её взгляда, заговорил ещё быстрее. – Это по поводу денег. Я договорился с банком».

На её щеках промелькнул румянец. Не из-за какой-то ложной гордости. Это было бы непозволительной роскошью, если бы у неё не было никого, кто бы мог поддержать её. Но ...

«О, Грэг, не стоило», – смущённо возразила она.

Он отмахнулся. Почти гневно.

«Но почему нет? Я хочу тебе хоть чем-нибудь помочь. И Сандра...» – он упомянул её имя. – Она тоже. Мы говорили об этом прошлым вечером».

Сандра... Мы... Как легко, как привычно он говорил о ней. Хелен было больно думать об этом. Хотя два месяца назад они ещё не были знакомы. Два месяца. Случилось ли это, когда он уехал по делам в Лондон?

Она поняла, что что-то произошло только после того, как он вернулся, хотя он ничего об этом не говорил. Какая-то глубоко укоренившаяся, женская интуиция давно уже подсказывала, что он больше не был целиком и полностью с ней, что теперь она делила его с кем-то еще.

Девушка. Молодая, свежая и красивая. Представившаяся картина переполнила её чувством тревоги. Он сменил работу на другую, получше, и переехал жить в Лондон. Она не видела его целый месяц. И она никогда не встречалась с той девушкой.

Сандра... Она работала в рекламной компании, он рассказал ей. Очень умная. Но всё это было уже неважно для Хелен. Когда ты любишь кого-то каждой частичкой своей души, ты даже не задумываешься о том, насколько умна та более молодая особа, к которой ушёл твой любимый.

Была ли она по-настоящему хорошей? И будет ли она прилагать все усилия, чтобы сделать его счастливым, как пыталась это делать Хелен?

Но Сандра... Очень выразительное имя. Даже представить себе трудно, что существует девушка с таким именем. Хелен переключила взгляд на молодую особу, только что вошедшую в кафе, которая нерешительно смотрела по сторонам.

И тут девушка обернулась. Она была красива, с той ноткой застенчивости и милым очарованием, которые заставляют сердце вздрогнуть. Хелен застыла, совершенно не осознавая того, что не может оторвать от неё взгляд. Её глаза расширились от удивления, когда она увидела, что Грэг встал с места. Девушка поспешила к их столику.

«У тебя всё-таки получилось вырваться, любимая, – Хелен услышала Грэга, который повернулся к ней и заулыбался. – Сюрприз! Мама, это Сандра. Будущая счастливая невеста».

Иэн С. Томпсон

ВОЛЬГА САБИТНЮК, студэнтка гр. 10 РГФ-1

Tupac Shakur

Тупак Шакур

I cry

Sometimes when I'm alone
I cry,
Cause I am on my own.
The tears I cry are bitter and warm.
They flow with life but take no form
I cry because my heart is torn.
I find it difficult to carry on.
If I had an ear to confide in,
I would cry among my treasured friend,
but who do you know that stops that long,
to help another to carry on.
The world moves fast and it would rather pass by.
Then to stop and see what makes one cry,
So painful and sad.
And sometimes...
I cry
And no one cares about why...

Я плачу

І часам, калі застаюся адзін,
Я плачу,
Таму што я сам па сабе.
Шаленыя, горкія слезы цякуць,
Без формы, але ўсе ж живуць.
Яны мае сэрца бязлітасна рвуць,
І так мне складана далей працягнуць.
Калі было б каму мне даручыцца,
Я б плакаў між каштоўнейшых сяброў,
Але ж ці ёсць такі, хто спыніць час,
Каб іншаму дапамагчы трымацца.
Свет рухаецца шпарка, ен хутчэй міне,
Чым спыніцца ды паспытае, чаму ты плачаш,
Так горка і балюча.
І часам...
Я плачу
І нікога не хвалюе, чаму...

ЕВГЕНИЙ ПАПАКУЛЬ, аспирант

Herr Mårten

Däth var intet länge,
Men däth var i gåhr,
Däth spörje hoffmän och knechter,
Herr Mårten var lagd på båhr.
Så döder rijder Mårten igenom fouglesångh!

Däth var Waldemar Skytte,
Han rijder i rosenlund,
Mötte honom Herr Mårten,
I dän samma stund.
Så döder rijder Mårten igenom fouglesångh!

"Höer du Waldemar Skytte,
"Var intet för mig rädd,
"Mädan jagh lefde i verlden til,
"Jagh hölt tigh så mycket kier".
Så döder rijder m. m.

Svarter var hans sadel,
Och svarter var hans häst,
Och svarte vore dhe rackerna,
Som luppe Herr Mårten näst.

Svarte vore hans stöfler,
Och svarte vore hans sporrar,
Och svarte vore dhe rackerne,
Som luppe Herr Mårten före.

"Höer du Herren Mårten,
"Hvij rijder du så slijk?
"Här är intet mehra ähn dagar två,
"Sedan vj bore digh lijk." –

"Jag fåer intet liggia,
"Och jag fåer ingen roo,
"För ähn jagh haar varit [i] fouglesångh,
"Bytt från migh den orätte jord".

"Och sej thet för min hwstro,
"Om hon vill väl migh,
"Så beedh henne taga den lilla tomt
"Och leggja bort från sigh".

"Och sej thet för min hwstro,
"Om hoon digh icke vill troo,
"Beedh henne see vnder min natstufve säng,
"Mine skoor stå fulle med blodh".

Tack Herr Mårtens hwstro,
Hoon ville Herr Mårten väl,
Hoon låtte sjuttio messer sejja,
För Herr Mårtens siähl.
Så döder rijder Mårten igenom fouglesångh!

Гэр Мортэн

Да ўчорашняга ранку
Гэр Мортэн не дажыў.
Прыйшлі з ім развітацца
Усе, з кім ён служыў.
Памерлы Мортэн едзе пад птушак дзіўны снеў!

Аднойчы Вальдмар Хюттэ
Праз ружаў гай скакаў.
Сустрэў яго там Мортэн
І так яму казаў:
Памерлы Мортэн едзе пад птушак дзіўны снеў!

"Не бойся, Вальдмар Хюттэ,
Як жыў я на зямлі,
Найлепшымі сябрамі
З табою мы былі".
Памерлы Мортэн едзе і г. д.

Ягоны конь і збруя,
Нібыта змрок былі,
Ды чорныя сабакі
За ім услед ішлі.

На чорных ботах шпоры,
Нібы лязо былі,
Ды чорныя сабакі
Перад зданнем ішлі.

"Навошта, дружа Мотрэн,
Мяне ты тут спыніў?
Бо толькі пазаўчора
Навекі ты спачыў." –

"Няма мне адпачынку,
Спакою мне няма,
Бо пры жыцці палеткам
Чужым валодаў я.

Скажы маёй ты жонцы,
Аб тым яе малю:
Назад яна хай верне
Падманутым зямлю.

А раптам не паверыць –
Дык знак падам я ёй:
Пад ложкама мае боты
Напоўняцца крывёй".

Ды семдзесят малітваў,
Наведаўшы імшу,
Узнесла жонка Богу
За мужаву душу.
Памерлы Мортэн едзе пад птушак дзіўны снеў!

Dansen i rosenlund

Häll om een afthon tå rijm faller på,
Vthrijdher then swenne sijn gångare grå.
J bijdhen migh väll!

Sadhell af silffuer och betslet af gull,
Sielff rijdher then svenne så dygde full.
J bijdhen migh väll!

Så rijdher han j rosenne lundh,
Ther fan han en dantz medh frur och j yngfrur.
J bijdhen migh väll!

Han bant sin hest widh lilie quist,
Han bär en stor gledhie, thet är hån om wist.

"Wij finnom s väll åther om midsåmmars tijdh,
"När dagen görs långh och natten görs blijdh".

"Wij finnom s väll åther om midsommars dagh,
"När lärickian siunger och göken gaall".

"Wij finnom s väll åther j blomster engh,
"Ther roser och lilior stå för vår sengh".
J bijdhen migh väll!

Liten Karin

Och liten Karin tjente
På unga kungens gård;
Hon lyste som en stjerna
Bland alla Tärnor små.

Hon lyste som en stjerna
Allt bland de Tärnor små
Och unga kungen talte
Till liten Karin så:

"Och hör du, liten Karin!
"Säg vill du blifva min?
"Grå hästen och gullsadelen
"Dem vill jag gifva dig.

Grå hästen och gullsadelen
Jag passar inte på.
Gif dem din unga Drottning;
Låt mig med äran gå.

"Och hör du, liten Karin!
"Säg vill du blifva min?
"Min rödaste gullkrona
"Den vill jag gifva dig.

Танцы ў ружавым гаі

Наўкол усё шэранню вечар заслаў,
І шэрага коня юнак засядлаў.
Чакай жа мяне!

Са срэбра ды золата збруя была,
І хлопец ляцеў на кані, бы страла.
Чакай жа мяне!

Ды ў ружавым гаі спаволіў конь ход,
Убачыў юнак там дзяўчын карагод.
Чакай жа мяне!

Ён побач з лілеяй каня прывязаў,
Ды радасцю твар юнака ажно ззяў.

"Нам лепей сустрэцца купальскай парой,
Як дзень будзе доўгім, а ноч дасць спакой".

"Нам лепей сустрэцца пад спеў жаўрукоў,
Калі кукавацьме зязюля тут зноў".

"Нам лепей сустрэцца, дзе кветкі цвітуць,
Лілеі ды ружы нам ложак саткуць".
Чакай жа мяне!

Пра дзяўчыну Карын

Служыла Карын годна
У замку караля;
Між іншых прыгажуняў
Найпершаю была.

Ярчэй за зорку ззяла
Яна сваёй красой.
Прышоў кароль аднойчы
І так казаў ён ёй:

"Паслухай мяне, Карын,
Ці будзеш ты мая?
Каня з каштоўнай збруяй
Аддам за гэта я".

"Каня з каштоўнай збруяй
Ты жонцы лепш аддай.
А мне, дзяўчыне беднай,
Мой гонар захавай".

"Паслухай мяне, Карын,
Ці будзеш ты мая?
Карону залатую
Аддам за гэта я".

Din rödaste gullkrona
Jag passar inte på.
Gif dem din unga Drottning;
Låt mig med äran gå.

"Och hör du, liten Karin!
"Säg vill du blifva min?
"Mitt halfva kunga-rike
"Det vill jag gifva dig.

Ditt halfva kunga-rike
Jag passar inte på;
Gif det din unga Drottning;
Låt mig med äran gå.

"Och hör du, lilen Karin!
"Vill du ej blifva min;
"Så skall jag låta sätta dig
"I spiketunnan in.

Och vill du låta sätta mig
I spiketunnan in;
Guds Englar små de se, att jag
Oskyldig är dertill.

De satte liten Karin
I spiketunnan in,
Och konungens små svenner
De rullade henne kring.

Så kom det ifrån himmelen
Två hvita dufvor ner;
De togo liten Karin,
Och strax så blef det tre.

Uti åtekilliga uppteckningar förekommer
ännu en slutvrers:

Så kom två svarta korpar
Dit upp från helfvete;
De togo unga konungen,
Och strax så blef det tre.

"Карону залатую
Ты жонцы лепш аддай.
А мне, дзяўчыне беднай,
Мой гонар захавай".

"Паслухай мяне, Карын,
Ці будзеш ты мая?
Палову каралеўства
Аддам за гэта я".

"Палову каралеўства
Ты жонцы лепш аддай.
А мне, дзяўчыне беднай,
Мой гонар захавай".

"Калі ж ты мне адмовіш
Пяшчотай адказаць,
Табе з цвікамі бочку
Скажу я рыхтаваць".

"Мне жорсткія пакуты
Задумаў ты дарма;
Анёлы ў небе бачаць:
На мне віны няма".

Тут Карын загадаў ён
У бочку пасадзіць,
І варту там пакінуў
За дзеўкаю сачыць.

Два голубы з нябёсаў
Спусціліся тады.
Няшчасную дзяўчыну
Забралі ў рай яны.

Паводле іншых запісаў існуюць і
наступныя канцавыя радкі:

Ад пакарання конунг
Не здолеў уцячы:
Тады ж забралі ў пекла
Яго два крумкачы.

АННОТАЦИИ

АНАСТАСИЯ МОЗГО, магистрантка

Повесть Осаму Дадзая «Исповедь неполноценного человека»

Дадзай, Осаму Исповедь «неполноценного» человека / О. Дадзай; пер. с яп. В. Скальника. – М.: «Аграф», 1988. – 160 с.

«Вся моя жизнь состояла сплошь из позора. Да я, впрочем, так и не смог уяснить, что это такое – человеческая жизнь...»

Что же заставило молодого человека двадцати семи лет написать такие строки? Насколько же ужасна его жизнь? В чем же заключается его неполноценность?

Перед нами история одной жизни на страницах трех тетрадей, история одной души в трех фотографиях – бессмертный шедевр японской литературы первой половины XX века, ставший классикой. Книга тиражом более десяти миллионов копий, одна из самых читаемых в Японии, и по сей день мало кого оставит равнодушным. «Исповедь неполноценного человека» – откровение, долгий путь от детских страхов до осознания ущербности, от желания стать частью общества до полного безразличия.

Почему мальчик все детство и юность не расстается с маской шута? Что он скрывает за иллюзией улыбки? Для чего студент из аристократической семьи вступает в ряды коммунистической партии? Зачем молодой художник совершает попытку двойного самоубийства с замужней официанткой, которая вдвоем старше его? А потом – туберкулез, сакэ, женщины, морфий, психиатрическая лечебница... В конце мы видим человека без лица, без возраста. Он ни счастлив, ни несчастен, он знает, что бесспорная истина только одна – «все проходит».

Так в чем же причина страданий одинокой души? Почему Едзо не может справиться со своим несчастьем? Почему всякое сопротивление устоявшемуся мнению общества обречено на провал? На самом ли деле он «неполноценный человек»?

ПРИМИТЕ К СВЕДЕНИЮ!

Уважаемые читатели! Если Вы хотите, чтобы Ваше произведение было опубликовано на страницах альманаха «Литературный ОбъектИФФ», Вам следует предоставить нам электронный вариант рукописи. Для этого обращайтесь на кафедру мировой литературы и культурологии (ауд. 201) или присылайте файл в формате .doc на электронный адрес LQalmanac@yandex.ru. По всем интересующим Вас вопросам Вы можете обращаться лично к Дмитрию Лабовкину (тел. +375 29 776 86 85), Анастасии Мозго (тел. +375 29 292 67 42) и Сергею Гочакову (тел. +375 33 316 79 70).

Не ограничивайте себя рамками жанров, форм, содержания или объема, но помните, что отбор работ проводится на конкурсной основе. Если Ваше произведение прошло конкурс, однако Вы не встретили его на страницах альманаха, оно обязательно будет издано в следующем номере. *Редколлегия*

СОДЕРЖАНИЕ

ЭССЕИСТИКА

Гочаков С.	
О смысле	3

ПОЭЗИЯ

Балтрукова Е.	
Арфа пауच्या тонкими нитями	4
По пояс в воде	4
Чулова Е.	
Ветер дует сквозь окна	5
Воропаева Е.	
Смой мои слезы, дождь	5
Одиночество	5
Гиль М.	
Оракул.....	6
Вдох.....	6
Мозго А.	
Три ворона летели над землей.....	6
О Лун безликое молчанье	6
Багарадава Т.	
У калазвароце вечных дзён.....	7
Jendreizik L.	
Wenn.....	8
Grau in Grau	8
Grausam	8

ВСПОМИНАЯ НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ

Гугнин А.	
Готический сон	9

ПРОЗА

Гочаков С.	
Литовка	10
Я тебя не люблю	15
Фараон.....	19
Мертвая хватка	26
Лабовкин Д.	
Путешествие на край ночи, или Гуляя по району с Серёгой	28
Туршук Д.	
Лавка приятных сердцу мелочей.....	33
Балтрукова Е.	
Кривые зеркала	36
Заболотнева К.	
Я всегда рядом	43

О ПОЛОЦКЕ И ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛЕ

Гочаков С.	
Дом офицеров.....	50
Гугнин А.	
День бригады.....	55

ДРАМАТУРГИЯ

Лабовкин Д.

Лишний	58
Любовь	63

ПЕРЕВОДЫ

Ian S. Tompson « <i>Final break</i> »	67
Иэн С. Томпсон « <i>Последнее прощай</i> » (Перевод К. Заболотневой)	68
Турас Shakur « <i>I cry</i> »	69
Тупак Шакур « <i>Я плачу</i> » (Переклад В. Сабітнюк)	69
Шведская народная баллада « <i>Herr Mårten</i> » (Перевод Е. Папакуль)	70
Шведская народная баллада « <i>Dansen i rosenlund</i> » (Перевод Е. Папакуль)	71
Шведская народная баллада « <i>Liten Karin</i> » (Перевод Е. Папакуль)	71

АННОТАЦИИ

Мозго А.

Повесть Осаму Дадзая « <i>Исповедь неполноценного человека</i> »	73
--	----

Примите к сведению	73
--------------------------	----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 2

Ответственная за выпуск *А. И. Мозго*
Компьютерная верстка *Д. А. Лабовкин, С. В. Гочаков, А. И. Мозго*
Дизайн обложки *В. В. Гочаков*

Подписано в печать 14.05.2014. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 8,83. Уч.-изд. л. 6,09. Тираж 99 экз. Заказ 736.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/494255 от 08.05.2014.

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.